

ИСТОРИЧЕСКИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АНДРЕЙ БАТУХАНОВ

ЖОНГЛЁР

Исторические приключения (Вече)

Андрей Батуханов

Жонглёр

«ВЕЧЕ»

2019

Батуханов А. Б.

Жонглёр / А. Б. Батуханов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8037-9

Конец XIX века. Сын успешного петербургского адвоката Леонид Фирсанов хочет устроиться в жизни и не особенно стремится к авантюрам, но неожиданно для себя отправляется в Африку в качестве корреспондента газеты «Невский экспресс», чтобы сочинять заметки об Англо-бурской войне. Увидев воочию, как ведётся эта война и как проявляют себя на ней русские добровольцы, Фирсанов становится одним из них, однако незадолго до окончания боевых действий удача отворачивается от недавнего журналиста: он попадает в плен к англичанам. Сумев бежать, Леонид вместе с новым товарищем, Франсуа, переживает всё новые и новые приключения, а выбраться из очередной передряги часто помогает детское увлечение – жонглирование и трюки в стиле американского иллюзиониста Гудини. С их же помощью «жонглёр» надеется вернуться на Родину...

ISBN 978-5-4484-8037-9

© Батуханов А. Б., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Среди песка и зноя	6
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Андрей Борисович Батуханов

Жонглёр

© Батуханов А.Б., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

*На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза
чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!*

Николай Гумилёв. «Волшебная скрипка», сборник «Жемчуга»

*Истинно вам говорю: война – сестра печали, горька вода в колодцах
её.*

*Враг вырастил мощных коней, колесницы его крепки, воины умеют
убивать.*

Города падают перед ним, как шатры перед лицом бури.

Говорю вам: кто пил и ел сегодня – завтра падёт под стрелами.

*И зачавший не увидит родившегося, и смеявшийся утром
возрыдает к ночи.*

Вот друг твой падёт рядом, но не ты его похоронишь.

*Вот брат твой упал, кровь его брызжет на ноги твои, но не ты
урачишь раны его.*

*Говорю вам: война – сестра печали, и многие из вас не вернутся под
сень кровли своей.*

Но идите. Ибо кто, кроме вас, оградит землю эту...

Вадим Шефнер «Сестра печали»

*Особая благодарность Светлане Батухановой и Сергею Зюсько за
многочисленные разговоры, сделавшие эту книгу не только возможной,
но и гораздо лучше.*

Светлой памяти Олега Казанчеева

Среди песка и зноя (Что-то, похожее на пролог)

Небольшой оазис в пустыне. Вне времени и пространства

Там, где небо цвета синей застиранной тряпки незаметно перетекало в жёлтые дюны, мимолётно застывшие в мареве вечера, раскалённый воздух стеклянной лавой струился к нежно-розовым облакам, нехотя плывущим в хрустальной вышине. Горизонт ещё не отсёк добрый кусок от огромного красно-медного диска, и раскалённый ветер торопился надраить его сухим песком. Солнце цвета хны, разбухшее от собственной щедрости, озолотило округу. Покачиваясь на гребнях дальних барханов, оно величественно застыло на гигантском постаменте из песков.

Пальмы уже стали терять свои и без того блёклые цвета. Они смотрелись испепелёнными силуэтами на рыжем фоне. К ним чёрными чётками бус плавно тянулся вечерний караван с берегов океана. Лаяли собаки, почуяв чужаков, и гортанно перекликались между собой караванчики.

Звуки плавились от жары, ветер вяло терзал замусоленную ветку, листья которой иногда касались руки мужчины, сидящего прямо на песке и облокотившегося спиной на старую, изъеденную порывами сирокко¹, саманную кладку.

Брови и борода странника когда-то были светло-русого или пшеничного цвета, но выгорели на безжалостном солнце, сильно контрастируя с загоревшей кожей, став почти седыми, сильно добавляя незнакомцу возраста. Его выдавали руки, с гладкой кожей без морщин и сильными, едва подрагивающими, постоянно что-то перебирающими пальцами. Тонкие пластины красивых ногтей уже сами по себе были украшением кисти. Любая женщина позавидовала бы. Они бросились девочке в глаза несколько дней назад, когда мужчина только прибыл к ним из глубины пустыни. Когда-то он долго щурился: от внешних уголков глаз к вискам тянулся пучок светлых морщин. Голова была укрыта новым, сочно-синим туарегским плащом. Он крепко спал. Длинная тень продвинулась на две стопы, а он даже не пошевелился!

Терпение девочки иссякло, как чахлый источник в жаркий день, и она на цыпочках плавно пошла в его сторону, почти не касаясь босыми ногами земли. Но едва её тень коснулась его лица, светлокочий открыл голубые глаза. Они были как два больших кусочка неба в самый прохладный час. Таких в оазисе ни у кого не было, а она знала всех, и своих, и пришлых. Она уже была готова закричать от неожиданности и страха, но незнакомец улыбнулся, от чего из глаз брызнули весёлые лучики. Такой не станет грубо кричать или бить по спине плёткой.

Девочка хотела уйти, но её остановили жестом и указали на место рядом с собой. Она подчинилась воле старшего, тем более мужчины. Незнакомец слегка наклонился к ней и, протянув руку ей за шиворот, вытащил оттуда красный глиняный шарик. Потом достал ещё один прямо из воздуха! Следующий появился сначала из его, а потом и из её уха. Стало страшно и она решила бежать домой, но в этот момент два шарика скатились из рукавов халата на узкие ладони, а оттуда в песок. Он почесал волосы под чалмой и вытянул руку перед собой. Между пальцев, как вода бегущая между камнями, перекатываясь от пальца к пальцу, бегал крапчатый шарик. Зелёный нахально раздвинул его красные губы. Теперь перед ним лежала скромная горка, отполированных сотнями или тысячами прикосновений. Последним появился синий, который волшебным образом кочевал из одной ладони в другую, бесследно исчезая в воздухе, но всякий раз появлялся заново в другом месте. В конце концов он застыл на верхушке кучки.

---

¹ Сирокко – обжигающий ветер с высокой температурой и низкой влажностью. Вызывает пыльную, сухую погоду вдоль северного побережья Африки.

Голубоглазый лёгким движением смахнул капельку пота, показавшуюся из-под чалмы, взял синий, покрутил его кончиками пальцев и подбросил вверх, через секунду к нему присоединился следующий, затем ещё и ещё. Руки незнакомца хватали шарики и кидали вверх, пока все не оказались над головой. Было такое ощущение, что они превратились в магическое ожерелье. Она засмеялась от восторга. Но тут камешки стали прилипать к песку, и не успела она дважды моргнуть, как они снова лежали горкой.

Хотя мама объясняла, что на мужчин нельзя так пялиться, но она смотрела на него во все глаза. Слегка усмехнувшись, жестом предложил ей поиграть самой. Она с опаской взяла один из них, а вдруг он улетит? Но они были самыми обыкновенными, таких тысячи по обочине любого караванного пути, ведущего к ним в оазис. Она подбросила его на ладонке. Он взлетел и, подняв крохотный фонтанчик, шлёпнулся на песок. И во второй раз, и в третий. Она подкинула камень сильнее, а другой к нему не привязался. Сколько она ни старалась, ничего не получалось! И, когда она была готова заплакать от обиды, незнакомец снова их оживил. Потом взял три из них и научил её подбрасывать так, чтобы они не падали на землю. Она была рада такому драгоценному для неё подарку. Девочка сделала несколько шагов к дому, но вспомнила зачем прислал её отец.

– Отец сказал, чтобы ты на закате приходишь к тропе, идущей к Эль-Джауфу. Когда взойдёт Кохаб², он сам поведёт караван.

– Спасибо, – поблагодарил её незнакомец. – Как тебя зовут?

– Кахина.

– Какое красивое имя, – сказал с акцентом незнакомец. – У меня ничего нет, чем бы я мог отблагодарить тебя за добрую весть.

– Летающие камешки, – замирая от страха и восторга подсказала она.

Незнакомец весело засмеялся.

– Я отдам тебе их все, кроме самых любимых. Согласна?

Она только кивнула в знак согласия, боясь как бы он не передумал. Путник забрал цветные. Вернее, они сами взлетели и растворились у него в ладонях. Он снова показал ей, как летают оставшиеся. Потом заставил её, чтобы она оживила свои. Научил, как по одному, аккуратно выхватывая из кучки, добавлять их в воздушные бусы и как возвращать на песок.

Смышлёная девочка хватала всё, в буквальном смысле, на лету. Темнокожая, с огромными выразительными глазами, которые из-за больших белков просто сияли на её лице. Ровная бархатная кожа, не испорченная оспой и другими болезнями. Пышные волосы лишь немного вились, а не кучерявились мелким бесом, поэтому были собраны в косу. Изящной формы, совсем не африканский нос, предсказывал, что она вырастет в красавицу по европейским меркам, с тонкими, красиво очерченными темными губами.

Она и не заметила, как красноватый свет стал тусклее. Ожили ночные цикады и стали распиливать воздух вечера на тысячи кусочков. Ох и долгая эта работа! Скоро на оазис навалится абсолютная тьма, и тогда на чёрном небе зажгутся бесчисленные звезды. Среди них взойдёт Кохаб, и незнакомцу надо будет идти к каравану отца.

Кахина так и застыла на корточках, не в силах сдвинуться с места, хотя ей уже давно надо было бежать к матери. А мужчина, потрепав её по волосам, встал и пошёл в сторону тропы на Эль-Джауфу. Его плотный силуэт контрастно выделялся на фоне исчезающего красного диска. И вдруг между ним и солнцем возник мираж: возле небольшого рукотворного озера навис над водой небольшой замок с несколькими островерхими башенками. Незнакомец обернулся, сделав пару шагов, и помахал рукой на прощание. Девочка была готова поклясться, что увидела два кусочка неба, прежде чем на оазис упала тьма, которая зажгла бесчисленные звезды.

---

² Кохаб – арабское название Полярной звезды.

Домой она мчалась быстрее, чем жаркий самум³ успел бы обнять пальмы оазиса.

---

³ Самум – сильный ветер пустыни, налетающий шквалами и сопровождающийся пыле-песчаными вихрями и бурей на северо-востоке Африки.

Часть I

До...

Июль. 1890 год. Павловск

– Софи! Софи! Мадемуазель Бенуа! Нам пора! Иначе праздник начнётся без нас! – В голосе гувернантки m-lle Бланш раздражение соседствовало с обидой. «Ну, в самом деле, нельзя же тратить столько времени на туалеты в двенадцать лет! Можно опаздывать к Драгунским и Сыроевым, Беклемишевым, наконец! Там всегда скука смертная. Но к Фирсановым! Пропустишь начало и весь праздник насмарку. Помнится, в прошлый раз...»

Дверь наконец-то распахнулась, и София, в удивительно красивом атласном розовом платье с кипенно-белыми кружевами по подолу, появилась на пороге. Вьющиеся каштановые волосы большими локонами из под розовой шляпки струились на плечи. Хороша чертовка! Язык даже не повернулся сделать замечание.

– Я готова, мадемуазель Бланш! – И серые глаза с огромными ресницами снизу вверх невинно смотрели на воспитательницу. Знала, чем взять.

Девочка на вытянутых руках несла большую коробку, в которой до поры до времени покоилась модель морского корабля со всеми канатами и парусами. Она должна была подарить яхту имениннику. Парусник, бесспорно, красивый, неслучайно вчера отец два часа просидел у себя в кабинете, трогал руками и цокал языком, восхищаясь тем, как всё изящно сделано. Хотя чему можно было восхищаться целых два часа? Это же не кукла! Вот чем можно восторгаться!

Лакированные части были ювелирно подогнаны друг к другу и горели огнём. Казалось, паруса изготовлены из настоящей парусины и лопаются от ветра. Снасти, как и положено английским джутовым канатам, были с красной нитью, опутывали мачты и реи. Фигура ведьмы в короткой рубашке, чьим именем был назван парусник, была выточена виртуозно. Даже у капитана на мостике возле штурвала на фуражке было воспроизведено золотое шитьё. А третьего дня, когда папенька привёз подарок из лавки, он так расчувствовался, что в задумчивости просидел полвечера в кресле-качалке, курил длинную трубку. Его глаза подёрнулись тонкой поволокой мечтательности. Он романтическим взором глядел в окно кабинета и время от времени вслушивал густые бакенбарды.

Они спустились вниз к ландо. Софи долго устраивалась на сиденье, пристраивая рядом коробку. Прошла целая вечность, пока девочке это удалось. Изабель Бланш обожала кататься в этом белом экипаже. Тогда прогуливающиеся, а среди них было много импозантных мужчин, сразу обращали внимание на пассажиров. Как знать, чем может обернуться вовремя брошенный «случайный взгляд»? Сейчас здесь много студентов из Санкт-Петербурга, а эти русские очень быстро теряют голову.

Сегодня были двенадцатые именины Лёнички Фирсанова, тихого и немного углублённого в себя мальчика, и детвора со всей округи спешила к ним в усадьбу. Там умели устраивать праздники, каждый раз удивляя взрослых и детей! К их организации прикладывал руку, да что там руку, вкладывал всю душу, сам глава семейства Александр Леонидович.

В Петербурге он был преуспевающим адвокатом, набравшем силу и популярность. Его яркие и эмоциональные защиты уже приходили послушать специально. Постепенно составлялась внушительная когорта поклонников и поклонниц. Но, что гораздо важнее, он великолепно оперировал фактами и цифрами, что зачастую приводило к желаемому результату.

А на даче адвокат разворачивался во всю ширь своей души, обожавшей праздники и увеселения. То привезёт заезжую итальянскую труппу, которая покажет сказки Гольдони, а потом устроит настоящий венецианский карнавал с масками и шутихами в небе. То откопает какого-то греческого скрипача-виртуоза, который своей игрой доведёт чувствительную часть публики

до слез, а потом устроит дивные греческие танцы. А приглашённые мускулистые борцы греко-римского стиля, которые сходились на коврах под открытым небом, заставляли мужчин и женщин ахать, охать и замирать от восторга.

На Ильин день в прошлом году прислал всем саморучно расписанные приглашения. Развесил картины молодых художников по аллеям своего сада, ухоженного в английском стиле, сам водил экскурсии и так интересно рассказывал, что окружающие только диву давались – откуда что берётся! Художники довольно и важно согласно кивали головами тому, что он рассказывал о них, об их картинах, какие подмечал тонкости и нюансы. А потом для всех «экскурсантов» были поданы блины и пироги на столах. К ним в процессе праздника подходили цыгане с медведем, пели романсы и плясали.

Вне зависимости от придумки, в конце представлений неизменно случались танцы. И музыканты у него всегда неизвестные и молодые, но очень талантливые. Он обладал удивительной особенностью: мог очень быстро рассмотреть в человеке талант и искренне им восторгаться. За что дачники очень и любили Фирсанова. А молодёжь и столичные студенты толпами сбегались на эти, как обожал называть свои сборища Александр Леонидович, «ашамблеи».

В этот раз при въезде в усадьбу вкопали столбы, обвили их лентами и гирляндами из бумажных цветов, а между ними натянули транспарант, на котором сияла радужная надпись «Circus». За аркой гостей встречали скоморохи на ходулях и акробаты в красно-черных трико с крашеными лицами. Как в самой Венеции! Они были страшными, страшно весёлыми!

– Дорогих гостей мы ждём!

– К нам на праздничный приём!

– Проходите! Веселитесь!

– Нашим счастьем зарядитесь! – кричали зазывалы на ходулях. Скорей всего им эти кричалки тоже придумал хозяин усадьбы.

На поляне перед домом они наткнулись на дородного толстяка с накладной смоляной бородой и густыми бровями. Он пошевелил плечами, отчего его голый живот, поросший рыжими волосами и едва прикрытый зелёной жилеткой, заходил ходуном. Он залихватски топнул ногой в шароварах и золочёных восточных туфлях с гнутыми носами и пустил в небо огромный столб пламени. Серебристые звезды на фиолетовой чалме на мгновение заиграли золотом. М-ше Бланш едва не вскрикнула и поспешила подальше от греха в сторону. Не дай бог опалит её причёску, толстый дурак!

А вот Софи совершенно околдовала девочка на шаре, едва ли старше неё самой. Обтягивающие сине-красное трико как брызгами было усыпано золотыми блёстками. Маленькая бархатная юбочка с белыми кружевами по подолу стояла торчком, как балетная пачка. Белые шёлковые чулочки и невесомые розовые туфельки. Софья Бенуа просто остолбенела и, забыв о приличии, открыла рот. Циркачка, улыбаясь, шла навстречу мелкими шагами, призывая руками к себе, а коварный шар катился прочь. Маленькая Бенуа не сразу поняла, как это можно, идя вперёд, катиться назад? Потом гимнастка прогнулась и встала на руки, а шар продолжал катиться! В конце девочка сделала сальто назад, соскочив на траву. Через секунду она опять оказалась на шаре, повторяя свои трюки заново. При этом небольшой головной убор в виде мужского цилиндра не спадал у неё с головы. Это была самая большая загадка для маленькой гостьи.

На другом конце поляны в основном мальчишки учились управлять двумя огромными китайскими змеями, которые забавно шевелили лобастыми драконьими головами, поднимая в небо свои кольчатые тела. Кто-то рядом играл в лапту, а на дорожке, в окружении вечнозелёных кустов, стрелой уходящей от дома, ребята постарше соревновались в броске по городошным фигурам. В награду наиболее метким выдавали какой-нибудь элемент карнавального костюма: венецианскую маску с длинным носом, украшенную блёстками полумаску на длин-

ной позолоченной ручке или же небольшой колпак со звёздами, который можно было смешно приладить на макушку.

На балконе над крыльцом дома музыкальный секстет играл весёлую барочную музыку, которая смешивалась с криками ребятишек и артистов. Праздник, как всегда, удался и несколькими очагами смеха, крика и веселья уже жил самостоятельной жизнью.

На крыльце дома за этой круговертью наблюдали младший и старший Фирсановы. Оба были в одинаковых темно-зелёных брюках со штрипками, небольших полусапожках, в белых рубашках с широкими рукавами и мелким жабо, топорщившимся спереди. Поверх рубашек были надеты полосатые коричнево-бежевые жилетки с карманами. В отцовской лежали часы, о чем свидетельствовала провисшая золотая цепочка. У именинника была зелёная бабочка, у Александра Леонидовича – коричневый шейный платок.

К ним подходили вновь прибывшие гости, после церемониальных поклонов старшие уходили в дом, а младшие с гиканьем и криком кидались в гуцу играющих и веселящихся.

Изабель Бланш даже вздрогнула от мысли, что могло бы быть, если бы они задержались хотя бы ещё на четверть часа! Всё! Праздника бы не было! Да и её воспитанница втайне это тоже понимала. Выходя из ландо, m-lle Бланш помогла Софи с коробкой, и они отправились на «официальную» часть приёма. Девочка торжественно несла перед собой коробку. Лёня не мог от неё оторваться, Фирсанов-старший – от Изабель. Подойдя вплотную, гувернантка смотрела прямо и уверенно, а вызов это или симпатия – решать хозяйну. Её глаза редкого табачного цвета вспыхивали потаёнными искорками. На лице играла невинная улыбка, которая больше говорила об обратном.

– Дорогой Леонид Александрович, позвольте вас поздравить с именинами и пожелать вам полного послушания перед вашими родителями, здоровья вам и вашим близким и исполнения всех ваших желаний! – ни разу не сбившись, выпалила Софи. M-lle Бланш была довольна воспитанницей. На это поздравление они вчера потратили полдня.

– Восхитительно! – только смог произнести улыбающийся отец Лёни.

– Уважаемый Александр Леонидович, с именинником вас! – поздравила главу семейства Софья Бенуа и вместе с гувернанткой они сделали глубокий книксен, который тоже долго разучивали у себя дома.

– Благодарю вас, прекрасные барышни! Леонид, занимайся гостьей, а я провожу m-lle Бланш в гостиную, – склонив в поклоне голову, прогудел адвокат и, увлекая вслед за собой прехорошенькую гувернантку, молодецкато упорхнул в дом.

– Благодарю вас, мадемуазель Бенуа, – сказал Леонид, азартно и нетерпеливо ковыряясь в коробке. Через секунду на свет выплыла модель парусника. Софи увидела, как вспыхнули голубым огнём его глаза, похожие на два кусочка неба, раскинувшегося над лужайкой.

– Спасибо! – пробормотал счастливый мальчик. – Я давно о таком мечтал. Это же легендарный чайный клипер «Катти Сарк»!

Что это за клипер и при чём тут чай, Софи совершенно не волновало. Сейчас она хотела немедленно оказаться на лужайке рядом с девочкой на шаре.

– Я могу показать подарки, но полагаю, что вам будет интересней на лужайке вместе с другими гостями? – великодушно предположил догадливый Лёня.

– Тогда я пойду? – больше утверждала, нежели спрашивала Софи.

– Безусловно. А я только отнесу корабль в детскую и к вам присоединюсь.

Конец реплики Софи уже не слышала. Отбросив этикет, она широкими шагами неслась к тому месту, где снова делала сальто маленькая циркачка. Девочка даже умудрилась уговорить позволить ей покататься на шаре, но из этого ничего не получилось. Она даже не смогла на него забраться, лишь поелозила животом. Зато её научили на лугу делать обратный кувырок при помощи рук.

Через полчаса гостей позвали к столу. Детям накрыли в танцевальном зале, взрослых собрали в голубой гостиной.

В конце обеда, к всеобщей радости детворы, подали лимонад, сладости и разноцветные шарики мороженого. Шум стоял непередаваемый.

После мороженого дети перешли в круглый зал, где уже стояла ширма кукольного театра. Им показали «Сказку о попе и его работнике Балде». Больше всего Софи и остальные веселились, когда поп смешно подпрыгивал от каждого шелбана Балды. Она так громко смеялась, что m-lle Бланш даже пришлось на неё шикнуть, но это всё равно не испортило радостного впечатления.

Появился Александр Леонидович и загадочным голосом сообщил, что сейчас перед ними выступит всемирно известный маг и чародей Лео Фирс, который проездом в Индию завернул к ним в усадьбу. Ребята с воодушевлением стали аплодировать. Зазвучала заунывная восточная музыка. Ширму, оставшуюся от предыдущего представления, двое в чёрном унесли в сторону. За ней, спиной к зрителям, стоял невысокий человек в синем плаще, расшитом мерцающими звёздами, в островерхом фиолетовом колпаке с полумесяцами из фольги, вниз ниспадал серебрянный султан. Громкий аккорд, вскинув руки, незнакомец эффектно повернулся. Лео Фирс оказался Лёней Фирсановым, у которого нижнюю часть лица скрывали длинные усы из ёлочного дождя.

Он поднял руки в белых перчатках, и между пальцев одной руки возник красный шарик, который исчез и появился уже в другой руке. И так несколько раз. Каждый раз маг и чародей демонстрировал публике, что ладони его пусты. Появился фиолетовый шёлковый платок, в котором исчез шарик.

Лео показал платок с двух сторон, доказывая, что там ничего не спрятано.

– Абра! Кадабра! Печабра! – загадочно прошептал иллюзионист и неизвестно откуда появилась горящая восковая свеча. По залу пронёсся всеобщий вздох удивления. Фирс быстро пронёс свечу перед зрителями первого ряда, все удостоверились, что пламя живое. Напротив крайнего зрителя свеча исчезла так же неожиданно, как и появилась. Эффектно отбросив ненужный платок в сторону, маг, привлекая внимания зрителей, снова поднял две руки. На задних рядах дети встали на сиденья стульев, не обращая внимания на замечания взрослых. В следующее мгновение в ладони оказался знакомый шарик, за ним второй, третий – и они полетели к потолку. Количество предметов увеличивалось, кольцо постепенно росло и поднималось. Неожиданно один шарик с деревянным стуком упал на настил, за ним второй... И вот уже вся цепочка брызнула в разные стороны. Лицо мага сморщилось, и он, готовый разрыдаться, в полной тишине, стуча каблуками, убежал со сцены.

– Уважаемая публика, наш маг и чародей немного устал, путешествуя на корабле из самой Индии! – попытался спасти положение Леонид Александрович. – Может быть, после паузы, он снова покажет свои фокусы. А теперь, друзья, прошу в танцевальный зал! Я объявляю танцы до упаду!

Зрители, радостно гомоня и отодвигая стулья, заторопились из круглого зала. Их ждало завершающее действие праздника.

В танцевальном зале уже вынесли столы, расставили стулья вдоль стен, а музыканты обосновались на небольшом балкончике под самым потолком. Как только большинство гостей собралось, Фирсанов-старший дал отмашку и полилась музыка. Вот где заблестала m-lle Бланш. Вот чего ждала её душа весь вечер! Кавалеры наперебой записывались к ней на танцы, но как-то так само собой получалось, что чаще всего она была в паре с Александром Леонидовичем. Правда, счёта никто не вёл и напрямую не следил.

После очередного танца Софи выскочила освежиться на лужайку перед домом. Проходя мимо вечнозелёной изгороди, она услышала горькие рыдания. Она продралась сквозь кусты (прощай, розовое платье и белые кружева) и увидела вздрагивающего мага и чародея. Он до

этого так долго плакал, что из груди рвались только судорожные всхлипы. Софи тихо подошла к нему и крепко его обняла. Мальчик прижался к ней и затих.

По-женски утешить его было некому. Мать скончалась девять лет назад, а жениться заново, переживая за мальчика, Александр Леонидович не решился. Чтобы хоть как-то заглушить тоску по безвременно ушедшей молодой жене, он и устраивал эти шумные вечеринки. Иногда позволял себе мелкие и невинные интрижки, но ничего более существенного.

Так девочка и всхлипывающий у неё на плече мальчик простояли прилично, прежде чем Лёня стал говорить.

– Я хотел всех порадовать, а они – бум и упали. Будто специально! Все! – вздрагивал юный маг и чародей, так и не доехавший до Индии.

– Вы не просто порадовали нас, – убеждала его Софи, – вы приятно всех удивили. Сразили наповал, как любит говорить мой батюшка. Особенно меня. У вас так дивно всё выходило.

– Правда? – с надеждой спросил младший Фирсанов.

– Правда, правда, – спешно уверила его Софи. – Я бы так не смогла. Это вам не стихотворение на стуле рассказать или песенку на клавикордах сыграть.

– Я очень старался. Всю зиму разучивал фокусы.

– Я договорюсь с мамá и папá и приеду к вам через неделю. Вы мне их снова покажите. И научите жонглировать. Хорошо? За неделю успеете?

– Конечно! – робко улыбнувшись и шмыгнув носом, сказал маг и чародей. – Я к третьему дню буду готов.

– Боюсь, что уговорить родителей, в лучшем случае, удастся только на выходные. И то, если мадемуазель Бланш не сделает мне замечаний в книгу прилежания. Но я буду очень стараться. Правда, правда, – заверила его Софи Бенуа.

– Тогда я ещё что-нибудь выучу. У меня есть большая французская книга фокусов. Папенька на прошлые именины мне подарил.

Пританцовывая, они направились в усадьбу на звуки музыки. Лёня был рад, что недоумение разрешилось так просто, а Софи предвкушала возможность посекретничать перед сном с m-Ше Бланш.

Октябрь. 1899 год. Санкт-Петербург

Армада свинцовых облаков прекратила уютить плоский пейзаж, цепляясь брюхом за шпиль Петропавловского собора. Они позорно бежали за горизонт, оставив обнажённый Санкт-Петербург на разграбление четырём ветрам и осеннему солнцу. Не дождь, а мелкая водяная пыль, изматывавшая жителей последнюю неделю, прекратилась. Стало видно, что в палитре города, кроме серого, есть и другие краски. Он, как туберкулёзный больной, жадно втягивал сырой воздух полной грудью. С нездоровым блеском в глазах, с азартом приговорённого к жизни, засуетился, забегал по улицам, мостам и подворотням.

Мальчишка с холщёвой сумкой через плечо, в худых лаптях и грязных онучах, простуженным голосом кричал:

– Покупайте «Невский экспресс»! Покупайте! Президент Трансвааля Пауль Крюгер предъявил ультиматум британской короне! Покупайте «Невский экспресс»! – Тут хриплый голос надломился, дал «петуха» и сорвался на сухой кашель. Разносчика сотрясали конвульсии, лицо посинело, а полоска губ стала белой. Откашлявшись и сплюнув себе под ноги, он бесстыже помянул погоду и жизнь по матушке. Подтянув штаны, поправил съехавший картуз, газетчик побежал дальше, размахивая газетой и сипло предлагая её встречным. Как ни странно, его сиплый голос далеко разносился в сыром воздухе и был долго слышен на набережной.

Чёрные львы с золотыми крыльями на Банковском мосту безразлично-величественно держали в зубах провисающие канаты. Елизавета Меньшикова застыла перед лужей, в кото-

рой плавали жёлтые и багряные кленовые листья, не в силах её обойти. Естественно, ей было жалко новую пару полуботинок от фабрики «Виктория», приобретённых позавчера в магазине Янкеля. Да и подол платья мочить совсем не хотелось. Обтреплется, измахрится и почти неносимое платье надо будет нести к портнихе, а чего хуже – выбросить. В ожидании она подняла серые глаза на своего провожатого. Он быстро сообразил и встал начищенными до блеска ботинками в мутную воду, протянув ей руку. Барышня оперлась на тонкую, но сильную ладонь и одним движением перемахнула через лужу.

Мгновение, пока рука в ажурной перчатке грела его ладонь, сердце Леонида Фирсанова сладко замерло, а следом ухнуло с хрустальным звоном вниз. Но тонкого звенящего звука не услышал никто. «Что это?» и «Почему это?», молодой человек давно себе ответил. Краткий миг, а ему показалось – несколько минут. Но полёт закончился, и они пошли дальше.

– Человеческая натура полностью раскрывается только в экстремальных моментах жизни, – продолжила начатый разговор Лиза.

– Ну не всегда, Лизавета. Не спорю, в экстремальных ситуациях она раскрывается быстрее. А существуют люди, которые годами совершают поступки и не только не страдают от этого, но и подвигом подчас это не считают. А так – естественным течением жизни, – возражал Леонид.

И он делал это не столько из-за того, что обладал иной точкой зрения, а ради того, чтобы слегка поддеть и раззадорить девушку. Елизавета в такие моменты так импульсивно отстаивала свои взгляды и горячо говорила, что её глаза не просто горели, они сияли. Может быть, так играют бриллианты на свету, но он пока ни одного не видел. Да какая разница, если эта игра света завораживала его! Не говоря уже о всей обладательнице глаз целиком. Он старался, но не находил у неё изъянов. И это тоже доставляло ему удовольствие. Правда, до сих пор не представилось случая сообщить ей об этом. Надо менять ситуацию!

Познакомились они недавно на лекциях одного заезжего итальянского эзотерика, который почитал Гермеса Трисмегиста⁴ и рассматривал мир как бесконечные вариации смещения в разных пропорциях первичных образующих стихий: воды, огня, воздуха и земли. Леонид рассчитывал почерпнуть на лекциях знания по теории и некоторые аспекты практического применения средневековой западноевропейской алхимии, которой недавно нешуточно увлёкся. Его больше интересовал ритуал «большого делания» – реального получения золота из свинца. Он не верил в «философский камень», предполагая, что это фигура речи, за которой стоит либо сочетание уже определённых минералов, либо выверенная временная и технологическая последовательность их использования. Но после второй лекции в словах лектора исчез даже намёк на логику. Разговор стал более походить на завывания ветра в печной трубе или камлания обезумевшего шамана. Чтобы понять и разобраться в сказанном, нужен был переводчик или увесистая стопка словарей. Но и то, вряд ли она бы помогла. Показалось, что многое, о чём говорил итальянец, является импровизацией, порождённой не суммой знаний, а произнесением звучных терминов, подсказанной сиюминутным настроением. Началось вольное, а иногда и весьма нахальное жонглирование терминами, порой между собой не сочетаемыми.

И как только эзотерик закрыл окна и запалил какие-то травы, Леонид, пригнувшись, решительно двинулся к двери, возле которой чуть было не зашиб девушку, так же почти ползком спешившую к выходу. Это была Елизавета.

На улице они, не сговариваясь, долго и дружно хохотали над тем, что попались на удочку очередного шарлатана, паразитирующего на модной теме. Ему показалось, что тайное братство светлых умов мгновенно их сплотило. Фирсанова ничуть не смущало, что в братстве был один брат и одна сестра. Отличная, как говорили в прошлом, «плипорция». Не убавить и не при-

---

⁴ Гермес Трисмегист (трижды величайший) – сочетает в себе черты бога Тота и Гермеса. В христианской традиции он автор теософского учения герметизм.

бавить. В самый раз! После пары шагов в одном направлении, он напросился в провожатые. Девушка благосклонно разрешила, когда узнала, ради чего туда пришёл Леонид. Теперь он старался при первом удобном случае встречаться с Меньшиковой вновь и вновь.

Родом она была из крохотного городка Перемышля Калужской губернии и пошла по стопам своей матери. Она училась в Александровском институте, готовилась стать сельской учительницей. Чем, кстати, очень гордилась. Хотя и Белокаменная была ближе, Елизавета избрала Санкт-Петербург из-за красоты. Когда впоследствии представится такая возможность? Ходить по улицам и проспектам, которые прокладывал, а позже исходил сам Пётр Великий. Ну и, конечно, Александр Меншиков. Вряд ли родственник, но всё же... Ей часто казалось, что на этих улицах ещё не стихли звуки шагов Пушкина, Жуковского, Достоевского, Некрасова. Окна некоторых зданий ещё хранят их стремительные силуэты.

Фирсанов учился на третьем курсе юридического, куда пошёл по настоятельному требованию отца. «Я тебя, конечно, обеспечу и наследство у тебя будет хорошее, но лучше всегда иметь в руках хлебную профессию, которая тебя выручит в любой момент. А поскольку судиться и сутяжничать люди не перестанут никогда, то всегда будут очень высоко ценить, в прямом смысле этого слова, тех, кто умеет делать это в совершенстве. Иди, сын мой, на юридический». На том и порешили. Аргументы Леонид счёл убедительными, а как там сложится – покажет время.

– Приведите пример вашим словам. – Тут же потребовала Лиза, которая была заядлой спорщицей.

– Ну, например, врачи. Ведь спасение даже одной человеческой жизни само по себе уже является подвигом. А врач, который ежедневно ходит в больницу или принимает у себя в кабинете, вряд ли считает свой труд подвигом, но вся его человеколюбивая натура раскрывается в этом. Или, скажем, учёный, который дерзкой мыслью или смелым опытом продвинул человечество далеко вперёд. А он у себя в кабинете чах каждый день или каждый вечер, сливал по пробиркам какие-то ингредиенты в лаборатории, а вдруг глядишь – и открытие! Или математик: что-то считал на бумаге до самой зари, а открыл планету. Так какой, вы спросите, в этом подвиг? А я вам отвечу – это каждодневный подвиг жизни, утверждающий самое понятие жизни, на который и не каждый-то способен. Для многих – на миру и смерть красна, а попробуй-ка так делать каждый день. Правда, слова «ежедневный подвиг» слегка девальвируют это понятие, но несколько его не отменяют.

– Экий вы, Леонид, скучный! Никакой романтики, никакого порыва чувств! Разложили по полочкам, закрыли склад на замок и ушли, куда глаза глядят.

– Порыв, он на то и порыв. Налетел – и нет его. А вот стучать-постукивать, собирать по крупице, по щепотке, но каждый день, несмотря на погоду и настроение. Это надёжность. Ведь, как часто бывает, подвиг – это результат чьего-то головотяпства и ротозейства. Вот и приходится героям латать дыры, зачастую собственной грудью. Вон Геракл мыл же Авгиевы конюшни и не побрезговал. Хотя у него и выбора-то не было. А последующие поколения это называли подвигом. А дух там стоял, я вам скажу, ещё тот! На вёрсты.

– Фу! Ну у вас и примеры. Я говорила о тех, кто несёт свет, счастье, свободу людям. Кто как Данко освещает путь, зачастую жертвуя собой.

– Эдвард Дженнер, который первым привил чёрную оспу, тоже рисковал, но скольких он спас. И где ему памятник? Где гимны и фимиамы, я спрашиваю? Нет. И не будет. Один загубил сто тысяч жизней и навсегда остался в памяти народов, как кровавый диктатор, о нём не перестают говорить, писать и ставить конные статуи на каждом перекрёстке любого заштатного городка. А другой спас миллионы, а о Дженнере молчок. Знаете, почему ничего не известно о Прометее, после того как его освободил Геракл?

– Почему?

– Он стал обыкновенным человеком и зажил нормальной жизнью. Вставал утром, кормил скот, шёл возделывать землю, возвращался домой, играл с детьми, помогал жене. Или, скажем, Одиссей. Это как же надо было не любить жену, чтобы после Троянской войны не кинуться к ней на крыльях любви домой, а болтаться семь лет где угодно по свету, всякий раз находя повод отложить на немного своё возвращение. А лишь поползли слухи о новом сватовстве к его супруге, тут же заявиться во дворец и затеять крупную драку со всеми женихами сразу. Животная ревность. Уязвлённое самолюбие. А ей потом кровь отмывать с мозаичных полов, битую мебель и посуду выгребать. Герой, так сказать, в собственном соку.

– Что вас всё время тянет на какие-то мелочности. Я вам про Ерему, вы мне про Фому, – стала горячиться Меньшикова. – Я вам говорю о лучезарной свободе! И тех, кто несёт её людям.

– Учёные так и делают. Лиза, будущий век за ними! Основными локомотивами истории станут техника и электричество! А романтика и революции отомрут за ненужностью! Люди станут добывать себе радость и благополучие ежедневным кропотливым трудом!

– Вы что, это специально говорите, чтобы позлить меня?! – спросила Меньшикова, сама того не подозревая, попав в «яблочко». – Я ему о Гарибальди, о лорде Байроне, о нашем Баку-нине, Кропоткине, наконец, а он с похоронным лицом об электричестве и технике. Эти люди жизнью жертвуют ради свободы других! Они, смеясь, смотрят в глаза смерти и ничто их не остановит, – заговорила с жаром девушка. – А вы о каких-то нечёмных оракулах от науки. Одного мы с вами уже имели честь узнать.

– О! Да! – хохотнул Леонид. – А вы, барышня, анархистка, как я полагаю? – делано изумился Фирсанов.

– Я больше всего на свете ценю свободу! И выше всех почитаю тех, кто готов, не задумываясь, принести на её алтарь свою жизнь. И с подобного рода субъектом навсегда свяжу свою жизнь, несмотря на то что это может принести мне страшное горе и неисчислимы лишения. Только такому человеку есть место в моём сердце! Я всё сделаю для такого человека и пойду за ним на край света!

Во время произнесения этого манифеста, Фирсанов откровенно zalюбовался девушкой. Ни дать ни взять, а живое воплощение «Свободы на баррикадах» Делакруа.

– Так вы ярая эмансипэ? – осторожно поинтересовался Фирсанов.

– Я ярая поклонница свободы духа, которая возникает между людьми и никогда не прекращается.

«Пора!» – мелькнуло в голове у юноши. Он неожиданно развернул девушку за плечи, стал перед нею на одно колено.

– Елизавета, я прошу вас – будьте моей женой! – огорошил он своей страстью и пафосом Меньшикову.

– Экий вы, право, порывистый, Леонид! – через паузу выдохнула зардевшаяся Лиза и тут же прыснула в ладошку. – «Революции и романтизм отомрут за ненужностью» говорите? А сами-то как на одном колене передо мною браво гарцуете! Осталось только саблю из ножен вытащить и вперёд в атаку на врага!

– Ваш ответ, Лиза?! – стал настаивать Леонид.

– Во-первых, встаньте! Слишком людное место для подобного рода позы. Испачкаетесь, сыро же! Романтично, но промозгло. Во-вторых, не то время! Всё наспех, наскоком! И в третьих, ваша сабельная... – и она снова прыснула, – сабельная атака была настолько непредсказуема, что я право в полнейшей растерянности. Но обещаю поразмыслить над вашими словами. Дайте мне сроку... неделю. А сейчас я хочу тепла и чаю. Я хочу домой.

И понурый Фирсанов, взяв Меньшикову под ручку, повёл её к стоянке извозчиков.

– Надеюсь, вы не вздумаете исчезнуть на неделю моих раздумий? – сидя в пролётке спросила его Елизавета. – Это будет с вашей стороны весьма и весьма эгоистично. Я уже привыкла к нашим беседам и спорам.

– Но тогда... – попытался возразить Леонид, полагая, что барышне необходимо полное его отсутствие для принятия верного решения. Но два пальчика в матерчатой перчатке легли ему на губы, понуждая к молчанию.

– Неделя. Я жду, – сказала Лиза. Леонид сунул ямщику монетку, и он, с поцелуйным звуком дёрнув вожжи, тронулся с места. Девушка пару раз обернулась и исчезла в глубине пролётки.

Конфуз, конечно, полный. После такого афронта впору стреляться или совершать безумные подвиги. Первые два дня после разговора он даже не думал с ней встречаться. Всё порвано и решено бесповоротно! Скрыться с её глаз и умереть в глуши, тиши и безвестности. Да и собственной гордости никто не отменял. Нет, чтобы от радости и чувств упасть ему на руки и еле слышно произнести: «Конечно же да!», прыскала в ладошку и взяла время на раздумье. Значит, чувств нет. Так что – с глаз долой, из сердца вон!

Но потом он заскучал, захотелось споров и обоюдного подтрунивания.

Нежданно-негаданно справиться с хандрой помог отец, который привлёк его к одному своему делу по отчуждению земель. Ради двух холмов на заболоченном участке Леонид перекопал гору литературы в университетской библиотеке, делая большую выборку. А потом однокурсник и почитатель его иллюзионистского таланта Сашка Краснов подсунил ему свежую книгу о великом эскейпере современности Гарри Гудини⁵. Книга была новая, с хорошими рисунками и парой мутных заретушированных фотографий. Он читал её до рассвета. Естественно, попытался понять, как американец умудряется избавляется от оков, будучи подвешенный за ноги над водой в смиренной рубашке. А его трюк с покиданием камеры самой современной тюрьмы Америки! Одно восхищение, да и только! Он думал об этом во время перерывов между лекциями в университете, которые нельзя было пропускать, и в мыслях о Лизе.

Вышло так, что он был по горло в делах: днём лекции, вечером библиотека, а ночью уже поддающиеся пониманию трюки Гудини. Через пять дней, забывшись кратким сном, он, кажется, увидел во сне разгадку трюков эскейпера, но всё требовало проверок, перепроверок и тщательных тренировок.

Писать письмо или пользоваться телеграфом Фирсанов не стал. Всё равно буквы не передадут эмоций, а если и передадут, то будут нелепыми или неверно истолкованы. А представьте себе, по закону подлости обязательно попадётся слепой телеграфный аппарат, так он в своём нелепом косноязычии вообще всё переверёт. Все одно надо будет объясняться при встрече. Как говорится: семь бед – один ответ. Освободившись во вторник, он не пошёл на ужин, который закатил отцу его подзащитный. Благодаря материалам Леонида они выиграли суд по тянувшемуся не один год и не одними людьми запутываемого дела. Сославшись на усталость, он бросился к Лизину дому.

Темнело в октябре уже рано. Погода стояла омерзительная: было влажно, воздух как тесто набух от воды, отказывался лететь и катиться по улицам и переулкам. Он прилипал к стенам домов и медленно сползал вниз. Меньшикова торопилась домой на набережную реки Пряжка. Она вошла в первые ворота арки. Чтобы не упасть, она взялась за металлический наличник и аккуратно переступила через порожек. Её шаги стали гулко отдаваться в арке, свет фонаря дрожал, и тени причудливо скользили по стенам. Дом и тепло рядом, надо сделать всего два шага, но сердце помимо её воли замирало в этой зыбкой темноте. Когда она взялась рукой

---

⁵ Гарри Гудини (1874–1926) – американский иллюзионист венгерского происхождения, прославившийся трюками с сложными побегами (escape) и освобождениями.

за следующие ворота, сверху медленно, как усик винограда, раскрутилась тёмная фигура и перед ней возникли голубые глаза Леонида. В зубах он, как черкес кинжал, держал одинокую белую астру. Елизавета от неожиданности вскрикнула и выронила книги.

– Ай! Мамочка!

– Этот цветок вам, Лизетта! – широко улыбаясь, сказал раскачивающийся вниз головой Фирсанов.

– Как же вы меня напугали!

– Простите, я понимал, что банальное ожидание не привело бы к желаемому эффекту.

– Зато привело к падению конспектов моих лекций, и у меня чуть не выпрыгнуло сердце из груди!

– Весьма сожалею, но надеюсь, что это поправимо, – ответил Фирсанов, продолжая нелепо висеть вниз головой, качаясь и улыбаясь.

– Вы не сдержали своего слова! – За гневом Меньшикова пыталась спрятать свой страх.

– Какого?

– Вас не было десять дней. Я уже и не знала, что думать.

– Простите, но был рекрутирован родным отцом, работал писарем и делал выборку по одному важному земельному делу.

Наконец все конспекты и книги были собраны. На этот раз повезло – они попадали на сухое место. Только теперь Лиза разглядела, что Фирсанов висит зацепившись носками туфель за верхнюю балку ворот. Держался он только за счёт мышц ног.

– И долго вы так собираетесь висеть?

– Сколь угодно долго.

– Я таким количеством времени не располагаю! – стала заводиться Елизавета. – Леонид, прекратите свои дурацкие фокусы! Вам не жалко ваших туфель?

– Туфли ерунда, – сгибаясь и хватаясь за балку руками, сказал Леонид. Теперь он раскручивался в обратном порядке, привычно и аккуратно опустил ноги. – Главное, чтобы пальцы не затекли, а то я упаду. Прямо в грязь. Лицом. И вы испугаетесь ещё больше.

Он встал на землю и взмахнул руками, будто падая. Лиза снова вздрогнула и вскрикнула.

– Всё хорошо! – заверил он её.

– Ничего хорошего! – разозлилась Лиза собственного испуга. – И как долго вы так собираетесь паясничать?

– Хотелось бы лет тридцать, а вот сколько даст Господь, я не знаю. Я пришёл за ответом, дорогая Елизавета Борисовна.

– Я уже вам недвусмысленно намекнула, – не остывшая от своего раздражения, резко ответила Меньшикова, – кто может завладеть моим сердцем и кому найдётся в нём место! Человек должен посвятить себя служению идеалам свободы и жертвовать своей судьбой, а не висеть, как гусеница, на воротах.

– А жертвовать обязательно?

– Конечно!

– А ведь жертва означает смерть.

– Только такой человек достоин моей руки и сердца! – не слыша замечания, декламировала девушка. – Только тогда он заслужит моё всемерное уважение.

– А кого вы будете уважать? Ведь никого уже не будет!

– Но будет краткий миг интеллектуального единства.

– А любовь?

– Что «любовь»?

– Заслужит ли он любовь?

– Он заслужит уважение, а это больше чем любовь.

– Понятно, – непонятно по какому поводу протянул Леонид. – Так ведь в пределах Российской империи нынче такого места не найдёшь. От Сахалина до Варшавы.

– Не там ищите, Леонид.

– А где же надо?

– На юге Африки. Там сейчас началась борьба за освобождение бедных буров от гнёта Британской Короны. Этой борьбе даже симпатизирует сам Император! – Девушка даже слегка понизила голос от трепетного восторга. – Вот с кого следует брать пример!

– Но стать императором я не смогу даже при всём моём желании, мой отец юрист, а не падишах, – с едва уловимой иронией произнёс Фирсанов.

– Я знаю, что тайными тропами туда направляются люди, о которых я вам уже изволила говорить, – в холодном бешенстве ответила Лиза. Он, видите ли, над её святыми чувствами насмешается! – А маменькиным сынкам, которые прячутся за спину мифического технического прогресса, рассчитывать не на что!

Меньшикова рассержено развернулась и пошла через внутренний дворик к своему подъезду. Она ждала, когда он её остановит или хоть как-то отреагирует! Но этот скверный мальчишка почему-то угрюмо молчал. Едва она коснулась дверной ручки, он сказал тихо, но, как ей показалось, было слышно на всю улицу:

– Я не могу быть маменькиным сынком. Мама сгорела скоротечной чахоткой, когда мне было три года.

Не крикнул, а прошелестел. Слова вырвались и повисли в сыром воздухе. Да так, что она качнулась, словно пламя свечи на сквозняке. И замерла. Когда она развернулась после паузы, у ворот уже никого не было. Она кинулась в арку и выскочила на улицу. Там было пусто. Только дрожащие пятна фонарей на мокрой мостовой, да ветер волочил наискосок какую-то бумагу. Она медленно вернулась назад. Никого. Сдерживая рыдания, она побежала домой.

Едва захлопнулась дверь парадного, от окна над аркой отделилась тень и Фирсанов спустился вниз по ажурному плетению ворот.

Обвинение бурлило у Леонида в крови, требуя немедленного выхода. Идти к кому-либо поздно, да и нет у него закадычного друга, которому можно было вот так просто выплеснуть душевный пожар без вреда для себя и для него. С такими ситуациями Фирсанов боролся своим особым способом – захаживал их. Он отпраивался петлять и кружить по любимому городу, в буквальном смысле затаптывая проблему. Под чёткий ритм ходьбы он продолжал внутренний спор с обидчиком, спорил, доказывал, искал и находил несокрушимые, как ему казалось, аргументы. Через пару шагов собственные сомнения подтачивали и разрушали их. Спираль спора делала новый виток. Он шёл набережными и каналами, и ему казалось, что искомое решение сейчас вот-вот появится и засияет своей непоколебимостью и мудростью.

Блёклые звезды северных широт вяло исчезли, растворились в зеленоватом восходе. Солнце, как больная или безумная старуха, сквозь прорехи облаков трясушейся рукой сыпала пригоршни немощного солнечного света. Лучи едва обозначались, освещая землю и город, но не согревая серую шинель столицы империи. Пронзительный октябрьский ветер скользил по Неве и её рукавам, топорщил колючую серую воду хохолками мелких волн. Не щадил людей, крупным наждаком обрабатывая попадающиеся на пути лица. Молодой человек, приподняв воротник своей студенческой шинели, с невидящим взором шёл по набережной, зачем-то скользя пальцами по шершавой поверхности каменного парапета.

Леонид конечно же не пошёл в университет, впервые за всё время студенчества. С рассвета он толкался в Большом морском порту. Просился матросом на корабль до Южной Африки. Его беззлобно отгоняли и он, не обижаясь на отказ, шёл дальше. Наконец, он увидел красавец пароход, три мачты которого упирались в небо. Между первой и второй из палубы торчали две трубы. На носу гордо красовалось название судна: «Victoria». Он понял – это судно может доплыть хоть на край света. Но так далеко ему было не надо.

У трапа молодой матрос, стоя навтыжку, что-то докладывал человеку с большим количеством нашивок на рукавах тёмного кителя. Над шкиперской бородой и широким лбом светлоглазого англичанина на тулье чёрной фуражки господствовала кокарда из скрещённых якорей и короной над ними. Он еле кивал, слушая доклад. Фирсанов понял, что это шанс! Ведь так запросто капитана ему никогда не поймать.

– Сэр! – обратился он к мужчине в форме. – Вопрос жизни и смерти.

Подобного рода людей, с горящими глазами, погруженными в себя, сотни, если не тысячи, в любом порту мира. Но молодой человек говорил эти слова так проникновенно, что старый морской волк дрогнул.

– Подданный Её Величества? – поинтересовался моряк.

– Российской Империи.

– Прошу, – коротким жестом предложил пройти перед ним по трапу.

Расположившись в кают-компании, хозяин показал стюарду два пальца. Буквально через минуту появился поднос с чашками, с чайником, сахарницей и молочником. Немногословный капитан жестом предложил Фирсанову угощаться. Хотя даже мысли о еде были ему отвратительны, он решил, что отказываться нелюбезно, и налил себе чашку. Капитан добавил себе сливки.

– Слушаю вас?

– Мне необходимо в Южную Африку, – без витиеватых объяснений выложил свою задачу Леонид.

– Прямо сейчас? – поинтересовался бородач, сделав глоток из чашки.

– Да.

– К сожалению, не могу вас обрадовать. Мы выйдем только в понедельник, порт назначения Лоренцу-Маркиш⁶ в Мозамбике. Это двадцать пять градусов, пятьдесят четыре минуты южной широты. До границ Южно-Африканской Республики рукой подать, но уже не нашем судне.

– Я согласен.

– На что? – опешил капитан.

– Плыть...

– Идти. По морям и океанам только ходят, а плавают... сами знаете что и где!

– Я согласен идти, – с напором повторил Леонид, – туда матросом вашего судна.

– Ваша морская специальность? – после паузы, спросил невозмутимый капитан.

– Такой нет, – опустив голову, сообщил Фирсанов.

– Ваша сухопутная специальность.

– Студент третьего курса юридического...

– Можете не продолжать, Никакой. Юноша, я не могу взять вас на борт ни матросом, ни юнгой, ни кем бы то ни было другим. Не то чтобы вас негде разместить, гамак в кубрике всегда найдётся, но мне будет чудовищно жалко, что место так бездарно пропадёт.

– Я могу заплатить, – упорно цеплялся за свою мечту Фирсанов.

– Я не приму ваших денег. Не хочу брать грех на душу. Советую вам помириться с вашей пассивой и не морочить никому голову.

– Это не из-за неё... А что, это так заметно? – ещё ниже опустив голову, прошептал Лёня.

– Это привычно. Запомните, молодой человек, побег – не способ решения проблем, как и самоубийство. Вы можете сменить страну, имя, веру, но от себя вы никуда не убежите. Всё у вас в голове, а она у всех одна. И её с переменой места вы не меняете. Так что сходите на берег. И в следующий раз, прежде чем наниматься на судно, овладейте хотя бы одной матросской специальностью.

---

⁶ До 1975 года название нынешней столицы Мозамбика – Мапуту.

– Я могу драить палубу, – неожиданно вспомнив морской термин, соврал несчастный влюблённый.

– Да ну? – изумился моряк напору русского юноши. – А ну-ка, пойдёмте.

Они вышли на палубу, и капитан стал придирчиво осматривать палубу. Но всё было безукоризненно. Тогда капитан попросил первого попавшегося матроса принести ведро с водой и швабру.

– Сэр, кругом чисто, я лично проверял.

– Мне нужно ведро с водой и швабра!

– Один момент, капитан!

Матрос быстро выполнил приказание. Кэп жестом предложил Леониду продемонстрировать своё умение. Лёня схватил швабру, запихнул её в воду, при этом, чуть не опрокинув ведро, принялся рьяно водить шваброй из стороны в сторону по прилегающей территории. После третьего движения, матрос не удержался и заржал в голос.

– Вам нужны мои комментарии? – тактично спросил капитан, отослав матроса.

Леонид покачал головой. Англичанин широким жестом указал ему на сходни. Фирсанов, не в силах возразить, поплёлся по указанному адресу.

– И включайте голову, прежде чем принимать скоропалительные решения. Подумайте о своих близких, – напоследок, когда он спустился с трапа, добавил англичанин. – Если бы не моё хорошее отношение к русским, то в ближайшем же порту Британского Содружества я бы передал вас первому встречному констеблю. Дураку понятно, зачем такие горячие головы, как вы, стремятся на юг Африки.

Студент, как слепец, побрёл по набережной. «Ничего, испытания только закаляют. Отсекают ненужные завитушки характера и делают сопливого юнца настоящим мужчиной». Капитан ни на секунду не сомневался в правильности своего поступка. Если первая неудача сломаёт юношу, туда ему и дорога. О хлипких душой сожалеть не стоит, их и так на этой земле множество. Когда-то русский матрос, вытащивший скулящего юнга из ледяной воды, кинул ему кусок сухого одеяла и продолжил выскивать за бортом жертв кораблекрушения. Оглянувшись, он увидел, что юноша всё ещё стоит с открытым ртом, парализованный страхом, и смотрит на него и многометровые волны. Матрос показал руками, что надо бы растираться, а потом пинком отправил вниз, в помещения корабля. Он навсегда запомнил этот пинок, который был крепким, как поцелуй матери, спасшей своего сына. Жизнь продолжается – доказал ему русский матрос без слов и розовых соплей. Тебя вытащили, дали сухое одеяло – иди грейся и готовься к новым испытаниям, а не глотай слёзы и сопли на ветру. Иначе быстро сдохнешь от воспаления лёгких. А это не нужно ни тебе, ни людям. Захотел помереть – не стой на проходе, не мешай резвому течению жизни, забейся в щель и испускай там дух сколько тебе влезет.

А если этот странный прорвётся, то почёт ему и уважение, не слабаком оказался. В противном случае... Не даром китайцы говорят: «Желающий ищет пути, а не желающий – отговорки».

Леонида охватил жгучий стыд. Расчувствовался, как кисейная барышня. Разнервничался, как пятилетний пацан. Примчался к незнакомым людям чуть ли не со слезами и криками: «Спасите! Помогите!» Хорошо, что у капитана хватило такта поговорить с ним, а не вышибить его после первой же фразы.

«Как и ты, и Сандро, я всецело поглощён войной Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями».

Перо плавно скользило по бумаге, оставляя после себя вздымающиеся буквы почерка. Едва слышный скрип пера добавлял нотку патриархальности в привычное занятие. Он любил

придумывать письма родным, а потом переносить их на бумагу и не мог отказать себе в этом удовольствии. Сейчас торопился закончить весточку для сестры.

«Я рад, что Алике во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что же делать – у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Ледисмита в 10 тысяч человек на одну пятую, забрав около 2000 в плен.

Недаром старик Крюгер, кажется, в своём ультиматуме к Англии, сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своей удачей и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы ещё не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко не достаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмёт свои подкрепления – не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое – отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для неё месте»⁷.

Николай II отложил ручку с вечным пером, встал и сделал несколько беззвучных кругов вокруг массивного письменного стола, стоящего посредине большого цветастого ковра. Погрел руки у огромного углового камина. Треск дров и пламя настраивали на романтический лад. Захотелось на яхту и в море, на просторы. Он подошёл к окну. За ним хилое солнце в последнем порыве ласкало землю. Касалось нежно листвы, припадало к траве и, опрокинувшись на спину и раскинув лапы, катается по траве, как его любимый медно-рыжий ирландский терьер. Пользуется любым случаем получить от жизни радость и удовольствие. Между прочим, правильно поступает. Когда, если не сейчас?

Но Трансвааль занозой сидел в мозгу. С каким бы удовольствием он отдал бы приказ Туркестанским войскам. Но время для этого ещё не пришло. Государство было недостаточно готово к серьёзным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединён пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией. Поэтому он усилием воли подавил в себе этот мальчишеский порыв. Он монарх, хозяин Земли Русской, а не рядовой житель империи. Будь всё по-другому, он бы всё время проводил на охоте и с семьёй. Но Всевышний распорядился иначе и на нём ответственность за жизни, судьбы и чаяния великого множества людей.

Да и потом, Георг V как-никак родственник, и, как говорят все вокруг, они зеркальное отображение друг друга. Не превратится ли битва империй в сражение с самим собой? Как знать. По крайней мере ему это неизвестно. Да известно ли кому-нибудь? И проиграть собственному отражению ой как не хочется.

---

⁷ Письмо Николая II об Англо-бурской войне // Красный архив, 1934, том 2 (63), с. 125–126. (Цит. по: Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Т. I. XVIII в. – 1917 г. Институт всеобщей истории РАН. М., 1999, с. 153–154.)

Николай II движением головы отбросил ненужные в данный момент мысли и сел дописывать письмо. Как всегда, он был аккуратен и последователен в мелочах и старался не позволять чувствам брать верх над разумом. Хватит тех напастей, которые ознаменовали его восшествие на престол. Но эта трагедия уже в прошлом. Слёзы высохли, ужас испарился, пора начинать жить сегодняшним днём и новыми надеждами на завтра, которое будет, просто обязано быть прекрасным. У него нет в этом сомнений, осталось только убедить в этом супругу.

– Старый век издыхает в мучительной агонии и, как смертельно раненое животное, хватается всех без разбора и тащит за собой в небытие. Заря нового дня вот-вот встанет над миром, который радостно сбросит оковы прошлого! Нельзя жить прежними правилами и помыслами. Весь мир видит, как под надуманными домыслами, сфабрикованными обвинениями, грозная Британская империя навалилась своей мощью и пытается задушить маленький, но гордый бурский народ. Испокон веков мы, православные русские, протягивали руку помощи обиженным и обездоленным. Надо формировать отряды и двигаться на юг Африки, дабы помочь добыть свободу народу буров! – Молодой человек, обняв рукой чугунную мачту уличного фонаря, вещал с вершины тумбы тридцати-сорока прохожим.

Толпа апатично слушала, не осуждая и не поддерживая борца за права буров. Для многих это была своеобразная форма развлечения. Где ещё увидишь бесплатно такое зрелище? И не важно, что он там молотит – собака лает, ветер носит. Щеки оратора горели, глаза блестели, и голос срывался, слова выскакивали друг за другом, но искры из слушателей они не высекали. «Вот он, образец для подражания», – подумал Леонид. Пока оратор вещал, он скользил взглядом по толпе, почему-то уверенный, что может встретит здесь Елизавету. Но её он не заметил.

Но чем больше слушал речь молодого человека, тем сильнее она вызывала волну необъяснимого раздражения у студента третьего курса юрфака. Слишком обще, гладко. Ни о чём. А надо – собираемся там-то, тогда-то, с собой иметь то-то и то-то. Фирсанов пошёл прочь от любопытствующей толпы на площади возле посольства королевства Нидерландов. Но потом вернулся и, сцепив зубы, стал дожидаться окончания «пламенной» речи агитатора.

– А теперь я предлагаю вам записаться в добровольческий отряд, который отправится с оружием в руках воевать за свободу буров! – воскликнул оратор, спрыгнул с тумбы и даже достал сложенные листки бумаги. Но люди, слушавшие его с открытыми ртами, удивительно быстро и незаметно исчезли с площади. Последним тронулся извозчик, увозя мужчину в незаметном сером костюме и котелке. В его внешности выделялись только два внимательных глаза.

Оратор покрутил головой, плюнул, спрятал за пазуху аккуратно разлинованные листки. И, не оглядываясь, пошёл прочь. Ссутулившись, он шёл по переулку, пряча обожжённые ветром руки в карманах своей тужурки. Леонид догнал его и едва тронул за плечо. Молодой человек резко развернулся с поднятыми к лицу кулаками, явно для того, чтобы дать физический отпор преследователю.

– Где? – спросил Леонид.

– Что «где»? – удивился парень, по-прежнему сжимая кулаки.

– Где формировать отряды будут? Куда приходиться? Что с собой брать? Какой маршрут движения? – за один присест выпалил Фирсанов.

Видимо, вопросов было слишком много, они ошаршили парня. Он немного постоял, обшаривая глазами лицо Леонида, и, резко развернувшись, неожиданно побежал прочь по улице.

– Куда же вы? – крикнул подошвам его сапог обескураженный Леонид.

– Иди к черту, филёр хренов! – не сбавляя скорости, крикнул парень и через несколько больших шагов скрылся за углом.

Второй конфуз за день! Его не хотят видеть и слышать, его гонят от этой затеи. Сначала капитан. Теперь парень принял за шпиона полицейского управления. Право, было бы смешно,

коль не было так грустно. Оазисы, барханы, верблюды, туареги, раскалённые пески, борьба за свободу и независимость пока оставались недостижимым миражом, рождённым воспалённым воображением. Но надо будет прийти сюда не один раз и, может быть, он встретит тех, кто на самом деле занимается переправкой добровольцев. Не может он их не найти, как-то же они туда добираются! Значит, и он сможет! Ну не маменькин же он сынок в самом деле!

С отрешённым лицом Леонид пробродил по городу до вечера. О том, где он был и что делал, у него остались смутные обрывки воспоминаний. Помнил какой-то трактир, где устал от архангельского плешивого мужика, который пытался назойливо доказать, что поморы это тоже люди и ничуть не хуже других. Его брюзжание так обрыдло, что, не дождавшись заказанного, Фирсанов рванул куда глаза глядят. Помнил, как нарезал круги вокруг памятника Пётру I, пытаясь заглянуть тому в глаза, ища ответы на свои вопросы. И аллюзии на «Медный всадник» в голову ему не приходили. Зато несколько раз мелькнула мысль о собственном сумасшествии.

– Фирсанов! Старый друг! Куда ты пропал? – услышал он вечером голос однокашника, когда ноги помимо воли вынесли его на Невский.

Он поднял глаза.

– Старик, у тебя все в порядке? – стал допытываться Александр Краснов. – С отцом всё хорошо?

Лёня едва кивнул.

– Ты ел? – Фирсанов неопределённо пожал плечами. – А ну, поедем ко мне, – практически приказал однокурсник. И схватив за рукав, потащил уставшего от себя самого Фирсанова к извозчикам. – Перекусим, махнём и разберёмся!

Леонида пленил простой алгоритм действий, он устал от одиночества и собственных мыслей, поэтому, не сопротивляясь, побрёл следом, безропотно позволив товарищу верховодить.

Только они расположились у Александра дома, как к тому завалила ватага университетских друзей. И шампанское полилось рекой.

После того как в сознании стёрлись все острые грани, боль немного притупилась, остался только саднящий уголёк в левой части груди. Его сознание раздвоилось. Один – глядел на происходящее трезво, где-то даже цинично, приговаривая: «Ну, давай! Отчебучь какой-нибудь номер! Что ты ещё можешь?» Другой – трогательно подпевал Краснову и требовал, чтобы тот спел: «Нынче время пришло // Все каменья собрать в закрома. // Вдруг взошли семена, // Что бесплодной рукою засеяны»⁸. А ведь и вправду – нынче время пришло. Гори всё прахом! Активно махал в такт бокалом, участвовал в заковыристой беседе, хихикал и даже находил остроумные доводы и ответы. В самый разгар веселья Краснов пристал к Фирсанову.

– Фирс, ну покажи хотя бы один фокус!

– Не хочу, Саша. Настроение не то.

– Мы все тебя просим, – беря остальных в поддержку, наседали Александр. Народ подхватил неуверенными голосами: «Просим! Просим!»

– Нет. Не до фокусов сегодня! – резко отрезал Леонид. – Я покажу вам кое-что похлеще. Трюки от американского эскейпера Гарри Гудини.

– О! Это что-то новенькое! – захолопал в ладоши Краснов, и остальные его поддержали.

– Пошли! – скомандовал Фирсанов.

Люди, в ожидании чего-то необычного, не задавая вопросов, пошли следом. Фирсанов вывел всех на большой балкон Красновской спальни, который выходил на набережную одного из кривых каналов. Хотя «набережная» – это слишком гордое и недостижимое слово для этого явления архитектуры. Балкон нависал над жирной чёрной водой, которая липко и грязно, с

---

⁸ Песня на стихи поэта и актёра Александра Краснова (08.02.1962-20.07.2011).

невероятным одолжением отражала свет соседних домов. Луна светила как паровозный прожектор, а пронизывающий ветер стих, но температуру на улице это не повышало.

Взмахами разогрев немного тело, Фирсанов протянув Краснову руки и, указав на ноги, безапелляционно приказал:

– Вяжи!

Его фигура в белой рубашке, эффектно подсвеченная луной и светом из окна, романтично выделялась на фоне города.

– Чем? – ни о чем не догадываясь, спросил Краснов.

– Чем угодно! Ремнём, галстуком, полотенцем, в конце концов. Только не простынёй, запачкаю, – предупредил Леонид.

Нашлись доброты, которые пожертвовали галстуки. Смеясь и веселясь, Саша и добровольный помощник сделали всё так, как потребовал их товарищ.

– Только вяжите хорошенько, чтобы потом не говорили, что дали слабины! – требовал Лёня. – Любой может проверить. – Но публика добродушным гулом высказала полное доверие иллюзионисту.

Пошевелив руками и ногами, Лёня показал столпившимся на балконе и в проёме двери, что связан он по-настоящему.

– Затянул, со всей любовью, как извозчик вяжет, – уверил однокурсник.

– Милостивые государи, трюк исполняется впервые, так что возможны огрехи, за что заранее приношу извинения.

– Да чего уж там – давай! – подбодрил кто-то из присутствующих.

– Вы всё ссудили мне сами, так что всё без обмана или сговора, – готовил Леонид публику к номеру, мелкими шажками двигаясь к самому краю.

Присев, он с места вспорхнул на перила, шириной в кирпич. Выровнялся, прыжком встал на руки, секунду постоял «свечой» вниз головой, толкнулся ладонями и снова был на ногах. И так несколько раз. Публика ахнула. Этот трюк Леонид любовно обозвал «козлик». На пятый или шестой раз он застыл на руках, сильно прогнулся, закинул ноги в сторону канала. Все на балконе застыли в ужасе, боясь случайным возгласом спугнуть тронувшегося умом у них на глазах одноклассника. А он стал сгибать локти и заворачивать по дуге тело. Через несколько секунд он опирался свободной рукой на перила, а ноги продолжали висеть над бездной. Баланс он удерживал второй рукой. Вдоволь насладившись беззвучной паникой зрителей, Леонид распрямился как пружина и соскочил на пол. Краснов и другие стояли молча с открытыми ртами.

– А вот ваши вещи, господа! – протянул иллюзионист развязанные аксессуары своим владельцам. Только тогда публика обратила внимание, что связанные руки и ноги свободны. Студенты одобрительно загудели, а кто-то даже зааплодировал.

– Ну ты, старик, даёшь! – выдохнул бледный Саша, который смотрел на Леонида трезвым и слишком внимательным взглядом. – Я что-то продрог. Айда по шампанскому!

И народ, шутливо толкаясь в дверях, повалил к столу.

– Остайся у меня, – возле самой двери попросил его Краснов, когда последний гость исчез в гулком парадном.

– А твои... – начал было Фирсанов, застыв одной ногой над подъездной гулкостью.

– Я эти дни один. Так что никого не обременишь. Даже меня.

– В таком случае – я согласен, – улыбнулся Фирсанов и, сделав почти балетный пируэт, вернул пальто на вешалку.

– Зачем ты так поступил? – уже в комнате серьёзно спросил Саша.

– Ты о чём?

– Ну эти эскапады на балконе.

– Это фокусы от Гудини.

– Это попытка покончить с собой от Фирсанова! – рявкнул Краснов. – Или ты думаешь, что я слепой безмозглый болван!

– Я так не думаю, – после некоторой паузы ответил Лёня.

– Тогда выкладывай.

С Красновым он максимум приятельствовал, но не дружил до той степени, чтобы доверить душевную тайну, а тут Леонида прорвало. Он рассказал о Гермесе Трисмегисте, о капитане корабля, о Гарибальди с Байроном и Бакуниным заодно, ну и конечно же о бурях с англичанами. И о Елизавете Меньшиковой. За несколько минут его монолога приятельские отношения переросли в дружбу.

После исповеди Фирсанова Краснов долго молчал, потом схватил яблоко и аппетитно им захрустел. И так отдался этому занятию, что Леонид почувствовал себя опять оконфузившимся. Он ему сердце на подносе серебряном вынес, а это яблоко хрупает, как мерин ямщицкий! Но яблоко не арбуз, наконец, и оно закончилось.

– И всё-таки я буду настаивать, – утерев салфеткой рот, произнёс свой приговор Краснов, – что ты подобен шару или, на худой конец, сфере. К последней ты даже по более тяготеешь.

– Это почему? – растерялся Лёня.

– Потому что идиот! Круглый!

– Я бы попросил бы! – взвился Леонид.

– После того что ты там вытворял, – Саша кивнул в сторону балкона, – я имею на это право. А кто бы потом трясся и бледнел перед околоточным? А? Молчишь?! А с батюшкой твоим мрачную беседу кто имел бы? Вот то-то и оно! Так что изволь выслушать! Ты относишься к очень интересной породе людей.

– Какой?

– К такой! Вам невозможно почесать левое ухо левой рукой. Вам обязательно нужно правой и желательнее ногой. Легкие пути не для вас. Нет чтобы тихо-мирно сидеть дома в кругу семьи, вы, как оглашённые, носитесь с диким рёвом по горам, морям и пустыням в поисках подвигов, даже не спросив отмеченных вашим вниманием, а нужны ли этим несчастным ваши подвиги вообще? Так сказать, в принципе. Вы впихиваете и втискиваете людей в свой образ мышления. Вам необходимо постоянно кого-то куда-то волочить. А может, мне на речке с удочкой, в трёх шагах от дома, охота посидеть? Так нет! Ты обязательно поволочёшь меня на Амазонку, утверждая, что это самая большая река в мире и, значит, на ней неизбежно будет удивительный клёв. И рыба там просто исполинских, до того мною никогда не виданных размеров! А мне хотелось просто пескариков возле дома поймать, в масле на сковородке поджарить и с румяной картошкой под штоф водочки на закате у себя на веранде употребить. Всё. И не надо мне ширины Амазонки, полноводности Миссисипи и плёсов Конго или Замбези. Я если и поеду, то в лучшем случае до родной Волги или Невки. Фу!

– Просто расплющил, – впервые улыбнулся Леонид. Уж очень ему этот разговор напомнил спор с Лизой.

– И если бы я к тебе хорошо не относился...

– То...

– То скрыл бы от тебя, что мой любимейший дядя Сила Яковлевич Афанасьев, владеющий «Невским экспрессом», ищет молодого, лёгкого на подъем, с резвым пером корреспондента!

Леонид удивлённо поднял брови.

– Для того чтобы его читатели имели самые свежие новости с театра военных действий! – сказал и эффектно вскинул над всклокоченной головой ладонь.

– Так чего же мы сидим?! – опешил Леонид.

– То есть мы сейчас, прямо среди ночи, помчимся, замучив извозчика и клячу, с мятыми лицами и в несвежий сорочках? Поднимем с постели бедного, спросонья ничего не понимающего дядю и будем петь ему пламенную песнь о любви к Южной Африке?

– Ты прав. Особенно про сорочки.

– И я упустил две мелкие детали, которые весьма существенны.

– Например?

– Знание английского и французского соискателем обязательно.

– My soul is dark – Oh! quickly string
The harp I yet can brook to hear;
And let thy gentle fingers fling.
Its melting murmurs o'er mine ear⁹, —

не моргнув глазом, спокойно процитировал лорда Байрона Фирсанов. Как всякий пылкий юноша, он любил стихи, а с детства за ним ходил гувернёр англичанин. Так что, английский язык был для Леонида, можно сказать, вторым родным языком. Не говоря об английской классической литературе.

– Красиво. Слушай, а может, тебе на эстраду, читать и петь. Чечёточку освоишь – и цены тебе не будет! Скажи, а бить чечётку и одновременно показывать фокусы возможно?

– Да отстань ты со своими глупостями.

– У меня, значит, глупости, а у тебя самые что ни на есть серьёзные? Даже если так. – Александр не на шутку увлёкся конструированием артистического будущего Леонида. – Да что там петь! Одни фокусы чего стоят!

– Как говорит мой батюшка: «В современном мире эдакая ловкость рук не спасёт, но и не всегда накормит. И самое главное – в скользкие минуты мира руки салом не измазать».

– Александр Леонидович как всегда прав. Вот у кого надо учиться! Всё разложено по полочкам, при этом такая бесподобная широта души и творческая красочность природы. Тебе пока до него далеко, но со временем дорастёшь до его уровня.

– Думаешь?

– Спрашиваешь!

– Чего-то я сомневаюсь...

– А я лично уверен. Сколько души вложил в тебя твой отец, этого движением плеча не сбросишь, это не пыль, братец. Да и другой гадостью не вытравишь. Это внутри тебя. Тебе придётся очень постараться, чтобы избавиться от этого.

– Да уж... И как оправдать его труд?

– Всё будет хорошо, я думаю. Если только не сгубишь себя неразумным мальчишеством. Всё-таки мне сдаётся, что ты большой авантюрист. И ждёт тебя на этом поприще или верёвка, или в лучшем случае гильотина. Мне сложно судить, что в данном случае лучше, а что хуже. И то и другое весьма щекотно, а я страсть как боюсь щекотки.

– Je suis François, cela me peine
Né a Paris près Pontoise,
Au bout de la corde d'une toise,
mon cou saura ce que mon cul pese¹⁰, —

---

⁹ Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей! Вот арфа золотая: Пускай персты твои, промчавшись по ней, Пробудят в струнах звуки рая. Перевод М.Ю. Лермонтова.

¹⁰ Я – Франсуа, чему не рад, Увы, ждёт смерть злодея, И сколько весит этот зад, Узнает скоро шея. Перевод И. Эренбурга.

иронично продекламировал Леонид.

Краснов смеялся до слёз.

– Странный у тебя взгляд на жизнь, – вытирая слёзы, сказал Саша.

– Чем он тебе не угодил?

– Наоборот, он мне даже импонирует. Ты напоминаешь мне графа Б** из Пушкинского «Выстрела». Соперника Сильвио. Так же с любопытством ешь черешню из фуражки, так же плюёшь на жизнь. Я иногда даже тебе завидую.

– Чему?

– Свободе. У меня в душе такой нет. Может, иногда проскочить в словах, а в делах и поступках нет. Я с самого детства кому-то что-то вечно должен. Начнём даже с примитивного: ложку за папу, ложку за маму. А дальше пошло, поехало! И туда сходи, и так, а не иначе сделай, ни в коем случае не подведи ни себя, ни нас, ни целый сонм родственников. Робею. А особенно эти примеры: «А вот твой кузен Петя или Вася добились того-то». И вот уже бедные Петя или Вася ненавидимы мною лютой ненавистью. А спрашивается: «За что?» Могли бы сложиться дружеские отношения... Складывается ощущение, что мне в затылок постоянно кто-то дышит. Обернусь – никого. А затылок тёплый, даже волосы взмокли и закурчавились. Вот так-то, брат! Ну что же, думаю касательно твоей языковой подготовки у дяди вопросов не возникнет. А как насчёт резвого и быстрого пера?

– Ты институтскую газету читаешь?

– Ну, ты спросил. Конечно! Иногда такое смешное напишут или кого-нибудь пропесочат.

– Имя Шарль Куртуа что-нибудь говорит?

– Спрашиваешь! Всегда смеялся над его... Так это ты?!

Леонид кивнул со скромной улыбкой, потупил глаза, весь его вид говорил: «Вот такой я скромный».

– Сегодняшний вечер оказался длиною в жизнь. Я столько о тебе узнал. Чтобы усвоить это, необходимо несколько глотков шампанского.

– Но...

– Не бойся, пригубим по бокалу и спать, завтра встреча с дядей. Он хоть и весёлый, но введливый. Надо произвести на него должное впечатление с первого раза. Моя протекция – это всего лишь повод для беседы. Готов?

– Конечно. Съезжу домой за сорочкой, побреюсь и вперёд к любым испытаниям!

– Свежую сорочку и бритвенный прибор, так уж и быть, я тебе выдам, – показно проворчал Краснов, – а вот ума и обаяния, чтобы произвести впечатление на дядю, – увы. У самого в дефиците. Второго шанса на первое впечатление у тебя не будет.

– Ну, не скромничай! Ложная скромность тебе не к лицу.

– По-твоему я выскочка? – Напружинился Краснов.

– По-моему, ты отличный приятель и друг. И мне повезло, что наши пути пересеклись. Я даже больше скажу, я просто горд и рад этому обстоятельству.

– Балуете вы меня, батенька, балуете! – Польщённый Краснов смущённо зарделся.

– Это прерогатива друзей. Врагам некогда – ножи или зубы точат.

Несмотря на то что план завтрашних действий был расписан друзьями, можно сказать, поминутно, легли они перед рассветом.

Сны Леонида были сумбурны и беспокойны, оставляя после себя тревожную недосказанность. Он разом открыл глаза и вскочил с кожаного дивана с валиками и зеркалом в спинке, на котором его расположил Краснов. Остатки сна изгонялись комплексом упражнений, частично разработанным им самим, в понимание богатейшего арсенала задач, поставленных перед собственным телом, а частично заимствованным из книги о Гудини. Теперь, помимо привычного развития гибкости рук и эластичности кистей и пальцев, он ввёл в свой арсенал занятия, поз-

воляющие мышцам выдерживать длительные монотонные нагрузки на растяжение и скручивание.

Через сорок минут занятий он облился в ванной комнате холодной водой из-под брызгающего крана и, довольно отфыркиваясь, растёр кожу полотенцем. Но с бритьём вышло не всё гладко. То ли мысли его были где-то среди жирафов и слонов, то ли сказалось напряжение предыдущего дня, а может быть, плохо распарил кожу, но, подправляя бакенбарды, он порезался. Кровь залила скулу. Повертев головой и рассмотрев себя в зеркале со всех сторон и ракурсов, Леонид решил, что выглядит брутально для свидания с роковой красоткой где-нибудь в вечернем Париже или сумеречной Андалузии, но не для встречи с издателем из Санкт-Петербурга. Старый отцовский трюк с приклеенным куском газеты остановил кровотечение и спас внешний вид. Так, небольшая и тонкая царапина, а ведь могло быть и гораздо хуже. Теперь он точно был готов к новому дню и к новым свершениям!

Голова Краснова, после десятиминутной вибрации, была готова отделиться от тела, но сам хозяин никак не желал вырываться из объятий Морфея. Леонид тряс Александра за плечи, сажал его на кровать, даже опускал ноги на пол, но тот с упорством и настойчивостью гуттаперчевой куклы возвращался в исходное состояние.

В ярости Фирсанов выскочил на балкон, надеясь, что свежий ветер хоть как-то умерит злость. Он был готов убить этого соню Краснова! У них встреча с дядей, а он спит! Он даже весьма рельефно представил себе, как выдёргивает одну руку, потом вторую, откручивает по часовой стрелке голову, вырывает сердце и бросает его кровавой рукой в канал. И быть бы Александру Краснову разодранному в мелкие клочки, если бы в этот момент под ногами не хрупнула корочка первого осеннего льда в небольшой лужице.

Фирсанов одной рукой снова усадил Краснова, но тот по-прежнему не собирался реагировать. Тогда Леонид с змееподобной улыбкой Игнасия де Лойолы¹¹ из ладони, сложенной лодочкой, спустил за шиворот ночной рубашки Александра лёд, собранный на балконе. Выражение блаженства на лице Александра жило секунду с небольшим. Вот эти крошечные отрезки времени древние вавилонские мудрецы называли «регаим» – мгновения и «хелахим» – доли. Именно через эти доли и мгновения глаза Краснова разом открылись во всю анатомическую возможность. А рот раскрылся ещё шире и издал шикарное и устойчивое басовитое: «А-а-а!», которому бы позавидовали любой брандмайор или пожарная машина города.

Через полчаса, постоянно понукаемый Фирсановым, Краснов был готов. Ему даже удалось смыть с лица не только остатки сна, но и выражение вчерашней помятости. Пока Краснов плескался, Фирсанов сварил им кофе по-варшавски для придания тонуса и общей бодрости.

– И кто дёрнул меня за язык, – тихо скулил Саша, – молчал бы в тряпочку, спал бы как сурок. Так нет же, ляпнул на свою голову!

– А сделать благое дело во имя институтской дружбы? – допив кофе, несколько удивился Леонид.

– Ага, а потом ты мне за это «благое дело», как сарацин иноверцу, язык-то и вырвал бы. С корнем. Как шестикрылый Серафим на перепутье. Я-то тебя знаю.

– Да ну! Когда же ты успел разобраться? – сузил глаза Фирсанов.

– Знаю, знаю. Было время, – неопределённо сказал Краснов. – И вообще я гений интуиции, поэтому и пишу стихи.

– Не смотри на мир так пессимистически, – философствовал Фирсанов внутри пролётки, которую для ускорения процесса нанял сам. – А представь: лет через десять-пятнадцать, вращая в руках том с золотым обрезом, ты, раздуваемый от гордости, будешь рассказывать своим детям, что помог дяде Лене в его столь трудном начинании. Потом повторишь отрететированный рассказ внукам.

---

¹¹ Игнасий де Лойола – католический святой, основатель ордена Иезуитов.

– Так это что, ко всему прочему, чтобы соответствовать твоим фантазиям, мне необходимо будет и срочно жениться?

– Ну зачем срочно, но ведь в обозримом будущем тебе всё равно это придётся сделать. А так у тебя будет хороший стимул и мощное оправдание. Ну не век же ты бобылём будешь дни свои коротать?

– Конечно. Но в мои планы входило достичь положения, финансового благополучия и только потом заняться этой стороной жизни, без понуканий с внешней стороны.

– С таким подходом ты затынешь с этим на десятки лет, а так – покатишься, как по рельсам. И вся недолга!

– Я хотел по любви. Сумасшедшей страсти. Ну, в худшем случае, – из выгоды. Если уж ограничивать себя, то хотя бы за деньги. За хорошие деньги. Вкусные и жирные, – надув щеки и широко раскинув руки, изобразил Александр.

– А ты меркантилен, братец! – восхитился Фирсанов.

– Какой уж есть! Другим не стану. И пока мы не доехали до места, пообещай мне две вещи.

– Слушаю?

– В случае дядиного отказа ты оставишь попытки воплощения своей бредовой идеи, а если всё получится, то ты не полезешь там, – махнув рукой в сторону, потребовал Краснов, – под пули. Не важно, с чьей стороны они летят.

– Первое – пока не знаю, а вот второе – обещаю! Иначе, кто же напишет на зависть современникам и в назидание потомкам дневник англо-бурской войны?

– Иначе я себе свою болтливость не прошу. И останусь вечным холостяком.

– Серьёзная угроза, – протянул в задумчивости Леонид. Изобразив на лице титаническую работу мысли, неожиданно просветлел. – Только ради твоих будущих детей.

– Ну, Лёничка, гран мерси тебе за такую заботу о моих чадах и домочадцах! Притормози, любезный, прибыли! – приказал кучеру Краснов.

Они вышли возле большого бежевого здания в романо-готическом стиле. Его обильно украшали стрельчатые арки и остроконечные башенки. Дом был облицован разноцветной керамической плиткой. Внешняя основательность сразу внушала посетителям полное доверие ко всему, что находилось за его дверьми.

Атмосфера в самом издательстве поразительно не соответствовала монументальности здания. Леониду и Александру показалось, что они попали на тонущий пароход в тот самый момент, когда закончились спасательные круги, жилеты и плотики. Беготня в разных направлениях, округлённые в отчаянье глаза, заломанные в немой мольбе руки. Естественное редакционное состояние неизбывной паники. Так, наверное, выглядел последний день Помпеи. Если бы рядом где-нибудь на этаже был замечен со своим мольбертом Карл Брюллов, Краснов и Фирсанов ни чуточки не удивились бы.

И только возле кабинета Силы Яковлевича Афанасьева царил покой. Такой редакционный омут спокойствия, где с сотрудников слетала вся шелуха повседневности и в их светлых головах рождался «Завтрашний Номер»!

Их встретил молодой человек с заострённым личиком лисёнка, прямым прибором напомаженных волос и пустым взглядом прозрачных серых глаз.

– Что изволите, господа? – поинтересовался служащий.

– Мы к Силе Яковлевичу, – почему-то извиняющее промямлил Краснов.

– Это невозможно-с. Сегодня-с не приёмный день.

– Невозможно? – радостно переспросил Краснов. – Ну, тогда мы в другой день явимся.

– Может, что переда... – по инерции заучено затарахтел секретарь, но буквы, еле видимым серым дымком, растаяли на тонких губах.

Схватив конторщика за грудки и приблизив его водянистые глаза к себе, Фирсанов зашипел, как кобра индийского факира.

– Запомни хорошенько, человек, иначе ты будешь жалеть об этом до конца своих ущербных дней. Передайте господину Афанасьеву, что прибыл его племянник Александр Краснов со сотоварищем с деловым предложением, касательно «Невского экспресса».

– Сей момент доложу, – сказал секретарь, оправился и исчез, будто и не было его сейчас здесь.

Молодые люди оглянулись. В рамочках – первый, сотый и тысячный экземпляр «Невского экспресса». Несколько дагерротипов с видами Парижа, Лондона и Амстердама. А вот и фотографии самого Силы Яковлевича с его роскошной седой бородой. Она была настолько величественна, что существовала отдельно от хозяина. Как некое знамя.

– Глазам своим не верю, племяш! – воскликнул Афанасьев, когда молодые люди оказались у него в кабинете, и стал усердно мять Александра в своих медвежьих объятиях. Он разве что не завязывал бедного Сашу в узел. Племянник не отставал от дяди, причём, оба делали это сосредоточенно и искренне.

– Разрешите представить моего лучшего друга и однокурсника Леонида Александровича Фирсанова! – широко, по-театральному, открыв дяде своего спутника, торжественно объявил Краснов.

– Располагайтесь, молодые люди, – указал им на добротный кожаный диван с валиками и высокой спинкой с зеркальцем. – Я так понимаю, молодой человек, что Сашка объявился в этом месте только благодаря вашим стараниям.

– Как пронизательный человек, Сила Яковлевич, верно заметили, но я всего лишь придал лёгкий первоначальный импульс. А весь путь до места назначения Александр проделал сам! Я даже палец о палец не ударил.

– Ты смотри, – удивился Афанасьев, – значит, и Сашок сам что-то да умеет.

– Вам бы только пилить и понукать меня, – обиженно проворчал Краснов, оккупируя большую часть дивана.

– Да ладно, племяш. Если с тебя профилактически не снимать стружку, то ты мигом из Пиноккио обратно в говорящее полено обратишься.

– У меня, конечно, нет такого длительного и богатого опыта общения с вашим племянником, как у вас, но, по моему разумению, он имеет все предпосылки вырасти в хорошего поэта, если не бросит этим заниматься.

– Да ну! Потом дашь почитать, – безапелляционно объявил дядя племяннику. – Но насколько я понял, не поэтическое будущее нашего Сашки привело вас, молодые люди, ко мне.

– Дядя, если я верно помню, – обречённо напомнил Краснов, – то в последнюю нашу встречу ты сетовал, что необходим молодой и лёгкий на подъем человек на роль корреспондента на англо-бурском театре военных действий.

– Ты верно всё помнишь, Сашенька.

– Так он уже нашелся? – с робкой надеждой спросил племянник.

– Увы и ах!

– Так вот, Леонид Александрович как нельзя лучше подходит на эту роль, – траурно, как приговор, произнёс Саша.

– Хм, – удивился Сила Яковлевич. – Дело принимает крутой оборот. Один момент.

Он грузно встал и направился к своему необъятному рабочему дубовому столу, который монументально возвышался в центре кабинета, перегораживая комнату почти от стены до стены. За ним на стене красовался ростовой портрет Николая II. Массивное кресло с резными подлокотниками и ножками, обитое чёрной лаковой кожей, прикрепленной к деревянному основанию сотней-другой каретных гвоздей, больше напоминающее императорский трон. Слева на стене висела физическая карта Российской Империи, справа, возле большого

окна, располагалась похожая карта мира. Сила Яковлевич ударил по колокольчику, стоящему на столе, и в комнате неслышно материализовался прозрачноглазый конторский.

– Миша, три чаю с лимоном. Или кто-то желает бразильский кофий? – Но выяснив, что все будут чай, добавил: – Цукаты в сахаре, сушек, сухарей и варенья вишнёвого. И меня ни для кого нет, до особого разрешения.

– Даже для главного редактора?

– Даже для него.

– Понял. Сей момент, – еле слышно сказал Миша и с поклоном исчез.

– Диспозиция в общих чертах понятна. Приступим к детальной рекогносцировке, – прогудел Сила Яковлевич и расправил на груди бороду.

– Я, конечно, понимаю ваши сомнения, – заговорил на английском Фирсанов, – неизвестный человек, может быть, измором взявший вашего племянника, но мне решительно нужно это место. Даже скажу вам больше, оно мне необходимо до крайности!

– Надеюсь, вы понимаете, – на английском же продолжил издатель, – что это не увеселительный пикник за городом с музыкантами и хористками?

– Мало того, я отдаю себе отчёт, что это другое полушарие, другое небо и другие люди.

– Слава лорда Байрона не даёт покоя?

– Отнюдь. Дара стихосложения Господь меня лишил, видимо понимая, что это будет явный перебор. Убеждён, что романтичность природы вещь весьма эфемерная и быстро проходящая. И опять же, если бы я был романтиком с головы до ног, разве пришёл бы я сейчас к вам сюда? Вряд ли. Я бы пропадал у стен посольства Нидерландов и искал бы соратников для того, чтобы тайными тропами пробраться к нужному мне месту.

– Этим занимается Александр Иванович Гучков с братом, но я вам этой информации не говорил. Я, как честный издатель и человек, про всё, что связано с нелегальной переправкой людей и грузов, кое-что знаю, но не поддерживаю.

– Гучков? Понятно, и буду иметь это в виду!

– Отлично! – хлопнул в ладоши Сила Яковлевич, и в этот момент открылись двери в кабинет.

Миша внёс в комнату большой поднос со стаканами чая, розетками варенья, блюдечками для мёда и маленькими вазочками с сухарями и сушками. Разместив всё на столе, предназначенном для редакционных совещаний, он снова бесшумно дематериализовался.

– А что, Южная Африка мёдом намазана? – по-русски спросил Афанасьев и прицелился к табачного цвета горке сот.

– Мёд, конечно, приятная вещь, – ответил на французском Леонид, – но только в кулинарных или медицинских целях. В жизни одним мёдом сыт не будешь. Потребуется хлеб.

– Мне лично с трудом верится, что всё это затеяно ради заработка.

– Безусловно. Я бы тогда избрал бы журналистику основой своей деятельности, а не юриспруденцию.

– Вы, юноша с взором горящим, хотя бы понимаете, что иногда журналистика это не скрип пера по бумаге, это трудно физически и по-человечески страшно?

Леонид загадочно взглянул на Афанасьева. И эффектным и плавным жестом, так, чтобы племянник и дядя следили не отрывая глаз, поднял руку и опустил её на угол редакционного стола. Поднялся и опершись на неё, расположил своё тело параллельно полу. Когда трюк был воспринят «публикой» как должное, опустил на крышку стола вторую руку и вышел на «свечку». Потом неспешно опустил ноги на пол и сел на своё место.

– Однако же! – только крикнул Афанасьев.

– Он ещё не так может, дядя. Ты же знаешь Красновых, ветошь не подсунем!

– Не мне вам говорить, – как ни в чём не бывало продолжил Леонид, – что не боятся только идиоты, а вот второе место на университетском турнире по фехтованию и первое место

в гимнастических упражнениях, надеюсь, позволят мне легче перенести возможные физические тяготы и лишения.

– Как знать, как знать. Жизнь не спортзал. Там всегда что-нибудь да пойдёт наперекосяк. Возвращаясь к журналистике, – снова заговорил на русском Сила Яковлевич. – Говорите вы на обоих языках весьма бегло и сносно, но это не гарантирует хороших статей в мою газету на родном языке, – сделав внушительный глоток чаю, засомневался издатель «Невского экспресса».

– Зато гарантирует вот это, – снова встрял в разговор Краснов и вытащил из внутреннего кармана пальто несколько выпусков университетской газеты.

«А я ему лёд с утра за шиворот запустил», – устыдился своей экзекуции над сокурсником Фирсанов.

– Любопытно, любопытно, – загудел Сила Яковлевич и грузно пошёл к рабочему столу. Водрузив на нос пенсне, стал бегло просматривать газетку. – Почитаем, почитаем. А кого искать-то?

– Шарль Куртуа, – разламывая сушку, сказал племянник.

Чай был хороший, цейлонский. Лимон душистый. Да и жажда после вчерашнего давала о себя знать. Ребята с удовольствием ели и пили. Афанасьев полностью погрузился в чтение. Пару раз хохотнув, Афанасьев взял второй номер, и буквально через минуту оглушительно захохотал. Он откинул большую лобастую голову, отчего борода встала торчком и регистрировала каждое движение груди и объёмного живота. Отсмеявшись, он снял пенсне и вытер слёзы.

– Ну развеселили вы старика, молодой человек, развеселили. Это же надо так поддеть. Тонко, зло и изящно. Хорошо.

На лице Леонида зажглась робкая улыбка.

– А я что говорю – талант! Бриллиант чистой воды! – оживился племянник.

– Осторожно, перехвалишь, – стал уводить себя из-под огня лести Лёня.

– Не бойся, не сглажу.

– Хорошо-то хорошо, но только этого мало.

– Мало? – удивился Саша. – Пару десятков номеров я могу вынести из библиотеки, но собрания сочинений у Лёни пока нет, молод ещё.

– Я не об этом. Я, конечно, люблю и, не при нём будет сказано, ценю Сашу. Я рад за своего родственничка, что у него такой остроумный друг, тонкого ума и филигранного таланта, но...

– Но? – напрягся Леонид.

– Этой рекомендации недостаточно.

– Что же делать? – картинно схватился за голову Краснов.

– Если вы, молодой человек, в течение трёх дней предоставите письменные рекомендации трёх известных и уважаемых мною людей, то, вероятно, мы с вами вернёмся к этому разговору. В противном случае – не обессудьте.

– Я вас понял, – сказал, поднимаясь, Фирсанов.

– Но не независимо от результатов этого разговора, если в будущем захотите разместить у нас какой-нибудь материал по животрепещущей теме, то милости просим. Лёгкое протезе окажу, кой-какое влияние на эту газету у меня имеется, – улыбаясь, заметил издатель.

– Кой-какое? – опешил Александр.

– Благодарю вас, Сила Яковлевич, за приятное общество, за уделённое время и хорошее отношение.

– Это всё ему скажите. Он, оказывается, у нас следопыт, отыскивает таланты.

– Спасибо, дядя, – наконец, поднялся и Краснов. – Обнадёжил. Обрадовал. И воодушевил.

– Не за что! Чем мог – пособил, – прогудел Афанасьев.

Племянник и дядя приступили к церемониалу прощальных объятий. Со стороны казалось, что озёрная камышинка пытается обвить и приподнять прибрежный утёс.

– Я рассматриваю это событие, – уже шагая по улице, весело тараторил Краснов, – как сугубо положительное. Талант твой отметили, предложение к сотрудничеству получил. Что ещё надо?

– Южную Африку, – рассеяно сказал Леонид, блуждая глазами по прилегающей территории. – Александр, я и сегодня на лекции не пойду. Извозчик! Тебя подбросить до университета?

– Да тут рядом, как-нибудь добегу.

– Ладно. Я поехал, у меня есть одна кандидатура, попробую обработать сегодня же.

– Держи меня в курсе.

– Без этого никак. Повторный визит к дяде снова вместе, – то ли спрашивал, то ли утверждал Фирсанов уже с подножки пролётки. – Трогай! На Васильевский.

Последнее уже относилось к кучеру, и пролётка поехала по улице. Краснов с завистью и грустью смотрел вслед экипажу. Ему почему-то казалось, что Фирсанов добьётся своего. Он презирал в душе своё собственное безволие, прекрасно понимая, что никогда не решится на подобный шаг. Порыв останется порывом, может быть, выступит на бумаге строчками нового стихотворения, а может быть, тихо исчезнет, как исчезают круги на воде от брошенного камня. Он не мог себе ответить – говорит ли в нём простая лень или он создан для тихой жизни в кругу семьи? А пока становилось ясным одно: в самое ближайшее время он лишится только вчера обрётённого друга. Пролётка исчезла за углом, а мысли о предназначении и иных «философских материях» испарились из Красновской головы, оставив предчувствие близкой разлуки. Затихло цоканье копыт, и Краснов быстрым шагом устремился в сторону университета.

На Кадетской линии доживал свои дни в уединении дальний родственник по материнской линии граф Алексей Иннокентьевич Аристов. Экипаж застыл у парадного входа. Фирсанов взлетел по лестнице и открыл двери. Ему показалось, что одним шагом он вернулся назад лет на пятьдесят российской истории.

Его встретил лакей, одетый по моде середины XIX века. Ливрея хоть и выглядела слегка потёртой, но была опрятной и чистой. Слуга был шарообразно лыс, кроме тонкого венчика седых волос на затылке. Недостаток растительности на темечке с лихвой компенсировался пышными седыми бакенбардами, тщательно расчёсанными во все стороны. Вьющиеся густые усы с желтизной под носом выдавали любителя табака. Некогда голубые глаза выцвели, а на периферии радужки появились склеротичные белые мутноватые ободки.

– Что, сударь, вам угодно-с? – надтреснутым голосом поинтересовался привратник.

– Хотел бы переговорить с графом Аристовым по весьма важному и безотлагательному делу.

– Как вас представить, сударь?

– Их родственник, Леонид Александрович Фирсанов.

– Одну секунду-с, сейчас доложу. Правда, граф уже два дни не изволят никого принимать. От подагры страдают-с.

– Ты, любезный, передай, а он решит, – неожиданно по-отечески наставил старого слугу Леонид.

– А...

– Передай ему, мой золотой, что принять просит единственный сын его покойной племянницы Анны Фирсановой, урождённой Курбатовой. Запомнишь? А чтобы лучше запомнил, вот тебе целковый. – Леонид вкрадчиво вдавил в ладонь серебряный кругляшок.

– Благодарствую-с, – оживился лакей. Целковый исчез в кармане ливреи, а ноги бесшумно засучили по полу. – Как можно-с, как можно-с забыть. Конечно, запомню-с.

И постоянно бормоча себе под нос как молитву «Анна Фирсанова, урождённая Курбатова», старик удалился.

Леонид придирчиво осмотрел себя в большом зеркале, висевшем в прихожей. Крутился от волнения перед зеркалом, сбивал несуществующие пылинки, разглаживал невидимые складки. За этим занятием он не услышал шаркающие шаги. Только деликатное покашливание старого слуги отвлекло молодого человека от поиска изъянов в одежде.

Он резко повернулся, едва не уронил старика-лакея этим движением. Придержав беднягу за плечи, он впился взглядом ему в лицо.

– Вас просят подняться-с, – проквакал лакей.

Леонид быстро сбросил ему на руки студенческую шинель и фуражку, оправил мундир и помчался наверх, перескакивая сразу через две ступеньки.

Проскользнув за белую высокую дверь, Леонид слегка оторопел. Посредине большой, светлой, некогда богато отделанной гостиной с большими сводчатыми окнами, забранными белыми французскими шторами, с широкой улыбкой стоял лакей, которого он только что оставил внизу. Только немного повыше, примерно одного роста с Лёней. Слегка припадая на левую ногу, старый граф сделал несколько шагов в сторону родственника. Полы его некогда роскошного, расшитого золотом халата разлетелись, как крылья. Лицо вопросительно собралось в сотни складочек-морщинок, а оттуда смотрели глаза цвета неба и сияла широкая улыбка. Он поднял руки на уровень плеч и застыл в такой позе. Фирсанов, как младший, подчинился призыву и подошёл. Аристов неожиданно крепко его обнял. Минуту или больше Леонид простоял так, уткнувшись подбородком в воротник, отделанный золотой нитью. Дыхание родственника сбилось, и раздались хлюпающие звуки. Граф отодвинул племянника, вытер лицо и шумно высморкался.

– Одно лицо, одно лицо! – сумел воскликнуть родственник и снова зарыдал. Наконец, он взял себя в руки. – Вы, молодой человек, удивительно похожи на Анечку. У вас её глаза.

– К сожалению, Всевышний распорядился так, что мне не довелось воочию узнать этого.

– Да, да! – Старик опять сморщился и снова спрятал лицо в платке. Отдышавшись и вытерев слёзы, продолжил: – Судьба бывает жестока и часто норовит лишить нас самого дорогого и приятного. Мне так нравилось, как Анечка смеялась. Без преувеличений – серебряный колокольчик звенел. А как она обожала танцевать. Очи сияют, ланиты горят. – Глядя на него Фирсанов предположил, что некогда этот человек был влюблён в его мать, но она выбрала отца. – Не поверите, могла без усталости протанцевать всю ночь. А как мы шли первой парой на балу у Францевичей! Загляденье! Как мы шли... Но все, увы и ах, в прошлом! А вы, юноша, просто красавец. И стать, и вид. В каком полку служить изволите?

– Я студент третьего курса юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

– Похвально, похвально, но жаль! – Опустившись на диван, граф похлопал рядом с собой, подняв небольшое облачко пыли, призвав внучатого племянника. – Хотя занятие сие и общему благу послужить может.

– А отчего же жаль? – настолько удивился Леонид, что немного пренебрёг правилами приличия.

– Фамилия у вас... Кстати, запомнил, как вас величать?

– Леонид Александрович, можно Лёня.

– К чему нам это амикошонство, Леонид Александрович? Фамилия у нас древняя, гордая. Да и ваша ничем запятнана не была. Мужчины по нашей линии всегда служили царю и отечеству. Всегда с честью несли ратную службу.

– Так вот, честь и свобода и составили суть моего визита к вам. Только понукаемый этими чувствами осмелился вас побеспокоить, – приноравливался к старой, несколько выпрренной манере изъясняться, Лёня.

– Ну, право, какие счёты между своими. Чем могу быть полезен? – Старик даже немного напряжился, обратившись целиком в слух.

– Не знаю, известно ли вам, что на юге Африканского континента маленький бурский народ ведёт освободительную войну против Британской короны.

– Мерзавцы! Мерзавцы! И ещё раз мерзавцы! – жёстко отрезал Алексей Иннокентьевич.

– Кто? – похолодев, с ужасом спросил Фирсанов, оценивая вероятность получения необходимой рекомендации. Ведь вполне естественно, что старик мог быть англофилом, а не симпатизировать потомкам голландских переселенцев. Он был старым воякой, прошёл Турецкую кампанию 1855-56 годов. В следующую секунду он понял, что в данном случае не важно, на чьей стороне граф, важно будет ему верно подыграть, а ради рекомендательного письма он был готов на все тяжкие. Аристов выдержал достойную театральную паузу, расправил бороду на груди и произнёс:

– Конечно, подданные Великобритании! – Фирсанов облегчённо выдохнул, не придётся бесстыже врать старику в глаза. – Ультиматум Чемберлена – это в высшей степени наглость и оскорбление интеллекта. Стоило найти там золото и алмазы, так англичанам срочно потребовалась эта земля. Мерзавцы!

– Как же я с вами согласен, Алексей Иннокентьевич! – радостно подхватил Леонид, слегка удивлённый политической осведомлённостью своего престарелого родственника.

– Всегдашняя манера англосаксов! Яркий образчик колониального мышления! – Граф продолжил развивать своё понимание ситуации. – Наложить когтистую лапу на то, что им никогда не принадлежало! А лучше отобрать это чужими руками, разжечь войну, добиться изнурения супротивников, а потом с видом благодетелей устроить мир. И за своё «скромное» посредничество ободрать обе стороны почём зря, присовокупив себе большую часть, если не всё разом. Знамо дело! Проходили в Крымскую кампанию! Ох, тогда суровые были деньки! Дым, чад, грохот. Пули свистят, снаряды рвутся, неприятель атакует. Я тогда получил под своё командование...

Понимая, что инициатива разговора стремительно, как кинжальный удар уланов, ускользает от него, Леонид решил избавить себя от исторического экскурса в историю Крымской войны.

– Так вот, в продолжение этой славной темы. – Леонид стал прибирать разговор к своим рукам. – Хоть я и не по военной части, но решил не отступать от линии, проложенной моими дедами и прадедами.

– Это же каким же образом, юноша? – ожил старичок.

– Хочу для читателей «Невского экспресса» написать ряд репортажей с театра военных действий, чтобы публика была в курсе всех коллизий происходящих событий.

– Ох уж это новомодные штучки! Клянусь, скоро желающих за деньги, причём очень большие, станут доставлять, словно на экскурсию, под неприятельские пушки и батареи. В бинокли или подзорные трубы показывать, как льётся солдатская кровь, как рвут снаряды человеческую плоть на части. Кровожадно сие. Прямо как в древнеримской империи. Правда, там честней поступали. Строили цирки, гладиаторов воспитывали и пялились, как кровушка людская на жёлтенький песочек льётся. Жуткое это зрелище, – сказал старый граф и почему-то зажмурился со счастливой улыбкой на лице.

– Война и кровь – это ужасно! – поддакнул Лёня.

– Это смотря с кем и за что! Иной раз пока человеку в морду кулаком не сунешь, так он и не возьмёт себе в ум, что этого не следовало говорить, а того больше – делать.

– Но ведь за Родину...

– За Родину, юноша, это другой оборот. Не случайно завещано нам: за веру, царя и отечество сражаться, не жалея живота своего.

– Кстати, по слухам... – Лёня заговорщически наклонился к старику и шёпотом, как бы между прочим, произнёс: – Его Императорское Величество Николай II симпатизирует бурам.

– Император на то и помазан на царствие, чтобы за нами, человеками, милостиво следить и наблюдать! – отчеканил очередную сентенцию граф и неожиданно сильным, не старческим голосом стал выводить: – Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй на славу, на славу нам!

– Царствуй на страх врагам, – подхватил Леонид, поскольку ничего другого ему не оставалось. Так дуэтом они и закончили. – Царь православный! Боже, Царя храни!

Старик расчувствовался, сморщился и снова потёк. Потом порывисто обнял Фирсанова. То ли прижал, то ли прижался. Леонид, не смея шелохнуться, стоял, обнявши старика за плечи, и поражался силе его духа. Он почувствовал костистое тело сквозь ткань халата и стал проникаться к нему глубоким уважением, если не сказать, любовью. Что-то далёкое, но в то же самое время удивительно родное открылось в этом странном человеке. Наконец, Алексей Иннокентьевич полностью успокоился.

– Благословляю вас, Леонид Александрович! Памяти покойной Анны, на благо Отечества и фамилии.

– Благодарю вас, дядюшка. От всего сердца благодарю!

– А может, и мне с тобой махнуть? – ни с того ни с чего предложил старый граф. И не дожидаясь реакции Фирсанова, противным голосом задрезжал: – Николашка! Николашка! Николашка, каналья, куда ты запропастился! – В дверь просунулась голова лакея. – Собирайся, Николаша, едем!

– Куда изволите, барин?

– В Африку!

– Зимаря или Громобоя запрягать?

– Обоих! – залихватски махнув рукой, объявил хозяин.

– Так это что, значит, далее Саратова? – ужаснулся лакей.

– Дальше, балда, дальше!

– Глухомань-то какая! Эх угораздило! Тёплые вещи-то брать? – спросил приученный и привычный ко всему старый слуга.

– Брать! Обязательно брать! И анисовых капель не забудь, а то меня в карете укачивает, – напомнил лакею старик.

– Слушаюсь, – ответил Николашка и притворил двери.

Такого поворота событий Леонид не ожидал ни при каких обстоятельствах. Он думал, что родственника придётся долго упрашивать, вымаливая рекомендацию. А тут... Надо было срочно выводить старика из игры. Но как?!

– Алексей Иннокентьевич, так капель придётся брать ведро, а может, и бочку. Это же морем месяц плыть? – как бы между прочим заметил племянник.

– Морем месяц?

– Так точно! – почему-то по-военному отрапортовал Фирсанов. – А может статься, и больше. А как шторм налетит? «Море вздуется бурливо, закипит, подымет вой!» Тут не придумаешь.

– Месяц морем не выдержу. Всего себя в море стравлю. А на лошадях?

– Пустыня же! Падут лошади. Все.

– Жаль, очень жаль. Никалашка! Николашка! – Едва лакей протиснул голову в щель между створками, старый граф распорядился: – Мы никуда не едем!

– Понял, батюшка, – лакей с неизменной интонацией принял новую вводную и прикрыл дверь. А Леонид исполнил замысловатый танец ногами, правда, глубоко в душе, а оттого невидимый.

– Так я хотел бы милостиво просить вас...

– Так я же тебя благословил уже! – удивился Алексей Иннокентьевич. – Иди! Ступай! Воюй, но смотри, не урони фамильной чести! Коли покроешь себя позором – в мой дом ни ногой! Ославлю!

Да, время безжалостно даже к самому светлому уму и горячему сердцу. Если замыслил наказать Господь, то первым делом отбирает ум.

– За благословение особое спасибо, – с нотами лёгкой грусти сказал Леонид, – но мне нужна рекомендация редактору, собственноручно вами написанная.

– Собственноручно?

– Да.

– Николашка! – Бесстрастное лицо лакея возникло в проёме. – Принеси бумагу и письменные принадлежности. Только смотри, чтобы чернила были хороши!

Когда всё было принесено, граф под диктовку Леонида долго и тщательно выводил вензеля и завитушки своего рекомендательного письма. По привычке густо посыпав бумагу песком, протянул её Леониду.

– Вот, получите, молодой человек! Одного письма достаточно?

– На самом деле мне нужно три рекомендации от разных людей. Сейчас подумаю, к кому я могу обратиться.

– А чего думать! Я сейчас напишу к двум своим товарищам по службе. Они, думаю, по дружбе не откажут боевому товарищу.

И через десять минут оба письма были написаны.

– Уж не знаю как и благодарить вас, Алексей Иннокентьевич?! – растерялся от такой отзывчивости старого графа.

– Только памяти Анны, безвременно нас покинувшей. Удачи тебе, сынок! – снова исчез в своём носовом платке Аристов. – И под пули без особой надобности не лезь. Пуля – она же дура!

– Постараюсь.

– И упомяни меня в первой же статье, что, мол, есть в Санкт-Петербурге граф Аристов, который велел бурам так наподдать британцам, чтобы перья по всему свету летели.

– Сделаю. Вот это обязательно сделаю, с радостью и удовольствием!

– Смотри, я ведь все газеты от корки до корки просматриваю. Особенно «Невский экспресс». Занятная газетёнка. От меня ничего не утаится. А теперь иди, устал я больно. Николашка! Проводи молодого барина и подавай на стол. Питаться будем!

– Будет исполнено! – невозмутимо сказал лакей, привыкший к полярным переменам в настроении своего хозяина, и с полупоклоном открыл шире дверь, пропуская Леонида.

Леонид был настолько ошарашен произошедшим, что уходя дал Николашке ещё один целковый. Лакей принял, не дрогнув ни одной морщинкой.

Хотя на улице и тянул пронизывающий влажный ветерок, Леонид смахнул испарину со лба и выдохнул. Он пощупал в кармане шинели пачку конвертов с рекомендательными письмами. Что они достанутся таким лёгким путём, он не ожидал. Не жалко даже двух рублей, исчезнувших в карманах лакейской ливреи.

После некоторого раздумья он решил, что судьба сегодня ему благоволит, а поэтому нельзя выпускать из рук хвоста синей птицы. Надо ехать за второй рекомендацией. Теперь он знал к кому.

Первым в рекомендательном письме значился Ипполит Зарембо-Рацевич. К нему и отправился Фирсанов.

Сухонький старичок, точная копия фельдмаршала Суворова, склонив голову к правому плечу, внимательно выслушал о борьбе маленького, но гордого бурского народа против зарвавшейся Британской империи и вопросительно поднял брови. Леонид, чётко сформулировав просьбу, протянул письмо графа Аристова. Зарембо-Рацевич, никак не выразив своих чувств

и мнений, развернул бумагу к свету и невозмутимо прочёл возле окна. Пожевав губами, стремительно подошёл к конторке и, стоя, быстро написал рекомендательное письмо.

– Тут слова не нужны, надобно действовать. Упустите момент и никогда не наверстаете. Графу я привык во всём доверяться. А в баталии опоздал на миг и голова уже в кустах, а посмертный Георгий положения не исправит, слёз не высушит, – напоследок разразился тирадой старик и переуступил его своему слуге. Рыжий рябой детина ласково препроводил его здровенной, как зерновая лопата, рукой за дверь и тут же её захлопнул.

Все произошло настолько стремительно, что осознание произошедшего пришло Леониду на улице. Второе письмо грело сердце и оттопыривало внутренний карман. Он был как в тумане, от чего чуть было не угодил под копыта какой-то лошадаёнки. Покрыв его многоэтажной бранью, ямщик чудом избежал столкновения. Вильнув, коляска продолжила движение.

По третьему адресу Фирсанов пошёл пешком. Идти пришлось далековато, но возможность решить дела в один день придавала сил и толкала вперёд. Пока он ждал приглашения войти в прихожей дома поручика Барсукова, его насторожило обилие нищих и женщин в чёрных платках. Но мало ли как у кого принято...

Открывший ему человек, не дослушав до конца его фразы, исчез где-то в глубине дома. Потом явилась прозрачная, с красными глазами и носом молодая девушка и сказала, что сегодня ровно девять дней, как преставился батюшка. Сказались старые раны. Так что старый солдат не мог ничем помочь ни Фирсанову, ни кому бы то ни было ещё. Держал, держал оборону, а в самый неподходящий для Леонида момент был переведён в другой полк. Теперь он в ином воинстве. Проямлив слова соболезнования, Леонид ушёл.

Мутной волной в душе поднялась паника. Куда идти? Кого просить? Он уже прошёл две трети пути, было глупо разворачиваться и идти на попятную. Но как добыть третью рекомендацию? Но ведь и без протекции графа Аристово было необходимо к кому-то идти и у кого-то просить письма! Так что надо собраться мыслями, взять себя в руки и рассуждать здраво. В запасе было два дня, за которые предстояло найти того, кто напишет ему третье рекомендательное письмо. И он найдёт такого человека и вырвет из него заветный клочок бумаги!

Только сейчас Фирсанов осознал, что со вчерашнего вечера ни разу не вспоминал о Елизавете. Она смутной тенью маячила на горизонте сознания, ни приближаясь, но и не удаляясь. И стоила ли игра свеч – он не понимал, но остановить раскрученный маховик уже не мог. Его куда-то тащило и влекло силой инерции. Колесо фортуны делало очередной поворот.

Несколько оглушённый и опустошённый событиями вчерашнего и сегодняшнего дня, Леонид заявился домой. Успев скинуть шинель и китель, в чём был рухнул на диван в кабинете отца. Заснул, что называется, без задних ног.

«Скверный, скверный мальчишка!» – в который раз за эти дни Лиза вынесла своему ухажёру суровый приговор. Как он смеет так с ней поступать?! Исчезать на столько времени! Ни извинений, ни объяснений! Если он бросил её и сдался, то тогда так ему и надо! Она была очень сердита на Леонида. Девушка рисовала в своём воображении множество сцен, в которых неизменно был коленопреклонённый воздыхатель с протянутыми руками и вымаливающий у неё прощение. А она... Она холодна как лёд, как статуя сфинкса. Таким образом до молодого человека наконец-то дойдёт, какую роковую ошибку он совершил и какого ангела потерял! Но получалось, что пока потеряла только она. Что Лизу не устраивало и раздражало.

Если честно, она уже привыкла к чудачествам Фирсанова. Она даже находила их милыми и мальчишескими. Как же он напугал её тогда вечером! Но как неожиданно, даже изящно он это сделал! Особенно цветок. И сколько силы в молодом и изящном теле!

Ей вдруг стало не хватать его шуток, сарказма, иронии... Самое удивительное, что впервые за долгий промежуток времени она была недовольна своим поведением. Конечно, она обидела его, обозвав маменькиным сынком. Но она же не знала, что у него нет матери. И они нико-

гда не заводили об этом разговор. Это её извиняет. Он всегда появлялся в тот самый момент, когда в нём возникала необходимость.

Да и она хороша! Повела себя как какая-то принцесса. Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что! Устроила, понимаете ли, соревнования женихов! Вот к чему привело увлечение сказками братьев Grimm в десятилетнем возрасте. Только не хватало сказочного туповатого короля, с пузом и тройным подбородком. К чему она брякнула о Байроне и Гарибальди? В душе Лиза прекрасно понимала, что слегка переборщила. И кто вообще дёрнул её за язык выдвигать какие-то требования? Невооружённым глазом понятно, что Фирсанов влюблён в неё, что уже само по себе выделяло его из толпы. При любом положении дел такой кавалер всегда необходим. Его немного ограничить, подобрать оправу и получится вполне себе милая поделка. Ни перед кем не будет стыдно. Ни перед мамой с бабушкой, ни перед знакомыми на курсах, ни перед подружками по гимназии. Можно будет спокойно приезжать с таким мужем домой в Калугу и Перемышль. Мужем? Не торопит ли она события?

Надо признать, что Леонид ей нравился, по крайней мере с ним не было скучно. Сложен прекрасно, тонкое волевое лицо, умные глаза. Но эти его выходки! В людном месте при стечении народу, на одно колено! Не спорю – красиво и романтично, но... Так ей в любви не признавались и замуж не звали. Хотя для неё это был пока единственный опыт, но он ей понравился. А она! Что устроила?! Просто душещипательную мелодраму. Зачем ей это?

И потом, на самом деле, он мог быть занят неотложными делами. Не приходил, значит, не мог. Он всегда радовался их встречам, она чувствовала. И это льстило её самолюбию. А теперь как быть? Она надеялась, что слегка его раззадорит, поиграется с ним, как кошка с мышкой... Но никто же не ожидал такого оборота дел. Надо как-то исправлять положение, но как? Где и как его найти? Покопавшись в памяти, девушка с удивлением поняла, что ничего не знает о Фирсанове, кроме того, что отец его адвокат, а сам он учится на юридическом в университете. Ну не идти же, в самом деле, в университет, искать там юридический факультет? И что подумают окружающие? Можно попытаться разыскать адвокатскую контору отца, но эта идея понравилась ей ещё меньше, чем предыдущая. Она девушка порядочная и до такого не опустится. Должен же он, наконец, проявить упорство и снисходительность к ней и прийти. Она, конечно, собьёт с него спесь. Будет дуться, но не долго. Минут десять, пять от силы. Но ни меньше. Он всё же должен осознать масштабы своего проступка. А то потом он станет просто неуправляемым. А ей такой не нужен!

Так, ворочаясь на постели, Лиза потихоньку в своих рассуждениях допустила брак с Фирсановым. Он уже состоялся у неё в голове. Утомившись от мыслей и рассуждений, Лиза решила заснуть. Завтра обязательно появится. Либо он, либо решение, как его найти.

– По-другому и быть не могло, – сказал Александр Леонидович, внося свет. – Спит в моём кабинете. В чужой сорочке и с разодранной щекой – красота! Ты уже достиг вершин Санкт-Петербургского дна за эти два дня? Мне готовится к уголовному процессу или ты срочно эмигрируешь?

Фирсанов-старший поставил на дубовый рабочий стол портфель отличной кожи и расположился в удобном кресле. По диагонали от стола на кожаном диване его сын пытался прийти в себя от столь неожиданного вторжения отца в свой сон.

– Здравствуй, папа. И для начала успокойся. Эмоции и нервы первый враг юриста. Ты сам мне это говорил.

– Юриста, да, но не отца! Радует, что хоть что-то из моих нотаций остаётся в этой, – дотянулся и звучно шлёпнул по темечку своё чадо, – голове.

– Ночевал у Краснова, это его сорочка. Не мог же я весь день щеголять по городу в несвежей рубашке.

– Резонно и куртуазно или, кому как нравится, куртуазно и резонно, – согласился родитель.

– И щеку не «разодрал», а слегка порезал, когда брился, и по твоему рецепту быстро остановил кровь.

– Значит, я ещё на что-то гожусь.

– Папа, не передёргивай. Я отпраздновал нашу общую с тобой победу, хотя и не так, как предполагал.

– Мы выиграли дело, но это не означает, что ты на следующий же день имеешь право оккупировать мой кабинет. Намекаешь на то, что моё время вышло? Для таких действий, мой друг, ты должен долго и очень долго бегать в подмастерьях.

– Нисколько этому не противоречу. Готов и дальше вносить посильную помощь в успех семейного треста. Это не акт агрессии, а усталость.

– Или бурная ночь у Краснова?

– Успокойся. Ни хористок, ни излишнего алкоголя не было.

– Ага! Алкоголь всё-таки был! – Улыбаясь, Фирсанов-старший поднял вверх палец. – Как ты сам знаешь, мера у каждого своя.

– Ах, оставьте, Александр Леонидович! По факультету до сих пор ходят легенды о ваших похождениях и приключениях.

– Ну, знаешь ли... Молод был, горяч до чрезвычайности, зелен... Отсутствие ума давало пышные всходы.

– Ваша честь, подзащитный оговаривает себя! Требую прекратить прения сторон.

– Сказано уже с достаточной долей твёрдости. Я начинаю верить. Как ты знаешь, мой отец и твой дед был прекрасным врачом-пульмонологом. Большая половина лёгочников столицы были у него в пациентах. Было всё: и деньги, и уважение, и почёт. Конечно же он мечтал о том, чтобы и я пошёл по его стопам. И меня спровадили учиться в Италию.

– А дед был коварен, – отметил внук. – Вот бы мне вместо пронизывающего ветра – голубое небо, тёплое солнце и синие море.

– Ни моря, ни неба, ни тепла. Анатомический театр приводил меня и мой желудок в трепет, при виде крови я был готов рухнуть на кафельный пол прозекторской, а формалин буквально выедал мне глаза. Поэтому я чаще посещал обычные театры, чем анатомические и лекции на медицинском факультете. Страсть к искусству довела меня до того, что я запел.

– Запел? – переспросил вконец ошарашенный Леонид и комично пропел. – O sole, o sole mio?

– Запел, запел. В буквальном смысле этого слова. Только у меня все же тенор, а не баритон, как у вас, Леонид Александрович. В Италии иначе нельзя. – И без всякой подготовки красивейшим голосом классически спел:

– La notte, come allora, magica scende,
La luna splende e tu sei qui.
Mi sento un po' confuso...
non so capire e ti so dire solo così.
Come prima, più di prima t'amerò¹².

Изумительный по красоте чистый и сильный голос спокойно лился и заполнял комнату. Скачком исчез серый и унылый Санкт-Петербург, растворились стены и потолок кабинета. Отец и сын сидели на берегу лазурного моря, под бездонным небом Италии. Жёлтая, как груша,

---

¹² «Сейчас, как тогда, приближается магическая ночь, сияет луна и ты здесь рядом. Я немного смущён... не могу собраться и тебе могу сказать только это: Как прежде и сильнее, чем тогда, я тебя буду любить». Перевод – Svetlana Mastica.

луна висела над ними. Где-то в стороне мерцала, как угли потухшего костра, небольшая деревушка. Их накрывал магический купол бархатной ночи, прошитый насквозь мигающим светом крупных звёзд.

Пение Александра Леонидовича сопровождалось тонкой мимикой и отточенными жестами. Они были естественными, но было видно, что и над этой составляющей номера певец работал отдельно. Отец рассказывал сыну историю своей любви к его матери, а тот прекрасно понимал, почему она не устояла перед его всепоглощающим обаянием. Песня была одновременно гимном любви и рассказом о безмерной тоске, которая поселилась в сердце отца после того, как не стало матери. Лёня помнил лишь пару эпизодов, когда они играли с ней, её нежные, тёплые руки и красивый голос. В его памяти она над чем-то весело смеялась. И чем дольше Леонид слушал песню, тем больше понимал, что потеряла сцена и кого потерял Фирсанов-старший.

– Как же ты это пережил? – шёпотом спросил ошеломлённый сын.

– Сам с трудом понимаю. Да и с годами подзабыл. Правда, я прилагал к этому столько усилий. Истёрлось всё. Кроме неё. Господь дал мне силы пережить это испытание. А она навсегда осталась вот тут! – ответил Александр Леонидович и ткнул пальцем в сердце. По тому, как он это сделал, стало понятно, что ничего с годами не забылось и «не истёрлось»! На некоторое время он отошёл к окну. Глядя на город, он собирался с мыслями и чувствами. Леонид боялся не то чтобы пошевелиться, он боялся вздохнуть и двинуться. Так и просидел, замерев. Когда же отец повернулся к нему, это уже был привычный ироничный и улыбчивый человек.

Как исполнитель, Александр Леонидович остался доволен эффектом, произведённым на публику, и продолжил свой рассказ:

– В Италии всё пронизано поклонением перед пением, музыкой, оперой и певцами. Я стал брать уроки у одного старого маэстро. О нём болтали всякую чепуху.

– Например?

– Например, что он выжил из ума. Что глух как пень и ничего не может. Его успехи в прошлом. Но всё оказалось ложью завистников. Маэстро был вспыльчив до невероятия и чрезмерно правдив. Он ставил диагноз через десять-пятнадцать минут знакомства и после уже не менял своего мнения. Рубил, что называется, с плеча и не всегда в парламентских выражениях. Я приходил каждый день с трёх до пяти, становился на небольшой помост и говорил.

– Говорил?

– Говорил! «Дай мне воды. Дай мне хлеба. Дай мне соли». Говорил и тянулся, тянулся вперёд, вытягивая шею и напрягая все мышцы. Иногда мне казалось, что старик уснул, сморённый солнышком, но как только я переставал тянуться, тут же следовал удар прутиком по... Ну, ты сам понимаешь, по чему попадал старый музыкант. В этом он был большой искусник и дока! И все начиналось заново. Через неделю этих просьб мне разрешили спеть незатейливую песенку. А через десять дней я зазвучал. Я сам это почувствовал. Через месяц я делал уже приличные успехи. До того приличные, что один из театров предложил мне ангажемент. Ещё несколько дней – и меня бы взяли в труппу.

– Как прекрасно! И как удивительно. Теперь я понимаю, откуда у тебя страсть к театрализации любых праздников.

– Ты близок к истине.

– Но почему ты ушёл со сцены?

– Я не ушёл, я на неё даже не вступил. Мой отец и твой дед примчался в Милан. То ли нашёл неведомый мне доброхот, который предупредил его, то ли родительское сердце ему подсказало. А может быть, он умел внимательно читать между строк в моих письмах, где я слишком много внимания уделял опере. Что его двинуло из Санкт-Петербурга в Милан, «сие для меня тайна великая есть» до сих пор. Он нашёл меня в таверне, где я угощал своего учителя. Наш разговор с твоим дедом было трудно назвать спокойным. Учитель неожиданно встал

на сторону моего отца, поддакивая ему, что успех на сцене очень эфемерен, а хорошая специальность в руках выручит не раз. Найдя надёжного союзника, отец присоединился к нашему застолью, с удовольствием ел рыбу и пил белое вино. Они со старым маэстро даже послушали моё пение. Я надеялся, что вопрос о моей оперной карьере решён. Посетители таверны встретили мой импровизационный концерт бурными овациями. Я понял, что и тот, и другой остались довольны моим исполнением, и мы договорились.

– До чего?

– Меня освобождают от медицины, но я не иду на сцену.

– Как?! Как ты мог пойти на такое?! Блестящая оперная карьера! Удивительная жизнь!

Известность, признание публики, гастроли! Весь мир у твоих ног.

– Начнём с того, что дед был прав. Ангажемент на один сезон – это не признание публики и вся жизнь в лучах славы. До признания очень далеко. На вершину восходит один из тысячи, если не из миллиона. И каждый шаг его босых ног усеян битым стеклом и горящими угольями. Простыл, заболел, понервничал и голос ушёл. Хорошо, если он вернётся, а если... Чуть позже ты поймёшь, что наша жизнь – это бесконечная череда компромиссов. Это не две краски: белая и чёрная, а широкая и сочная палитра серого.

– Но это же скучно!

– Скорей всего. Но девяносто девять процентов людей так и живёт. Ежедневный маленький подвиг.

Леонид даже вздрогнул, явственно услышав свои собственные интонации из недавнего разговора с Лизой, но без всякой иронии. Оказывается, на самом деле, яблоко от яблоньки недалеко падает.

– Когда появляется любовь, – продолжил Александр Леонидович, – не увлечение и страсть, налетающие как порыв ветра, пускай даже урагана, но рано или поздно всё же уходящие, ты понимаешь: если любишь человека, то готов ради него не только на краткий миг подвига, а на каждодневную жертву. С улыбкой на устах и радостью в сердце.

– Это сколько же надо прожить!

– Здесь дело не во времени, а в качестве. На следующий миг, как перестало биться сердце твоей матери, я был готов умереть, и рука сама потянулась к ящику письменного стола, где у меня лежал пистолет, но ещё через секунду я понял, что теперь самое важное для меня – это ты. И никто, слышишь, никто не имеет права даже на вершок влезать в наше пространство!

– Не зря Краснов тебя почти боготворит.

– Воспитанный юноша! С зачатками не только разума, но и вкуса, – улыбнувшись, похвалил институтского друга сына Фирсанов-старший.

– Да и любому понятно, что ты всегда минимум на полкорпуса впереди всех.

– Хм! Весьма польщён такой оценкой молодого поколения. А есть те, кто только на смертном одре понимают, что дарить радость гораздо приятней, чем принимать её самому. А третьему – надо пройти дни и годы испытаний, прежде чем он доковыляет до этого понимания. Поэтому выкладывай проблему, из-за которой ты порезался у Краснова.

– При чем тут проблема? – горячо воскликнул Леонид. Потом, сражённый догадкой, удивлённо прошептал: – Но как ты это узнал?!

– Я не только модный, я – хороший адвокат и по множеству признаков складываю мозаику происходящего и хорошо понимаю своего подзащитного.

– Даже не знаю, как подступиться к объяснению.

– Начинай с сути.

– Я хочу на год взять академический отпуск и уехать в Южную Африку.

– Сейчас же выкину сочинения Майн Рида, ты явно слишком рьяно их читал в детстве!

– Я хочу поехать туда корреспондентом «Невского экспресса».

– Голова вроде бы на месте. Но для журналистики нужен талант! – едко заметил отец.

– Я сегодня с Красновым был у Афанасьева, – не обратив внимания на замечание старшего Фирсанова, продолжал Леонид.

– Он не выставил вас за дверь?

– Если за три дня я найду рекомендации трёх известных людей, то он готов вернуться к разговору о предоставлении мне места корреспондента.

– Вернуться?

– Да.

– А талант? – снова вернулся к этой теме Александр Леонидович.

– Ему кое-что глянулось из опубликованного в институтской газете.

– И? – в нетерпении спросил Александр Леонидович. – Почему из тебя всё надо тащить клещами?

– Две рекомендации я добыл. А вот с третьей вышла осечка.

– Какая?

– Поручик Барсуков девять дней как почил в бозе.

– Это даже не осечка, братец мой, это, извини меня, это полный конфуз. А с кем у тебя виктория?

– Граф Аристов дал рекомендацию.

– Жив ещё курилка! Ох, он и имел на меня здоровенный зуб. Вот за что – не понимаю.

Леонид, оберегая чувства Александра Леонидовича, не стал делиться с отцом своими предположениями о безумной влюблённости графа в свою кузину.

– А второй рискнувший?

– Ипполит Зарембо-Рацевич.

– Это надо ж, как тебя припёрло, что ты такую бурную деятельность развил! Странно и похвально.

– А что странного?

– Та, ради которой ты на всё это пошёл, – стоит таких титанических усилий?

– А почему ты решил, что тут замешена женщина?

– Это подсказывает мой житейский и адвокатский опыт.

– Я хочу в первую очередь проверить себя.

– Да ну?

– Хочу понять, хватит ли у меня силы воли довести задуманное до конца. Смогу ли я сделать что-то стоящее или всю оставшуюся жизнь буду жить чужими мыслями, чужими чувствами. А Южная Африка – это хороший способ проверить себя самого. Поскольку в экстремальных ситуациях человек раскрывается лучше всего. И перед собой, и перед другими.

– Философская база крепкая. Даже походит на правду.

– Почему «даже»?

– Посыл, мой сын, посыл. Кто спихнул тебя на дорожку эдаких размышлений? А поближе полигона для проверки нет?

– Там тепло, – неожиданно ответил Леонид, вспомнив Николашку.

– Серьёзный аргумент. И не лишён прагматичности.

– Понимаешь, – Леонид вскочил с горящими глазами и стал активно ходить перед столом и доказывать свою точку зрения, – не важно, кто втянул или не втянул меня в эту историю, важно, что если я осуществлю этот проект, то впоследствии смогу спокойно заниматься чем угодно с чистой душой. Я смогу идти по жизни, подняв голову и веря в свои силы. Даже если поездка принесёт мне мало пользы, хотя я в этом сильно сомневаюсь, главное в этой затее – я всё же попытался. Сейчас тот самый редкий момент, когда можно это сделать.

– А если позже, скажем, по окончании учёбы? – с интересом полюбопытствовал Фирсанов-старший.

– Во-первых, ты сам прекрасно знаешь, что профессия всегда жестоко мстит, если из неё уходишь. Все навыки исчезают весьма быстро, можно сказать мгновенно.

– Согласен. А во-вторых?

– Во-вторых, война, конечно, может длиться и тридцать, и сто лет, история знает такие прецеденты, но кто даст гарантии, что она не закончится завтра? В-третьих, потом всегда найдётся куча дел, которые сначала не явно, а затем всё дальше и дальше будут отдалять меня от задуманного. То устройство на работу, то наработка репутации, то создание семьи, то воспитание детей. Et cetera, et cetera¹³. Не хочу остаться человеком нереализованных возможностей. Пускай поражение, но я попытался это сделать! Я хотя бы не буду лежать в темноте своей спальни и думать, что тогда-то я не сделал того-то, тогда-то того-то не сказал, тогда-то что-то не сумел.

– Лучше лежать в темноте спальни, чем в темноте могилы.

– Отличный аргумент, Александр Леонидович! Отец, я еду не воевать и даже не писать в газету, я еду проверять себя. От замысла до воплощения.

– Часто проекты превращаются в прожекты.

– И я о том же. Есть одна китайская мудрость: желающий ищет пути, а не желающий – отговорки.

– А ты серьёзно подковался, друг мой.

– Так чья же школа!

– Грубо льстить ты уже научился.

– Не переживай, тонкие кружева научусь плести со временем. Найду третьего рекомендуемого, съезжу, вернусь, зауважаю себя и с чистой совестью кирпичик за кирпичиком начну строить свою жизнь. Вот такой план на ближайший год! – утомлённый этим яростным спором, Леонид опустилсся снова на диван.

– План хороший и разумный, но рискованный.

– Вероятность риска в Южной Африке и риск попадания под лошадь извозчика у подъезда в Санкт-Петербурге примерно равноценны.

– Тогда я дам тебе рекомендацию.

– Ты?! – переспросил поражённый Леонид.

– Я! Твой отец учился в Воронежском кадетском училище в одно время с Силой Яковлевичем Афанасьевым.

– Такой расклад карт слишком даже для меня! – воскликнул Леонид, но было непонятно – чего больше в этом возгласе – удивления или восхищения.

– Но тем не менее. Он всегда был не глупым и хватким человеком, хотя иногда любил, что называется, пустить пыль в глаза. Но судя по газете, в делах он так не поступает.

После этих слов Фирсанов-старший достал из бювара, лежащего на столе, украшенного металлическим горельефом с двумя ангелами, чистый лист бумаги и очень быстро написал рекомендацию.

– Держи! – протянул он сыну рекомендацию в конверте с личной печатью.

– Даже не знаю, как тебя благодарить.

– Благодарить не надо, надо пообещать.

– Что именно?

– Всегда иметь голову на плечах и не лезть под пули. Очень часто умные мысли приходят после того, как все глупости уже сделаны. Не допускай никакой бравады в поступках. Думай, думай и ещё раз думай. Не хочу ломать твою веру в себя и понимаю, что, посадив тебя на короткий поводок, могу отбить у тебя вкус к самостоятельной жизни. Хотя и этим письмом...

– Обещаю тебе, отец.

---

¹³ Et cetera (лат.) – и так далее.

– И помни: ты всегда и везде будешь русским. По тебе будут оценивать и судить о целом народе, целом государстве, которые не несут ответственность за твою глупость и малодушие. У тебя за плечами сильное подспорье: славные дела наших родственников по обеим линиям. Многие из них делали разные глупости, но ни один из них не предавал тех, с кем делил стол, хлеб и кров. И пуще всего ценил данное слово. Проповедь окончена. Дерзай!

Леонид подошёл к отцу и крепко его обнял. Так они простояли очень долго. Каждый боялся разрушить то, что между ними возникло в этот момент. Леонид сейчас, как и Краснов, восхищался своим родителем: взял и помог. Не стал читать нотации, угрожать лишением наследства и прочими карами. А его условия – это даже не условия, а так – рекомендации, как поступать, чтобы потом не чувствовать жгучий стыд за себя самого. Хороший урок отца сыну.

Только через десять минут после бесконечных звонков и стука в дверь, заспанный Краснов появился на пороге.

– Девять часов? Ещё глубокая ночь, – застонал Саша. – Уйди, кошмарный сон!

– Девять. Без пяти. Пролётка ждёт! Или ты хочешь пропустить самый важный момент?

– Без брюк я буду смешон в любом месте!

– Торопись, нас ждут великие дела!

Через полчаса постоянно зевающий возница высадил их возле редакции. Прозрачноглазый секретарь тут же кинулся в кабинет. Вернувшись, он молча распахнул перед ребятами дверь.

Леонид, как заправский покерный игрок, выложил веером перед Афанасьевым, который пристально следил за его действиями, три конверта с рекомендациями.

– На ходу подмётки режет, – усмехнулся Сила Яковлевич и аккуратно, специальным ножиком для бумаг, поочерёдно вскрыл конверты. – То-то, сударь, мне ваша фамилия показалась слишком знакомой. Как батюшка?

– Защищает и выигрывает.

– Отменно! Отменно! Поскольку последние препятствия устранены, то вынужден со всей прямоотой вам, Леонид Александрович, процитировать мою любимейшую Гоголевскую фразу о пренеприятнейшем известии.

Брови Краснова и Фирсанова синхронно поползли вверх.

– Я принял решение, не подлежащее обсуждению. – Сила Яковлевич гордо окинул молодых людей, расправил бороду на груди, выдохнул и, выдержав немислимую долгую паузу, произнёс. – Я беру вас на место корреспондента «Невского экспресса».

– Дядя, я чуть было не умер. Но всё равно: «Ура!» – выдохнул уже было покрасневший Александр.

– Ну не всё же вам, молодёжи, куражиться. И у нас стариков есть порох в пороховницах. Открою по секрету, что и без этих рекомендаций я бы дал вам это место.

– Так для чего тогда нужна была вся эта свистопляска, дядя? – удивился Саша.

– Должен же я был проверить сметливость и проворность корреспондента. Теперь вижу: он и мёртвого подымет, и Луну с неба принесёт. Дельный молодой человек.

– Благодарю вас, Сила Яковлевич, надеюсь, что у вас не будет повода для недовольства вашим решением.

– Надеюсь, – прогудел издатель и нажал кнопку звонка. Когда в комнате появился Миша, он распорядился: – Позови-ка, голубчик, главного редактора и главного бухгалтера.

Миша тихо исчез.

– С этого момента вы, Леонид Александрович, обязаны беречь себя, я слишком много в вас вкладываю. Никаких фокусов! Тем более глупостей! Осторожность превыше всего! А теперь – к столу, что-то я проголодался изрядно!

Краснов и Фирсанов с понимающими улыбками переглянулись.

Через полтора часа оба студента зашли в вестибюль университета. Александр помчался на лекции, а Леонид поднялся в деканат. Фирсанов надеялся, что там будет только секретарь и он с ним по-тихому оформит все необходимые бумаги. Но по закону подлости глава факультета, профессор римского права Николай Васильевич Малахов, оказался на месте. Поначалу он очень обрадовался его приходу, а потом по его глазам стало видно, он понимает, что Леонид чего-то недоговаривает, но согласился подписать бумаги.

– Очень жаль, очень жаль, – искренне расстроился старичок декан, когда Леонид объявил, что по семейным обстоятельствам он берет в университете академический отпуск.

– Так ведь всего на год прошу отпустить меня. Дома всё уладится и я обязательно вернусь. Обещаю.

– Запомните, юноша, вы дали мне слово, а нарушать его ой как некрасиво. Такие хлёсткие статьи писали, да и по многим дисциплинам имели самые высокие показатели. А иначе никак?

– Никак. Николай Васильевич, обмануть вас может только изверг, а я не такой, – врал на голубом глазу бывший студент юридического факультета и нынешний корреспондент «Невского экспресса». Вторая по древности профессия уже брала верх над ранее выбранным делом.

– Не такой, не такой, – прошептал Николай Васильевич и почему-то сразу сник и скукожился.

Фирсанов ушёл с тяжёлым сердцем. Было ощущение, что он затевает что-то бесчестное. «Но ведь борьба за свободу буров это благородное дело!» – Леонид пытался высокими словами осадить поднятую взглядом Малахова мусть в его душе. Перед глазами так и стояли клубы ила, которые поднимаются со дна чистого водоёма в яркий солнечный день.

Среди узора кованых ворот в арке, перед домом, белым пламенем горела хризантема. «Где он их берет в эту пору?» – мелькнуло в голове у девушки. И вопреки стараниям на лице вспыхнула улыбка. Она прикоснулась рукой к цветку. Он был здесь не так давно, холодный ветер ещё не успел прихватить лепестки и листья. Она оглянулась, но его не было видно. Она специально немного задержалась у чугунной створки, надеясь, что он сейчас откуда-нибудь выскочит, как чёртик из табакерки. Но увы. Она взяла цветок и инстинктивно убрала его в вырез пальто, пытаясь согреть. Всё-таки живое. И красивое. За воротами было пусто. Но когда до подъезда оставался один или два шага, дверь медленно, будто под напором ветра, открылась сама. Внутри у Елизаветы всё задрожало от предчувствия и желания вскрикнуть. На площадке, облокотившись спиной и руками на перила, в лунном свете, словно в луче прожектора, стоял её воздыхатель. Его тёмная шинель эффектно подчёркивала бледность лица и ярко-синие глаза. Лиза мгновенно погасила свою улыбку. Ещё чего не хватало, чтобы он заметил! Не заслужил. «Обдадим холодом эту столичную штучку, будет как шёлковый. Надо воспитывать. И в конце концов, я женщина!» – мгновенно набросала план своего поведения Елизавета.

– Вы снова меня напугали, Леонид! – сурово, без улыбки произнесла она.

– Странно, – неизвестно чему удивился юноша.

– Что вам странно? – начала заводится Лиза.

– Испуг и улыбка до этого момента у меня не вязались воедино. Или это была гримаса?

– Фу! А вы следили за мной! Слежка – удел филёров! – взвилась Меньшикова.

– Надо понимать, что цветы вам не понравились, а разговор утомляет. Тогда честь имею. – Он оторвался от перил.

– Мне интересно, – она остановила его вопросом. – Где вы берете живые цветы об эту пору?

– Так сказать, на родительском горбу выезжаю. Отец когда-то помог одной цветочнице в суде и та до сих пор от него без ума. Каюсь, а я бессовестно этим пользуюсь.

– А ларчик, оказывается, просто открывался...

– Ну, чтобы не разочаровывать вас окончательно, Елизавета, более не смею обременять собою.

Фирсанов направился к двери.

– А ещё в герои рвались! – с неприятным удивлением отметила Меньшикова. – Если любое препятствие будет вызывать у вас такую панику, то вы ничего не добьётесь в жизни.

– Прекрасно!

– Что прекрасного сейчас произошло?

– Я получил предельно дельный рецепт, как действовать в любых ситуациях. Гран мерси, Елизавета Борисовна, за науку. Буду долго носить её в своём сердце и непременно воспользуюсь. Перед самым отъездом так обогатился! Прекрасно! А теперь разрешите...

– Перед каким таким отъездом?

– Выходит так, Елизавета Борисовна, что эти знания вам уже ни к чему.

– Пойдите, пойдите, Леонид! Пока я несу за вас ответственность и должна знать.

– Правда? – удивлённо протянул Фирсанов.

– Немедленно говорите! – Но он молчал и нехорошо улыбался. – Не отвечать женщине – это неучтиво, в конце концов! – разозлилась Лиза и слегка повысила голос.

– Ну, поскольку это наша последняя встреча, я воздержусь от просьб в дальнейшем не делать мне замечаний в подобном тоне. Послезавтра я уезжаю туда, где люди воюют за идеалы свободы. Перебираюсь ближе к мысу Доброй Надежды. Правда, придётся давать большой крюк через Одессу, но как известно – сто вёрст не крюк для бешеной собаки.

– Зачем?

– А кто ж их, бешеных, знает? Может, они и двести пробегут.

– Я об Африке.

– Чтобы буры были не столь одиноки в своей борьбе, – криво ухмыльнулся ухажёр.

– Вы что, с ума сошли? – искренне спросила она своего кавалера.

– Видимо. Прощайте. – И Леонид рывком вышел из подъезда.

– Погодите! Леонид, остановитесь! – Ещё не затихло эхо удара входной двери, а Лиза уже выскочила во двор. Но он снова будто растворился в ночи. Улица была пуста. Лиза, постоянно оглядываясь, вернулась во двор и, открывая дверь, с чувством произнесла:

– Боже мой, какая я дура!

Леонид возвращался с набережной Пряжки с ощущением, что случилось непоправимое. Он потратил массу усилий, времени и нервов для исполнения, как оказалось, каприза курсистки?! Что-то хрустнуло внутри и надломилось. В отношении к Елизавете образовалась трещина. Она ещё не была видна, но уже чувствовалась. Иногда возьмёшь в руки чашку, она и целая, и блестит, а проведёшь пальцем – и под подушечкой чувствуешь зазубрину будущего скола.

«Ну почему, почему я не послушался трёх человек, которые мне сказали одно и то же?! Сидел бы завтра преспокойно на лекциях, веселился в перерывах, а вечером разговаривал с отцом в кабинете. И, может быть, стал бы брать у него уроки вокала?» Пение отца произвело на него сильное впечатление.

И что теперь делать? Контракт подписан, подорожные и суточные получены, а то, ради чего он всё сделал, уже не нужно!!! Ни ему, ни кому-либо другому! А обратный ход уже не дашь!!! Сам не посмеешь, да и засмеют так, что в пору будет топиться в ледяной воде. Перестанешь себя уважать. Дурак! Поддался порывам и вот итог: жизнь, не начавшись, пущена под откос. И что самое обидное, своими руками и по собственной глупости. Эти мысли, подобно метеоритам на ночном небе, вспыхивали в воспалённом мозгу влюблённого студента.

«Ну почему я опять стала скандалить? Он же сделал огромный шаг навстречу. Вместо того чтобы рассказать ему, как я ждала этой встречи, опять наговорила глупостей. Вечно кто-то, – девушка суеверно перекрестилась, – тянет меня за язык. Что я натворила?» – подумала

Лиза, накрылась одеялом с головой и горько зарыдала в подушку. Хорошо, что квартирная хозяйка была туга на ухо.

День накануне отъезда Леонид начал с рассветом. Слишком многое надо было успеть. Он прошёлся по Дворцовой набережной перед Зимним дворцом. Задержался у одноимённого моста, полюбовался освещёнными не в полную силу в это время Томоновскими ростральными колоннами. Потом отдал честь основателю города, гордо восседающему на вздыбленном коне. Бросил прощальный взгляд на шпиль Петропавловской крепости, на летящего ангела. Может, и его ангел-хранитель смотрит сейчас на него с небес? Второй ангел проплыл в небе по левое плечо вместе с Александровской колонной. Далее он направился по осевой линии почти безлюдного Невского. Он позволил себе быть в своём городе слегка небрежным напоследок. У львов на Банковском он сбавил шаг. Ситуация, возникшая на этом мосту, теперь казалась до ужаса глупой, но ничего поделать было нельзя. Он, как всегда, поторопился. Толика сдержанности – и не было бы многопудовой глупости.

Возвратившись в родовой особняк рано утром, Леонид отдал подробные указания заспанной прислуге – что, когда и в какой последовательности подавать во время торжественного ужина. Он хотел, чтобы в этот вечер всё происходило именно так, как он того хочет.

Тщательно собрал небольшой саквояж. Впопыхах собирая вещи с утра, можно легко забыть необходимые мелочи. Поскольку вечер Фирсанов твёрдо решил провести в обществе близких и приятных ему людей, чтобы быть свежим и не пропустить ни одного драгоценного мгновения последней встречи, он завалился спать. Он спал без снов, не видел, как заходил отец, посмотрел на спящего, перекрестил и тихо вышел.

Во второй половине дня Леонид появился возле университета перед самым окончанием последней лекции и благополучно перехватил Краснова. Того не пришлось упрашивать и они отправились домой. Александр, как лейденская банка¹⁴, был так заряжен ожиданием, что даже слегка подпрыгивал от нетерпения. Едва они скинули пальто, появился Александр Леонидович. Пока накрывали на стол, мужчины лениво обсуждали городские сплетни и высказывали свои впечатления о последних событиях светской жизни. Политики касались слабо, намеренно избегали произносить вслух или даже намекать на любые события, обсуждение которых могло привести к разговору о запретной на этот вечер Южной Африке. Потом уселись за стол.

Уничтожив значительную часть приготовленного и выпив вина, они перешли в отцовский кабинет, чтобы выкурить сигары. Чуть позже туда подали кофе и коньяк.

– Теперь, когда рядом со мной самые близкие мне люди, – Леонид даже встал, грея в рюмке коньяк, – хочу выпить за то, чтобы мы всегда помнили очарование именно этого момента и высоко ценили его. Я хочу сказать вам обоим, что я сверх меры благодарен вам за ту помощь и поддержку, которую вы мне оказали при осуществлении моей сумасбродной идеи.

– Лёня, – Краснов, ощущая небывалую торжественность момента, тоже поднялся, – надеюсь, нашими помыслами выслана нормальная дорога, а не та, которая ведёт сам знаешь куда. Сколько бы не прошло лет, я всегда буду помнить этот вечер. Его тепло, его свет, но более всего я буду помнить ощущение чуда, витающее для меня в этом воздухе.

– Сын! – Теперь поднялся и Александр Леонидович. – Помни, что этот дом – место, куда ты обязан вернуться целым и невредимым. И пусть твой ангел-хранитель всегда будет с тобой.

Мужчины сдвинули рюмки и выпили.

– А теперь, Лёня, покажи нам несколько фокусов, а то мы их долго не увидим.

---

¹⁴ Лейденская банка – первый электрический конденсатор, изобретённый голландцем Питером ван Мушенбруком и его учеником Кюнеусом в 1745 году в Лейдене.

– Саша, я виновник этой встречи. Прости, но я её уже распланировал. Фокусы будут, обязательно будут, но позже. А сейчас я хочу пережить снова восхищение, которое я недавно здесь пережил. Думаю, ты тоже будешь в восторге. Отец, ты не откажешь?

– Как можно.

С понятным волнением и трепетом старший Фирсанов сел за рояль и запел. В этот раз под сводами кабинета зазвучала «Santa Lucia». И снова, но уже втроём, мужчины перенесли на берег неаполитанского залива. Двое зрителей явственно слышали плеск волн, сварливые крики чаек и шёпот ветра в рыбацких сетях. Им светило солнце и бил острый запах йода. Почти потухший костёр ещё дымил, ещё чувствовался на губах привкус свежеприготовленной рыбы. Это было настоящее волшебство и магия: не покидая кабинета, они оказались в Италии.

Краснов был обескуражен. Он только пучил глубоко посаженные глаза и широко, как рыба, раскрывал рот.

– Божественно, – еле слышно прошептал он, едва затихли звуки.

Александр Леонидович с артистической грацией поклонился. Лёня расплылся в улыбке и подмигнул отцу: «Что я тебе говорил!» Затем он сделал едва заметный кивок головой и Фирсанов-старший запел «Funiculì, Funiculà»¹⁵, следом «O sole mio»¹⁶, а в конце этого импровизированного концерта прозвучала особо любимшееся Леониду «Come prima». Краснов был в состоянии шока. Он ожидал всего что угодно от этого вечера, но только не посещения итальянской оперы. Его кумир открылся для него с совершенно незнакомой стороны.

После очередного глотка из коньячной рюмки, Лёня на несколько минут исчез. Пока его не было, Краснов пел соловьём и расточал комплименты Александру Леонидовичу. Тот благосклонно их принимал.

– А теперь фокусы, – весело выкрикнул Леонид. Он принёс какую-то странную одежду с длинными рукавами, большой амбарный замок и длинную цепь.

– Помоги, – попросил он Сашу.

– Что надо делать? – с недоверием спросил товарищ.

– Сначала помоги надеть смирительную рубашку, потом обмотай меня несколько раз цепью, а последние звенья застегни на замок.

– Зачем?

– Ну, ты же просил фокусы. Вот тебе и пожалуйста!

– Так я думал шарики, карты и прочие.

– Это вчерашний день. Сам же подсунил книжку Гудини, а теперь на попятную?

– Вообще-то я за любое веселье, кроме поножовщины. Я всё сделаю, но ты уверен?

– Конечно!

Саша без особого энтузиазма помог облачиться и завязал рубашку на спине. Потом долго гремел звеньями цепи и чертыхался, застёгивая замок.

– Только смотри, чтобы замок был обязательно на спине, – потребовал Лёня у удивлённого сокурсника.

– Еле стянул звенья. Замок аккурат между лопаток!

– Теперь положи меня на пол.

– Ну это уж слишком!

– Положи!

Это было сказано так, что Краснов беззвучно выполнил эту просьбу. Сначала Фирсанов-младший пару раз прокатился туда-суда по полу, сел и резким движением встал на ноги. Потом Саше показалось, что по телу его друга пошла мелкая волна, замок необъяснимым способом открылся сам по себе и цепь, которую он с таким трудом застегнул на спине, упала к

---

¹⁵ На фуникулёре.

¹⁶ О, моё солнце.

ногам Леонида. Теперь волной ходили руки, где-то через минуту узел, связывающий рукава смирительной рубашки, разошёлся, а уже через пятнадцать секунд Леонид держал и саму рубашку. На его лице была лучезарная улыбка, по лбу катился пот.

– Ты чем-то недоволен? – смахнув со лба бисеринки влаги, спросил Лёня изумлённого приятеля.

– Но с шариками и картами как-то занимательней. Весело и не так страшно.

– Так ведь это ловкость рук. Сам подарил.

– Сколько лет ты мне это будешь припоминать?

– Но раз древние фокусы тебе понравились больше, то – пожалуйста!

Где-то около получаса шарика взмывали к потолку комнаты, исчезали и появлялись в самых необычных местах, скользили по тыльной стороне ладони. Карты тоже творили чудеса, то меняя масти и достоинство, то появляясь в самых неожиданных местах костюма, молчаливо и бесстыдно вылезали на всеобщее обозрение. Старший Фирсанов лишь слегка посмеивался в усы.

Потом Леонид заставил Александра, несмотря на его смущение, прочесть несколько собственных стихотворений. Леониду врезались строчки:

– Леса смрадный пожар
Принимал за цветы.
Я надеждой пленён
Долететь до мечты.
Выбиваясь из сил,
Конь, зрачками искря,
Карусель выводил
До победного дня!¹⁷

К глубочайшему удовлетворению Саши, отец и сын Фирсановы высоко оценили его поэтический дар. И заряжаясь от слушателей, Краснов, с горящими глазами и покрасневшим лицом, снова эффектно читал свои стихи. Песни петь он не рискнул. Не помогли никакие уговоры и даже появившаяся откуда-то гитара. Одним словом, прощальный ужин удался.

Стоя в дверях, Краснов долго жал руку Александру Леонидовичу и рассыпался в восторгах его голосу и пению. Старший Фирсанов не часто выслушивал дифирамбы по этому поводу, а посему с благожелательной улыбкой кивал в такт словам Александра. Для Саши Краснова Леонид, видимо, оказался в родственном кругу, поэтому последовал принятый в его семье ритуал крепких мужских объятий.

– Откуда завтра пароход? – спросил Саша, когда весь «сок» из Леонида уже был выжат.

– Ниоткуда.

– Ты что, передумал ехать?! – ужаснулся Краснов.

– Нисколько. Только отсюда я не поплыву.

– Это ещё почему?

– Если прямо из Портсмута до Кейптауна, то Сила Яковлевич опасается, что с англичан станется, как он говорит, «чинить каверзы». Так во избежание оных я завтра с Витебского отправлюсь в Одессу. Далее через Стамбул и Александрию в Лоренцу-Маркиш, а далее поездом в Трансвааль. – Кто бы мог подумать, что оброненное капитаном название порта станет теперь для Фирсанова предпоследней, но важной точкой назначения. – А дальше железной дорогой до Оранжевой республики, а там на лошадях до места назначения.

---

¹⁷ Отрывок из стихотворения «Разговор с судьбой» А. Краснова.

После ухода Краснова отец и сын долго сидели в кабинете, допивали коньяк и говорили о всяких разностях, но серьёзных тем не поднимали. Это был вечер небывалого единения отца и сына. Они усилием воли заставляли себя не заглядывать в будущее. Ни далёкое, ни самое ближайшее. Не сговариваясь, они приняли постулат – нет ничего, кроме сейчас. Если бы они могли заглянуть в будущее, то... Но такой возможности у них не было. И слава богу!

На вокзале, стоя возле вагона, оба Фирсанова себе и окружающим демонстрировали, что ничего особенного не происходит. Правильный сын уезжает погостить на некоторое время к бабушке в Одессу – и ничего более. А уважаемый отец провожает. Каждый выщедил из памяти полный арсенал известных ему шуток, связанных с дорогой, проводниками и забывчивыми путешественниками. На самом деле Леонид первый раз в жизни предпринимал столь длительное путешествие. За границей они бывали, но впервые младший ехал один. И не на курорт. Отца бил озноб, то ли нервный, то ли от гулявшего по перрону пронизывающего ветра. Он старательно кутался в пальто. А ветер вдруг расшалился не на шутку, он не только обжигал кожу, но и выдавливал нежданные, но соответствующие моменту слёзы. Из-за чего вся перспектива перрона и вокзала в глазах Фирсанова дрожала и гнулась.

Норд-ост норовил залезть в любую щель, дырочку и складку. Отец одной рукой удерживал котелок, а второй пытался свести борта демисезонного пальто. За то, что не находилось щелей и дырочек для залезания «под кожу» или не удавалось что-нибудь с кого-нибудь сорвать, ветер мстил всеобщей красноносостью, носотвислостью и носоопухлостью. И не удовлетворившись неприятностями, доставляемыми людям, он поднимался ввысь, гнал по небу и яростно трепал, как злобный пёс, мелкие облака.

Глядя на Фирсанова-старшего, сердце Фирсанова-младшего дрогнуло, и он решил отправлять совсем окоченевшего родителя домой и устраиваться в вагоне. Будто дожидаясь этой мысли, на перроне появился бегущий Краснов. Он увидел своих друзей, вскинул руку.

– Я успел! Не опоздал! – радовался Саша. А ветер, обнаружив новую жертву, накинулся на него с удвоенной силой.

Пожав руку старшему, Краснов протянул младшему шикарный ежедневник в кожаной переплётке с небольшими ремнями и ажурными застёжками.

– Это тебе! Из-за него и задержался. Для заметок и мыслей. Он даже с золотым обрезом! – немного смутился своей романтичностью и сентиментальностью Краснов.

– Вчерашнее освобождение навяло? – спросил Леонид, подёргав за фальшремни.

– Ага! – кивнул, шмыгнув красным носом, Александр.

– Так ты сам запустил исполнение нашего общего плана! Я – в Африку, так что ты теперь обязан в короткий срок жениться.

– А это как получится. Сам знаешь: поспешишь – людей насмешишь. А тут никакого веселья. Все должно быть надолго, если не навечно, – резюмировал Краснов.

– Но всё равно, помни – план начал действовать. Два пункта уже исполнены.

– Долгие проводы – лишние слёзы, – сказал Александр Леонидович. По его лицу текли слезы. От ветра ли или от предстоящей разлуки? Но, по крайней мере, их можно было не скрывать, опасаясь уронить свою репутацию. Он обнял сына. – Помни мои наставления. Для победы иногда нужно сделать шаг в сторону, чтобы потом начать поступательное движение вперёд. Бывай и береги себя.

– Саша, ты иногда навещай отца...

– Мог бы и не говорить, ради того, чтобы услышать его голос, я готов на всё!

– Полно, Александр Савельевич, я же не сирена гомеровская, – несколько подобрелся Фирсанов-старший.

– Что вы! Что вы! Вы много лучше!

– Ну, вот и договорились.

– Ой! Простите, ради бога, не хотел вас обидеть, Александр Леонидович! – принялся извиняться за невольно возникшую двусмысленность Краснов.

– Вот, я вас обоих и пристроил! – слушая эту неожиданную перепалку, обрадовался Лёня.

Обрядовые обнимания прошли без жертв с обеих сторон. И два самых близких ему человека, поддерживая друг друга, пошли прочь. Один раз они всё же не выдержали и синхронно повернулись, помахали и затерялись в толпе. Леонид, сколько мог, провожал из взглядом. Когда он ещё их увидит и увидит ли вообще? От подобных драматичных мыслей не удавалось избавиться все последние дни.

Едва толпа провожающих поглотила их спины, у Лени так защемило сердце, что он был готов послать эту Южную Африку куда подальше и черт с ним, со стыдом и потерянной репутацией! Он не хотел никуда ехать! Что его ждёт там, где смерть вплотную подходит к людским душам? Где играющий блик на стальной косе безносой старухи так же легко увидеть, как и чихнуть от поднятой пыли. А тут всё налажено: дом, учёба, уже видны горизонты будущей карьеры. Неосторожно брошенное женское слово, как это часто бывает, поменяло ход истории. На любом уровне. Хотя валить на женщину – последнее дело. Голова ведь не только для кепи и волос нужна.

Потребовалось большое усилие воли, чтобы остаться возле вагона, не заскочить в купе, схватить баул и с ошалевшими глазами броситься вслед за отцом и другом. Чтобы не провоцировать себя, Лёня решил уйти в вагон. Но едва он поставил ногу на первую ступеньку, как услышал:

– Леонид! Лёня! Подождите! – Этот женский крик разрезал воздух, как молния. Он резко повернулся. К нему бежала Елизавета.

– Слава богу, успела! Насилу вас нашла.

Леонид молча смотрел на неё. Он понимал, что её нужно приободрить, но после последних двух встреч слова застряли у него в горле. Он не был ни в чём уверен: ни в своих чувствах, ни в их отношениях, ни в правоте своего поступка. Наконец он кивнул головой и выдал из себя:

– Здравствуйте, Елизавета. И, – он слегка усмехнулся, – сразу приходится прощаться! Вот такие временные парадоксы получаются. Иногда.

– Неправильно говорите, Леонид. Не прощайте, а до свидания! Я буду ждать... ваших писем. Очень буду. Вы же будете писать их интересными?... – не приказала, а мягко попросила Меньшикова.

– Это уж как получится. Я же не литератор какой-то.

– А я в вас верю! А не ехать вы не можете?

– Теперь уже нет. У меня подписан годовой контракт с «Невским экспрессом».

– Годовой? – потухла Лиза.

– Да.

– А раньше вернуться нельзя будет? – Последний лучик надежды безвозвратно угасал.

– Вряд ли. Только если...

Лиза, поняв, что он сейчас произнесёт, закрыла ему пальцами рот. Как тогда в пролётке. И перечёркивая все предыдущие мысли, размышления и выводы Фирсанова, Лиза приподнялась на носках, вскинула руки, обняв его за шею, на виду у всех, поцеловала. Вспышка молнии или яркого солнца. У Лени перед глазами ещё плавали фиолетовые круги, а она медленно опустилась. Руки безвольно повисли вдоль тела, не зная, что им делать: то ли продолжать обнимать, то ли начать рвать волосы. Меньшикова и Фирсанов так и застыли друг перед другом. Не найдя ни слов, ни жестов, подходящих для такого непривычного для них момента.

– Идите, а то простынете. Вон какой ветер нынче, – наконец жалобно попросил Леонид, не отрывая взгляда от Лизиного лица. Рука, которой он сжимал вагонный поручень, побелела. Она покачала головой и подтолкнула Леонида под локоть. Кажется, отрезая от себя и от него

целую эпоху. Он прекрасно понимал, что, останься в эту минуту с ней, он мгновенно её потеряет, но уже навсегда. Сейчас он мимолётный герой, а через мгновение может стать для неё вечным трусом.

Едва оказавшись в купе, он кинулся к окну. Елизавета стояла у дальней кромки перрона и искала его взглядом. В этот момент поезд тронулся. Новоиспечённый корреспондент «Невского экспресса» неуверенно, до конца ещё не веря в произошедшее, помахал ей. Она сделала то же самое и пошла за поездом, но быстро отстала.

Поезд потихоньку, в полный голос запел свою известную песню на стыках. За окнами проносились знакомые и незнакомые пейзажи, случайные дома, товарные вагоны на запасных путях. В жизни точно так же: ещё какое-то время тащатся за спиной остатки и обломки старого, а затем начинают набегать элементы новых пейзажей. Они уже лучше тем, что, по крайней мере, новые и неизвестные. Серое небо от горизонта до горизонта расплющило Санкт-Петербург. Как-то неохотно и не радушно прощался город со своим сыном. И вдруг серое однообразие в одно мгновение перечеркнул солнечный блик, летящий от Петропавловской крепости.

Октябрь 1899 год. Одесса

«De tout mon cœ ur, chè re Élisabeth!»¹⁸ Простите мне упоминание своего сердца вблизи от вашего имени. Прошло всего три дня, как милый моему сердцу ангел на шпигеле Петропавловской крепости послал мне прощальный солнечный блик из Петербургской небесной бледной дали. Естественно, я воспринял это как добрый знак и благословение на весь заморский путь. Но уже в душе образовалась настоящая ностальгия по всему тому, что у меня было, теперь уже прошлой жизни. Душевная буря последних дней постепенно, но сошла на нет.

Недаром китайцы говорят: путь в десять тысяч ли¹⁹ начинается с первого шага. И он мною сделан, дорогая Лизавета! Оставив за спиной вестибюль Николаевского вокзала, на площади трёх вокзалов в Белокаменной, я уже пребывал в спокойном и деловом настроении. Отчего оглядывал окрестности весело, бодро и, я бы даже сказал, молодцевато.

До Брянского вокзала, как ни зазывали меня лихачи, я всё же решил пройтись пешком. Решил и время убить, и город увидеть. Москва с её кольцами и радиальными проспектами напомнила мне огромную замысловатую паутину, в которой жизнь, дёрнувшись несколько раз как муха, потихоньку затихла, покрылась пылью и плесенью, превращаясь в существование. В этом городе, как мне показалось, оно ограничено прочными, не сдвигаемыми рамками. Цитадель купеческой мысли. Шаг вправо или влево воспринимается, наверно, как настоящее преступление. Но ведь кто-то же переступает эти рамки, раздвигая или игнорируя их? Находятся же смельчаки! Но кто они? И ещё, мне показалось, что внутри самого города, где-то глубоко под землёй, свёрнута огромная круглая часовая пружина, таящая в себе гигантскую силу. А может, это всё от того, что не видно родной прямолинейной перспективы? Кажется, что за первым же поворотом улицы, бульвара или переулочка должен обязательно стоять какой-нибудь бородатый мужик в зипуне с кистенём. Для разнообразия он может напевать что-нибудь незатейливое и весёлое. Ну, например, „Во саду ли, в огороде“, и так небрежно поигрывать своим промысловым инструментом. Высокие дома тут редкость. Одно-, двух-,

¹⁸ От всего сердца, дорогая Элизабет (фр.).

¹⁹ Ли – китайская мера длины. Во времена династии Мин равнялась 574,2 м.

максимум трёхэтажные. Блэклой, преимущественно жёлто-белой, лентой тянутся вдоль улиц. А люди куда-то сосредоточенно стремятся, как муравьи в муравейник или пчелы в улей. „Но сладок ли тот мёд?“ – подумал я.

Мой поезд в Одессу уходил только вечером следующего дня, и остаток времени я провёл в небольшой жёлто-пыльной гостинице. Решил быть рачительным и сэкономить на будущее. Шкап, стол, стул и кровать с панцирной сеткой, изголовьем к окну. Рукомойник. Из радостей – какой-то пруд с лебедями за окном, в трёх шагах от входа.

Узнал, что до Красной площади пару шагов, и непременно решил их сделать. Как же я был удивлён тому, что русское, глубоко спрятанное за образованием и манерами, полыхнуло во мне. Трамвай и палатки, конечно, смутили, но собор Василия Блаженного потряс. Такой игрушечный, радость от победы так и брызжет от него. Теперь понял, что такие памятники в честь ратных подвигов больше рассказывают о настроении народа, чем чугунная статуя. Хотя могу и ошибаться. Понравилось также, что сквозь игрушечность, даже если не сказать дурашливость, Кремля проступили черты грозной рыцарской крепости. За шутками и прибаутками явно чувствовались сила и мощь. Это сквозь весёлую мелодию в некоторых песнях проступают грустные слова. Так обычно сильный дядька играет с детьми.

Остаток вечера потратил на то, что придумывал себе звучный псевдоним, под которым я буду писать. Студенческий Шарль Куртуа, ввиду изначальной легкомысленности и ироничности, был без сожаления отвергнут. Перебрав с сотню вариантов, решил остановиться на сочетании, придуманном отцом для моих детских выступлений – Лео Фирс. Мне показалось: коротко, легко запоминается и со вкусом. Как вам? А может, не скрывается? В таком деле уместна ли скрытность? Чего я боюсь? Быть освистанным читателями? А если, наоборот, придёт слава? Тогда кто такой Лео Фирс? Почему в „коротких штанишках“? И как доказать, что я и он одно и то же лицо? С одной стороны, хочу славы, а с другой – боюсь позора. Как тут не вспомнить Чингисхана: „Делаешь – не бойся, боишься – не делай“. Оставим это на потом потомкам, до первых заметок минимум ещё месяц, если не больше, пути.

Серым дождливым вечером я оказался на вокзале. Возле неприметной одноэтажной постройки стоял длинный поезд аж в семь вагонов! Я-то понятно, а остальные куда едут?! Нет чтобы сидеть дома, пить чай и смотреть в окошко, народонаселение империи куда-то хаотично и постоянно перемещается. Без определённой цели, без чёткого плана. Вот уж воистину: „Без царя в голове!“

Паровоз и последние вагоны торчали из-за здания, как шампур из туши телёнка. Маленького и худосочного. Поскольку я теперь лицо официальное, то имел при себе билет в вагон первого класса! Корреспондент солидной газеты! И стыд не жёг мне щеки, а даже наоборот, я раздувался от гордости. Была реальная угроза, что не пройду в двери купе. Втянул воздух, поджал живот и... прошёл! До самого отхода, крика кондуктора и паровозного свистка, я всё ждал и крутил головой, ожидая попутчика, который разделит со мной дорогу к морю. Но я оказался один. Одиночество моё продолжалось всю дорогу. Так что излить свою гордость было не на кого. И предался я чтению „Всадника без головы“ Майн Рида. Отчасти, это обо мне (что касалось головы), а отчасти, связано с тем, что о событиях на берегах Оранжевой реки и Трансваале,

пока, увы, никем ничего не написано (надеюсь, ликвидировать этот пробел в литературе в ближайшее время). Предвижу ваше возмущение, круглые глаза и возглас: „Задавака!“ Но поскольку я далеко и один, то могу себе такое позволить.

Проснулся и увидел в окно, как резко переменилась природа: небо стало насыщенного синего цвета, его художники именуют „синий кобальт“. Свечи пирамидальных тополей с зелено-седоватой листвой и акации, с кроной, похожей на облако дыма или утреннего тумана, растащенного по слоям ленивым ветром.

Из дороги запомнилась станция с потрясающим по звучности названием „Вапнярка“. Что-то жизнерадостно-сельскохозяйственное кроется в её названии. Представляются выплывающие из тумана над лугами тучные стада коров, дебелие доярки с коромыслами на перинных плечах, несущие вёдра молока утренней дойки. То, что французы называют пасторалью, или „*vue rural*“.

Одесса доставила массу удовольствия. Один из первых же прохожих возле вокзала на вопрос, как найти гостиницу „Астория“, без промедления сказал: „Выйдете за здесь, повернёте за там“. Потом я услышал подробную историю, нет, это всё-таки была сага, о его семье и ненавистной тётке Эсфирь Соломоновне. К концу рассказа я, естественно, забыл, куда собирался и зачем вообще приехал в этот город.

Сама Одесса напомнила жгучий, только что снятый с плиты, кипящий борщ. С изнывающими в стороне, от собственной пышности, пампушками. Столько там всего намешано и по цвету, и по темпераменту. Но всё на удивление прекрасно. Все дышит, бурлит и танцует.

Восхитил Французский бульвар, памятник Пушкину, бесстыдные платаны на Дерибасовской, курорт Аркадия и Чёрное, но все же зеленоватосинее, море. С набережной даже видно, как оно изгибается на горизонте. Солнце яркое, тёплое, ласкающее. Будто специально подвешенное сюда для того, чтобы играть в бокале красного вина, который я не преминул с удовольствием употребить. Посидел, пожевал губами и взял второй. И облака белые, будто игрушечные. Разбросаны по небосводу мелкими, крепкими кучками. Такое ощущение, что на необыкновенном синем лугу зацвели перевёрнутые одуванчики. В Питере такого даже летом не бывает. А памятник Дюку де Ришелье удивил размерами. Говорят, что это он в полный рост! Так он что, был не выше Наполеона? Или у меня столичная тяга к гигантизму?

Внизу шумел морской порт. Там я узнал, что моё судно прибывает завтра утром. Места телеграфом из Санкт-Петербурга мне забронированы, так что приключение начнётся с рассветом! (В театрах в таких случаях дают звуки грома или тревожный пассаж на бейном басы или тубе.) Волнуюсь больше, чем перед свиданием с вами, Лиза. Хотя ничего более головокружительного в моей жизни не было. Отправить следующее письмо удастся только в конечном пункте путешествия – Лоренцу-Маркише.

P.S. И если вы уделите десять минут вашего времени, то там меня будет ждать ваше письмо. Эдакий приятный сюрприз для измученного морской болезнью (хотя это не доказано) человека. С уважением и другими чувствами Леонид Фирсанов. Одесса. 22 октября 1899 года».

Октябрь-ноябрь 1899 года. Одесса – Лоренцу-Маркиш

Пограничная процедура для Леонида, как пассажира первого класса, прошла удивительно быстро. Ровно столько, сколько потребовалось улыбающемуся чиновнику сделать какие-то пометки в документах. Таможенник беглым взглядом окинул открытый саквояж и величественным кивком пропустил его дальше. Леонид по инерции торопливо выскочил из небольшого причального павильона, так до конца не поняв, что он уже за границей.

Чёрный корпус корабля с белой надписью «Kanzler» нависал над самым причалом и подавлял всё вокруг. Таких больших судов Фирсанов прежде никогда не видел. Он был огромен, и Лёне показалось, что он выше Исаакиевского собора, что само по себе для любого петербуржца было несусветной чушью. Пузатое тело корабля венчали прямолинейные белые надпалубные надстройки, а по корпусу везде, где хватало глаз, были рассыпаны иллюминаторы. «Мастерская Вулкана», – окрестил про себя это гигантское произведение индустриализма Леонид. Трап пружинисто качался под ногами и, кажется, гудел от накопленной за многие плаванья энергии. Так ему это виделось. Или впечатлительному юноше всё показалось?

Каюта первого класса была уютна и блестела какой-то особой, сверхъестественной чистотой. Стены были отделаны панелями в белых рамах, обтянутых шёлком. На двери, ткань, естественно, пожелтели, но и этого было достаточно для того, чтобы избавиться от впечатления, что тебя запечатали в стальной коробке, как муху в янтаре. Кровать с белыми спинками была слегка приподнята над полом, а за занавесочкой в нижней части можно было спрятать не то чтобы необходимый багаж, а маленького слонёнка вместе с погонщиком. Небольшой круглый стол с лампой под зелёным абажуром, шкаф и несколько мягких стульев. Правда, кровать и стол были прикручены к полу. Но для чего это, Леонид быстро сообразил. За лёгкой занавесочкой скрывался иллюминатор, но не маленький круглый, а большой четырёхугольный со скруглёнными краями. Его стеклянная створка была забрана в крупную свинцовую плетёную сетку, чтобы не разбиться при ударе волны или порыве ветра. Фирсанов тут же откинул её и высунулся по пояс. Увидел фрагмент палубы и лестницу на нижние горизонты. Но больше всего молодого человека восхитили набрасывающиеся латунные барашки для герметичного закрытия. Во время непогоды или шторма будет сухо. Оглянувшись и удостоверившись, что его никто не видит, он подпрыгнул и издал воинствующий клич. Началось!

Потом степенно вышел на палубу и стал дожидаться отправления. На берегу не могло быть Елизаветы, но глаза, вопреки здравому смыслу, разыскивали её в толпе. Неожиданно пароход мелко задрожал, низко хрипло дважды рыкнул, щель между бортом и причалом, в которой закипела морская вода, стала увеличиваться. «Прощай, Родина! Прощай, дом. Прощайте, друзья-товарищи. Прощай, империя моя!» – пронеслось в голове Леонида. Чайки противными гортанными криками предрекали что-то нехорошее и истерично кружили над головой. Запах морской соли и йода свербел в носу, а ветер стал таскать за вихры, будто наказывая его за то, что покинул Отечество. Но что сделано, то сделано. Назад дороги нет, к старому возврат невозможен. И как бы подтверждая эту мысль, на «Канцлере» басовито и длинно заревела сирена, да так, что у Леонида ёкнуло сердце.

Порт исчез, город ушёл к горизонту, и Леонид замёрз. Его стала бить крупная дрожь, но он жадно всматривался в ещё русские берега. Потом стюард пригласил его на завтрак, и Фирсанов сдался.

В Стамбул вошли на рассвете и истошный крик муэдзина, призывавший правоверных на утреннюю молитву, разбудил Фирсанова.

Стоянка, по морским меркам, была короткой – всего шесть часов. Так что Леонид решил побродить по городу иной цивилизации. Город белой чашей поднимался от кромки воды к холмам. Огромное количество мелких рыбацких фелюг с косым парусом, не обращая внима-

ния на огромный корабль, шныряло перед его носом. Такая же суэта творилась на дальней кромке бухты.

Первым, что бросилось – нет, не в глаза, а в уши, – так это гортанность местного населения. Встретившись, видимо, давние знакомые, начинали беседу ещё метров за сто до того, как сблизилась, при этом им был плевать на всю эту разномастную и гомонящую толпу. Они вносили свою музыкальную лепту в эту бурлящую массу. И так поступал каждый.

То там, то здесь мелькали привычные красные фески, которых он насмотрелся на греках ещё в Одессе. Но в отличие от «жемчужины у моря», здешняя публика предпочитала кардинальные цветовые сочетания. Красная феска, голубой укороченный камзолчик и короткие брюки, ярко-синий кушак, оранжевые гетры и малиновые расшитые чувяки. Было много людей в халатах и чалмах на голове. Женщин было крайне мало, и все они были в чёрном или в чём-то совсем неброском с головы до пят. Только иногда из прорези сверкали когда любопытные, когда настороженные глаза.

Город, зажатый холмами со всех сторон, имел странную для Леонида прямолинейно-рубленую структуру. Прямая улица могла ни с того ни с сего скакнуть в сторону и, сделав несколько крутых поворотов, продолжится в прежнем направлении. Купольные мечети с остроконечными минаретами, пронзающими небо и царапающими облака, были едва ли не на каждом шагу. Ему хотелось заглянуть внутрь, но он не рискнул незнанием ненароком оскорбить чувства верующих. Его изумила бесконечная череда обуви, выставленной перед входом. «У нас обязательно кто-нибудь да попятит, хотя бы пару», – подумал с улыбкой Леонид.

Незнание языка, опасность заблудиться, но самое главное – боязнь опоздать на корабль, серьёзно сдерживали Фирсанова от вольной прогулки и созерцания красот этого города. Но вопреки сдержанной осторожности, он всё же разрешил себе прогуляться неподалёку от порта. Что едва не привело к срыву миссии целиком! Во время мимолётной экскурсии будущий журналист хотел отыскать в клубке восточных улиц останки колыбели православия – Константинополя! Может, не туда смотрел или не под тем углом, но бывшая столица Византийской империи так ему и не открылась.

Где-то он перепутал поворот и возвращался другим путём. На одной из улочек он натолкнулся на толпу, которая пристально за чем-то наблюдала и изредка одновременно испуганно-восторженно выдыхала. Протиснувшись ближе, он увидел небольшой коврик, на котором лежал свёрток. Приглядевшись, Леонид с изумлением разглядел смуглое человеческое тело. Казалось, что за минуту до появления Фирсанова его небрежно скатал некий пекарь и завернул в тряпки. И вдруг «свёрток» медленно-медленно, только за счёт мускульного усилия, стал разворачиваться и вставать, как росток некоего экзотического растения. Тот, кто был свёрнут, как портняжный сантиметр, за считанные мгновения превратился в молодого мужчину. А «тряпки» – в чалму и расшитую «золотом» набедренную повязку. Индус, или тот, кто выдавал себя за индуса, обвёл зрителей глазами пьяной вишни и поблагодарил ослепительной улыбкой. Фирсанов застыл, как зачарованный, стал внимательно следить не за тем, «что» делается, а за тем «как» это делается. Он впервые видел уличного циркача за пределами России. Вдруг удастся рассмотреть и перенять какой-нибудь секрет и для себя.

Перевитая, будто сплетённая из канатов, рельефная мускулатура проступала при каждом движении тела. Даже седина в бороде не выдавала его реального возраста. Двадцать? Сорок? Шестьдесят? Факир подбросил вверх верёвку, но когда произошла подмена, Леонид не уследил. Верёвка застыла в воздухе, и циркач с ловкостью обезьяны взобрался наверх. После воздушных пассивных пассов руками индус выпустил длинный язык пламени, чем вызвал очередной вздох восторга. Не мог же он держать горячую смесь всё это время во рту! Спустившись, бродячий артист одним движением заставил верёвочный шест лечь кольцами у его ног. Фирсанов даже зачесался от восторга. Вот это на самом деле достойный трюк. Но как им овладеть?

А тем временем циркач изящным движением извлёк что-то из тканой сумки, лежащей у самых ног. В следующее мгновение в воздухе засияли булавы для жонглирования с цветными гранями на утолщениях. Под восторженное аханье они то взлетали в небо, то замирали на кончике подбородка, то вставляли столбиками на плечах или предплечьях артиста. Вдруг – падали к земле, где циркач возвращал их назад ногой в тапке с острым загнутым носом.

В конце выступления бородач решился на трюк, скорее всего опробовал который не на одном представлении. Он пошёл кругом по ближайшим зрителям, предлагая им самим покидать булавы, показывая, что это крайне просто. Смелчаки брали булавы, крутили их в руках, щелкали по ним ногтём да восторженно цокали, возвращая хозяину.

Выделив Леонида из толпы, циркач приглашающе протянул ему свой реквизит. И тут Фирсанова ткнул бес в ребро. Не очень большой такой, но рыжий и мастак на всевозможные подначки. Взяв яркие игрушки, он взвесил их в руке, определяя центр масс. Притворно почмокал губами, постучал ногтём и вдруг запустил верх. Это было так неожиданно, что кто-то даже шархнулся в сторону.

Сделав несколько пробных бросков, привыкая к чужому инвентарю, Фирсанов увеличил скорость жонглирования, а потом перевёл гирлянду за спину. И тут восторженный вздох зевак достался ему. Он увидел встревоженный взгляд индуса: тот никак не ожидал встретить конкурента. Из «цеховой этики», продолжая жонглировать, Леонид стал возвращать инструмент хозяину. Тот оказался приличным импровизатором. С широкой улыбкой и показным удивлением принял вызов. Но не забрал булавы, а, по особому закручивая, стал отсылать возмутителю спокойствия. Теперь они вели номер на двоих. Коварство индуса раскрылось чуть позже. Решив посрамить выскочку, бородач, продолжая работать, вытащил босой ногой из холщового мешка несколько шаров и запустил из в работу. Чтобы успеть среагировать, Лёня стал отходить, разрывая расстояние между ними, а в заключение, поймав все предметы, сделал сальто назад.

Толпа взвыла от восторга: «А наш-то, наш!» На коврик бородача полетели монетки. «Артисты» кланялись зрителям, жестами указывая, что истинный автор успеха – напарник! Пока индус собирал деньги, Леонид выскочил из кольца зрителей и торопливо направился в порт.

Из-за своего «инострального турне» на борт он явился впритык. За ним вскоре подняли трап и вышли в открытое море.

Александрия удивила Фирсанова ещё большим шумом и гамом. Зато погода была комфортней, без зноя и влажности Стамбула. Но пройтись по городу, который старше Каира на полторы тысячи лет, Фирсанов не решился. Но в этот раз, памятуя о своей предыдущей ошибке, Лёня покрутился в окрестностях порта, не выпуская его из прямой видимости. Он дошёл до белоснежной крепости Кайт-Бей, построенной на развалинах Александрийского маяка. Глядя на эту почти сахарную крепость, Леонид никак не мог принять, что это настоящее военное сооружение, предохраняющее от врагов, а не торт, изготовленный затейливым кондитером. Постоял, посмотрел, полюбовался. А потом засел в таверне неподалёку от порта, где пил кофе и читал газеты. Пока он привыкал к морю, кораблю, качке и другим городам, то пропустил многие мировые новости. Особенно из той части света, в которую плыл.

В зависимости от того, чью прессу читал Фирсанов, кардинально менялся взгляд на людей, оценку события и происходящее.

Англо-саксы по обе стороны океана, несмотря на то что были связаны в прошлом непростыми колониальными отношениями, держались вместе и пели в одну дуду. О бурах они отзывались весьма высокомерно и презрительно. Артур Конан Дойл считал, что территория Трансвааля и Оранжевой принадлежит англичанам по праву, не вдаваясь в особые тонкости. Наше и всё тут! Марку Твену буры показались очень набожными, но глубоко невежественными.

Тупыми, упрямыми, нетерпимыми ко всему чужому, нечистоплотными и безразличными ко всему, что творится в мире вокруг. Их кругозор и горизонт строго ограничивался собственной делянкой. Но в то же время они гостеприимны и честны по отношению к белым. Американец, скорей всего, открещиваясь от рабского прошлого своей страны, играя, наверное, в великого демократа, отмечал крайне жестокое отношение к своим чёрным слугам.

Голландские газеты, естественно, делали из скромных землепашцев и скотоводов почти лубочных ангелочков и настоящих страдальцев. Французы избегали излишнего нагнетания красок и особо эмоциональных пассажей. Русские же относились к бурам скорей благосклонно и чаще были на их стороне. Тем более что то же самое делал сам император! Например, помощник российского военного атташе в Трансваале капитан фон Зигерн-Корн был весьма позитивно настроен к бурам. Он писал, что они никогда не были убеждёнными, так сказать, законченными рабовладельцами. На следующий же год после основания республики, на одном из митингов была единогласно принята прокламация, в которой решили навсегда отказаться от порабощения негров и торговли невольниками. С другой стороны, пока чёрный слуга служил с покорностью и преданностью, то хозяин-бур относился к нему спокойно и даже добродушно. Но почуяв в чернокожем малейший намёк на недовольство, малейшую искру возмущения, бур превращался в неумолимого палача и подвергал непокорного жестокому наказанию, не смущаясь никакими последствиями.

Конфликт изначально был надуманным и главным в нём было желание насильственно присоединить к территориям Британской Короны золоторудные и алмазосодержащие земли Трансваала и Оранжевой республики.

Однажды, обычным днём 1866 года, на берегу Оранжевой реки неподалёку от крошечного городка Кимберли местный несмышлёный мальчонка у себя под ногами случайно нашёл маленький желтовато-прозрачный камушек. Пни он его посылней, он, в лучшем случае, сверкнул бы несколько раз на солнце и навсегда бы исчез из истории. В худшем – просто скатился бы вниз по склону и занял бы своё место среди самых обыкновенных булыжников. И всё осталось бы на своих местах, даже Леонид Фирсанов. Но мальчик почему-то увлёкся камушком, наблюдая через него небо и облака. На его игрушку обратил внимание кто-то из взрослых. Внимательно рассмотрев через него солнце и, наверняка, попробовав на зуб, человек выяснил, что невзрачный камешек – это банальный и даже тривиальный алмаз. Это и был смертный приговор. И людям, и местности, и старому патриархальному укладу жизни.

Практически сразу сюда устремилась целая армия ободранных и оголтелых охотников за лёгкой наживой, вооружённых тяжёлыми кирками. Каждый из них был искренне уверен, что удача улыбнётся конкретно ему и именно он, непременно, найдёт огромную алмазную каменюгу, которая в одно мгновение превратит его из простого нищего в непростого богача. Вот так, из детского любопытства, озорства и забавы, родилась алмазная лихорадка в Южной Африке.

За короткий срок население близлежащих мест увеличилось на двести тысяч человек, а налоговые доходы выросли в десятки раз. В основном это были выходцы из Великобритании, примерно сто пятьдесят – сто шестьдесят тысяч человек. Пока подданные Её Величества рьяно трудились, обогащаясь лично, чиновники королевства ломали голову, как найти повод к аннексии столь лакомых, в прямом смысле этого слова, земель. Чисто в англосаксонском, колониальном стиле.

Мысль любого бюрократа, особенно если она касается личного обогащения, резва и причудлива. Через какое-то время выход был найден. Кто-то особо изобретательный и высококобый в недрах Королевского Кабинета Министров сломал мозги, но решил озаботиться возможным ущемлением политического статуса своих подданных. Получение права голоса пришлыми, но подданными Короны, в конечном счёте давало возможность отобрать у старых африканеров реальную власть в стране. А там путём нехитрых манипуляций местный парла-

мент переподчинялся приехавшему большинству и тогда... «прощай свобода», а вместо этого: «Честь имею, Ваше Величество!» Красиво, ажурно, и комар носу не подточит. 10 сентября 1899 года министр колоний Джозеф Юстин Чемберлен телеграммой предъявил ультиматум президенту Южно-Африканской Республики Паулюсу Крюгеру. В нём требовалось предоставить избирательные права всем европейцам, прожившим в республике не менее пяти лет. Ответный ультиматум не заставил себя ждать. Права переселенцам были готовы предоставить, но под абсолютные гарантии отказа Великобритании от вмешательства во внутренние дела, а также от притязаний на сюзеренитет²⁰ по отношению к республике.

Ответ не только не устроил, он показательно возмутил почти всю чопорную Великобританию! Её почти по-кабацки послали подобра-поздорову! Хотя глубоко в душе ничего другого и не ждали. Начались военные приготовления.

Примерно такую краткую предысторию конфликта имел в голове Леонид.

Последние газеты, проштудированные в Одессе, информировали, что буры первыми открыли военные действия и 12 октября 1899 года перешли границу Капской колонии и Натала. Отрядом в пять тысяч человек под командованием Кронье и Снимана осадили британский гарнизон в Мафекинге, численностью до семисот штыков. 15 октября буры осадили Кимберли с гарнизоном до двух тысяч человек.

Из зарубежной прессы Фирсанов выяснил, что в ноябре для деблокады Кимберли, Великобритания направила десятитысячную Первую пехотную дивизию под командованием Мэтнена в составе восьми батальонов, кавалерийского полка, шестнадцати орудий и бронепоезда. Ожидали атаки на основные силы буров до девяти тысяч человек под командованием Кронье.

На Натальском фронте буры в октябре взяли Чарльстаун, Ньюкасл, Гленко и осадили Ледисмит.

1 ноября войска буров взломали границу Капской колонии и заняли Наупорт и Стромберг. Победа не только усилила воинский дух, но и дала серьёзное пополнение бурским отрядам за счёт местных жителей голландского происхождения.

Голова трещала от незнакомых фамилий, мест и цифр, во рту стоял горький привкус чёрного кофе, а сердце стучало, как сумасшедшее. «Так ведь можно с лёгкостью и грудную жабу заработать. С кофе надо поосторожничать. Он не такой, как в Санкт-Петербурге», – подумал Фирсанов, свернул газеты и поплёлся на корабль.

В порту всё бурлило и кипело. Люди перемещались стремительно и в самых непредсказуемых направлениях. Большинство опаздывало в разные места, по разным делам. Кто-то «ещё», кто-то «впритык», а кто-то – уже «увы», но пытался последним стремительным рывком наверстать упущенное время и шанс. А меньшинство – мечтало спешно покинуть бурлящий котёл, чтобы окунуться в домашний покой и уют.

У трапа «Канцлера» образовалась людская пробка, которую остальной пассажиропоток порта стал обтекать, образуя многочисленные шумные водовороты. Кто-то из новых пассажиров был чрезмерно обременён вещами. За багаж европейцев и американцев, Леониду не хотелось употреблять расхожее клише – «белого человека», разворачивалось самое натуральное побоище. Две противоборствующие группировки носильщиков сошлись возле кучи чемоданов, тюков, картонок и коробок. И не обращая внимания на заказчика, весьма эмоционально, не стесняясь посторонних, принялись выяснять, кому носить и получать заслуженный доход. Судя по крикам и жестуляции, каждая из сторон билась за свой хлеб не на жизнь, а насмерть, обещая противникам ужасающие кары, вплоть до ликвидации рода до седьмого колена, а то и глубже.

---

²⁰ Сюзеренитет – преимущественно средневековое отношение одного государя (сюзерена) к другому (вассалу), находящемуся от него в зависимости.

В этот раз дипломатическая часть слишком затянулась, наверное, по генеалогии спустились значительно ниже. Малый, крутившийся возле чемоданов и сундуков с напускным безразличием, возможно «свободный художник», неожиданно проявил личную инициативу. Но пожадничал. Схватил слишком много груза и застрял между леерами трапа. У маленького юркого араба не получалось вписаться в поворот, а опустить огромный чемодан и сундук он не мог. Чемодан неизбежно бы соскользнул в воду у борта, а сундук – разлетелся бы брызгами по причалу. Ему бы сделать пару шажочков назад и идти боком, но сзади подпирал какой-то мужчина с бледным лицом. Чёрный котелок был надвинут на глаза, воротник чёрного военного покроя пальто мужчина сжимал рукой в чёрной кожаной перчатке у самого подбородка. В этой жаре, суматохе, игре красок, он выглядел странно и смотрелся как какая-то диковинная огромная куколка неизвестной науке бабочки. Были видны только серые глаза да белая полоска губ, сжимающая куцый огрызок расплзающейся сигары. Желваки ходили ходуном, но странный тип молчал и ничего не предпринимал. Фирсанов устал ждать, обтёк человека-«куколку» и жестами показал носильщику, что он держит поклажу. Арапчонку понадобилась секунда. Он развернулся, перехватил чемодан, мёртвой хваткой вцепился в сундук и помчался наверх. За ним весьма бесцеремонно проследовала «куколка» и что-то буркнула Фирсанову на ходу. Благодарности с таким видом не говорят, а для проклятий не было повода. То, как он двигался, выдавало в нём кадрового военного. Следом на борт поднялся Леонид и направился к себе в каюту.

Только пароход стал отходить от пристани, Фирсанов вышел по заведённому им правилу бросить прощальный взгляд на город.

Ядрёное синее небо ярко оттеняло горизонт, буквально нашпигованный минаретами и куполами мечетей песчаного цвета. В отличие от Стамбула, здесь они были не сферические, а вытянуты луковками. Иногда пейзаж разнообразили метёлки одиноких пальм. Снизу песчаную полосу города обрезала перламутровая полоска воды, почти такого же цвета, как и небо.

Теперь их ждал Суэцкий канал, Африканский рог, а дальше конечная точка путешествия – Лоренцу-Маркиш. Но до него было ещё много-много миль пути. Причём морских, которые больше сухопутных.

За те несколько дней, которые промелькнули после отхода из Александрии, Фирсанов видел несколько раз «куколку» на палубе, но он держался настолько надменно и замкнуто, что у молодого человека даже не возникало желания начать общение. Хотя «куколка» удостоил его меланхоличным кивком.

Огромное солнце оторвалось от линии горизонта и гигантским янтарным пузырьком вертикально поднималось вверх. Редкие облака были подёрнуты розовым. Солнечная дорожка идеально ровным конусом лежала почти на стеклянной глади воды. Еле уловимый ветерок приятно охлаждал кожу.

Фирсанов взял себе за правило: ещё до подъёма основной массы пассажиров разминаясь на сандеке²¹, если только позволяла погода. В этот день его занятиям помешал человек-«куколка». Он появился в пробковом колониальном шлеме и полувоенном сюртуке. Было неясно, ради чего поднялся в такую рань и почему решил, что здесь ему самое место? Фирсанов в этот момент отрабатывал дыхательные упражнения. Новичок с невозмутимым видом, глядя за горизонт, обозначил зарядку несколькими приседаниями с выбрасыванием рук перед собой. Его совесть была чиста, и он не стал утруждать себя какими-либо другими физическими нагрузками. Его атлетизм уже уходил в прошлое, намечался живот и тяжелели щеки, сильно напоминая брыли собаки-боксёра. Глаза с ленивой добродушной поволокой имели пронизывающий, тяжёлый, даже, можно сказать, давящий взгляд. Он выдавал волю и ум. Окончив ими-

²¹ Sundeck – дословно «солнечная палуба», самое живописное место корабля, предназначенное для отдыха пассажиров.

тацию, мужчина, развалился в кресле, курил сигару и изредка бросал внимательные взгляды на упражнения, которые выполнял Леонид.

Комплекс был направлен не на увеличение массы, а на развитие мышечной выносливости, эластичности и гибкости суставов. Основу Лёня почерпнул из книги Гудини, которую ему подарил Краснов, а часть уже были плодом его собственных разработок. Упражнения базировались на малоизвестном течении, распространённом в Индии – йоге. Особое внимание уделялось пальцам. Сначала следовала силовая нагрузка на все пальцы, отжимания и стойки, следом отжимания только на средних пальцах. Завершала тренировку разминка рук для жонглирования и престижиджитации²².

Пока Леонид разминался, «куколке» принесли кофе и коньяк в особой рюмке – книфтер. Он достал из внутреннего кармана кожаный футляр, выудил оттуда сигару, окунул в рюмку и воткнул в угол рта. Эффектно чиркнув спичкой по крышке стола, прикурил и выпустил клуб дыма. В сознании Фирсанова не укладывался коньяк и сигара с утра с предыдущим обозначением зарядки. Одно явно исключало другое. Скорей всего его приседания были личной данью былому поддержанию физической формы.

Когда Леонид закончил разминку и направился к себе, их взгляды пересеклись. Незнакомец дотронулся рукой до края шлема, как до полей шляпы, и изобразил приветствие.

– Прошу прощения, сэр! Высокоразвитые люди не должны сторониться друг друга. Но в это время и в этом обществе нас некому представить друг другу, а потом, я отношусь к предрассудкам, как к предрассудкам. Так что предлагаю вычеркнуть некоторые условности. Разрешите представится – Артур Уинстон Леонард Смит. Корреспондент «Дейли график».

– Леонид Александрович Фирсанов! Из коммерсантов, – на английском представился новоиспечённый корреспондент. Поскольку душой и сердцем он был на стороне буров, то решил во избежание ненужных неприятностей не сообщать англичанину об истинной цели своей поездки. Мало ли что! Но как известно: бережёного Бог бережёт.

– О! У вас прекрасный английский, с хорошим лондонским произношением. Вы с острова?

– Нет, я из России. Из Санкт-Петербурга.

– О! По слухам, красивейший город. Говорят, там изумительная ограда Летнего сада. Увидев её с воды, какой-то философ заявил, что остальное смотреть не стоит, самое красивое он уже видел.

– Это не слухи, это чистая правда, сэр. Но, кто это сказал, к сожалению, не знаю.

– А я грешным делом предположил, что вы из obsługi. Но, слава богу, вовремя разобрался. Прошу разделить мою скромную трапезу.

– Простите, но некоторое время я должен просто подвигаться. Если вас не смутит это моё поведение, то я позже к вам присоединюсь.

– Я почти всю жизнь провёл в седле, – при этом упоминании Артур почему-то слегка фыркнул, – поэтому не люблю стоять, сажусь при первой возможности, но с ещё большей охотой – ложусь, когда предоставляется такая возможность. Удивительное утро.

– Согласен, – то удаляясь, то приближаясь, ответил Лёня. – Это редкая возможность поразмышлять, созерцая максимально аскетичную красоту природы. Три элемента: небо, облака и вода.

– «Максимально аскетичная красота», – пробуя слова на вкус, прогнусавил англичанин. – Красивое сочетание. Позвольте мне его использовать в своих записях.

– Буду только рад, – щедро угостил корреспондент корреспондента.

– А горизонт?

---

²² Раздел искусства иллюзиониста – основанный на умении фокусника использовать силу, ловкость, гибкость пальцев и особенно запястий рук для манипуляций с мелкими предметами.

– Что горизонт? – не понял Фирсанов.

– Вы сказали, что три элемента, а горизонт – четвёртый.

– Конец одного и начало другого, всего лишь связующее звено, оно принадлежит обоим и не может существовать отдельно, хотя и не лишено особого мистического смысла.

– И не возражайте мне! Но вы пишете, молодой человек! У вас слишком образная речь и набита рука на эффектные формулировки.

– Под давлением неоспоримых фактов, вынужден признать – пишу, – полушутя сознался Фирсанов, – но кто ж не занимается этим в молодости? Пройдёт она, пройдёт и тяга к перу и бумаге.

– Не всегда и не со всеми. Я, например, набивал руку в письмах к матери, когда был на Кубе, в Индии и Судане. Сейчас снова в дороге. Африка ждёт. У вас какая-то необычная гимнастика. Замечаю в ней мотивы любимой мной Индии. Да и мышечный каркас у вас не силового профиля.

– Эти упражнения для гибкости, – ответил Леонид и поразился специфичной наблюдательности Уинстона.

– И охота вам заниматься тем, что не имеет прямого практического воплощения?

– Вот тут я с вами не соглашусь! – воскликнул Леонид.

В два шага он оказался у тонкого бортика, ограждающего палубу, встал на руки, сделал несколько «шагов» вдоль, а затем, зажав неширокие перила, сильно откинул тело в сторону воды. Слабый женский вскрик прервал демонстрацию силы. Кто-то из ранних пташек всё-таки выпорхнул на «волю». Леонид мгновенно оказался за столиком англичанина и даже развалился с невинным видом.

– Впечатляет, – солидно подтвердил женскую реакцию Артур. – Скажите, а я могу достичь такой же ловкости?

– Но это же «не имеет прямого практического воплощения»? – поддел бывшего кавалериста Леонид.

– Согласен, вы меня поймали. Признаю свою неправоту. Ну так как?

– Как у нас говорят: «Терпенье и труд, всё перетрут». Если вы рассчитываете на результат через два дня, то и не стоит начинать, а если проявите упорство, то через несколько месяцев почувствуете изменения в мышцах.

– Многообещающе. Вы можете меня научить, Лео? Позвольте мне вас так называть.

– Конечно! Но смогу лишь дать вам базовые упражнения, которые вам придётся слегка видоизменять под себя конкретно.

– Но надеюсь, с вашей помощью?

– До конца путешествия – не вопрос!

– Когда сможем приступить? – проявил неожиданную настойчивость Смит.

– Завтра с утра вас устроит?

– Безусловно!

– Тогда на этом месте, в тот же час. А теперь простите – водные процедуры.

– Простите, что задержал, – извинился Артур, чуть привстал в кресле и снова коснулся полей головного убора.

За обедом в общей столовой Артур появился в неизменном чёрном костюме, сменив колониальный шлем на котелок. Он нашёл Леонида глазами за столиком в зале и без тени сомнений направился к нему.

– Не помешаю? – всё же поинтересовался Смит.

– Вы первый, кто скрасит одиночество моего путешествия, – следуя церемонности английских комплиментов, ответил Фирсанов.

Уинстон сел в кресло, а на другое положил шляпу. Теперь было понятно истинное предназначение котелка – огромные залысины, стремящиеся на затылок, прорезали его огром-

ный лоб, уничтожая шевелюру. Леониду нестерпимо захотелось причесать свои густые русые волосы, но он только запустил туда пятерню, якобы приводя их в порядок и незаметно подёргал их. Всё было в порядке, держались как вбитые.

– Надеюсь, вы не мизантроп или отшельник в паранойе? – заулыбался англичанин, растекаясь по креслу напротив.

– Может и хотел бы им быть, но тогда влетит от батюшки?

– В смысле?

– Торговля и мизантропия вещи не совместные.

– Ах, вот вы о чём? Торговать или скупать едете?

– Пока только разведать. Понять потребности тамошнего рынка.

– На чём специализируетесь? – профессионально стал вести допрос журналист. Леонид подсобрался, у него мелькнула мысль: «А не разведчик ли он, часом?»

– Слышали, что там имеется большой спрос на кирки, мотыги, лопаты и другой скобяной товар. Всё-таки лихорадка.

– Да, золото и алмазы не одному человеку перевернули мозги, – заметил Артур и кинулся поедать обед, принесённый стюардом. К этому делу он подходил по-английски педантично, поэтому полностью сосредоточился на содержимом тарелок. Фирсанов внутренне перекрестился и обрадовался, что рот у Уинстона был на некоторое время занят. Только он произнёс про себя молитву и потянул первую ложку в рот, как Смит огорошил его вопросом: – Вот только не пойму, зачем торговцу скобяным товаром такая гимнастика?

Надо было срочно придумывать что-то правдоподобное.

– Так это вроде наказания.

– Что именно? – не понял Артур. – Поездка? Торговля? Или что-то ещё?

– В православных монастырях каждому монаху даётся работа, которую он обязан выполнять и не имеет права отказать. Это называется урок или послушание. Так вот, если хотите это моё послушание. В ранней молодости, – безудержно принялся врать Леонид, – влюбился я в венгерскую циркачку. До умопомрачения. И сбежал за ней из дому. Несколько лет колесили с цирком по городам Европы, даже у вас в Лондоне, Портсмуте и Эдинбурге бывали. Сумасшедшая любовь. – Лёня распалился в своём вранье всё сильнее и сильнее. Он понимал, что его несёт, но остановиться не мог и даже в экстазе закатывал глаза. – И чтобы не сидеть на шее у любимой, придумал номер и ездил за ней, как проклятый.

– История в русском романтическом стиле? И каким боком в это приключение влезли скобяные изделия?

– Раз сорвался, сломал ногу. Пока лечил, цирк поехал дальше. Когда я их догнал, в её сердце стойку на руках уже делал другой акробат. Неприятная, но всё-таки стабильная привычка. Известно – голод не тётка, пирожка не поднесёт. И пришлось, почти год назад, поджав хвост, возвратиться домой к отцу. Тот поворчал-поворчал, взял с меня слово, что продолжу я семейное дело, и принял назад. И вот я здесь.

– Первым классом?

– Как говорят в России: лопни, но держи фасон! Русский купец иначе не может.

– А что в цирке делали?

– Сначала, что придётся, потом, что доверят, а позже жонглировал и работал номер силовой акробатики.

– Не может быть! – то ли удивился, то ли засомневался англичанин.

Ложка, лежавшая на столе рядом с Леонидом, неожиданно исчезла, потом появилась в другой руке, следом она перекочевала в жилет к Артуру. Позже она самым необъяснимым образом самостоятельно залезла в рукав пиджака Леонида. А после эффектного жеста ладонью англичанин обнаружил её на кресле под шляпой. Пока Уинстон внимательно изучал ложку,

разве что на зуб её не пробовал, Лёня многократно сложил визитную карточку корабельного ресторана, а развернул купюру в десять фунтов стерлингов.

– Вы ужасный человек, Лео. Вас надо бояться, вы заставляете сомневаться в основополагающих вещах.

– Вы явно преувеличиваете мои скромные возможности, Артур.

– И вдобавок вы, Лео, авантюрист. Большой авантюрист. Ваш отец сильно рискует.

– Но я же дал слово!

– Что такое слово против природы? Так – пустой звук.

– Вы хотите сказать, что я обманщик, – изобразил обиду Фирсанов, надеясь этим прекратить собственную ложь и уже надоедающий разговор, больше похожий на допрос.

– Избави бог, милый Лео! Я ни в коем случае не хотел вас обидеть! Проклятая журналистская привычка докопаться до нутра и сути. Я хотел сказать, что ваша натура, помимо вашей воли, может завести вас в такие дебри. Поверьте мне, старому кавалеристу, пожившему достаточно на свете.

– Что же мне делать? – неискренне удивился Фирсанов.

– Соблюдать осторожность и не стесняться обратиться ко мне. Если буду рядом – помогу.

– Благодарю за предложение. Но надеюсь, у меня всё же есть сила воли.

– Дай-то бог! А теперь, я на послеобеденный сон, – с очаровательной улыбкой сообщил Артур и направился к себе в каюту.

«С завтрашнего дня он у тебя не будет сладок», – мстительно подумал Леонид. И вышел на палубу полюбоваться морем, тем более что с кораблём начала соревноваться в скорости стая дельфинов.

После ужина он стал укладывать в голове легенду о папе-купце и возлюбленной-циркачке, насыщая её подробностями и мелочами. И почему так распорядилась его фантазия? Но ведь на самом деле, в детстве, лёжа в своей комнате, именно об этом он мечтал. Не о циркачке, а о Цирке!

Фокусы, может быть, и убедили Артура Уинстона в прошлой цирковой версии жизни Фирсанова, но какие-то сомнения, видимо, остались. В дальнейшем он неоднократно и всегда неожиданно возвращался к этой теме, для уточнения или выяснения каких-то мелких подробностей. Всё искал, выискивал какие-то нестыковки или противоречия. Но поскольку Леонид очень удачно скомпоновал историю, то англичанин проглатывал очередной кусок и на некоторое время затихал.

Утром следующего дня корреспондент «Дейли график» явился на занятия как на службу. Обтягивающее чёрное трико на подтяжках, чёрная майка с вырезом, в который заправлены концы обёрнутого вокруг шеи полотенца, и неизменный пробковый шлем, которому Леонид решительно воспротивился. Смит безмолвно подчинился.

– Это слишком легко, – через сорок минут разминки сказал Смит.

– Торопливость сгубила не один замысел с размахом, – парировал Леонид.

После разминки Фирсанов предложил Смицу силовые упражнения. Вот тут англичанин даже вспотел. Потом, в ожидании завтрака, постоянно утирал малиновое лицо от пота и молча наблюдал, как на горизонте проплывал африканский берег.

– Сейчас, – аппетитно обсасывая печенье, только что выуженное из чашки с кофе, сообщил Артур, – у Африканского рога повернём ровно на юг и пойдём до Лоренцу-Маркиша почти по прямой.

– Африканский рог?

– Именно. Так называют эту восточную оконечность Африки. Если нам никто не помешает.

– А кто может?

– Пираты.

– На излёте девятнадцатого века?

– Лёгкую добычу жители этих мест будут искать всегда. Отобрать чужое всегда проще, хотя и опасней.

– Мне казалось, с исчезновением парусов, появлением пароходов и усилением законов, флибустьеры канули в прошлое.

– Закон люди попирали во все времена. Паровая сила, может быть, слегка поджала, но не сломила корсаров. Пока пароходы не столь быстры, действуют по старинке: соберутся толпой под паруса, а потом налетают ватагой. Кто-нибудь да зацепится и втянет остальных. А дальше, как в прошлые века. Вот увидите, со временем и их настигнет прогресс. Поставят машины на суда небольшого водоизмещения и опять пойдут на абордаж.

– Этот век исчезнет через какие-то считанные дни.

– Все ждут какого-то чудовищного перелома на рубеже веков, – уверенно сказал Смит, – но его не будет. Никто не сойдёт, ничего не развернется. По крайней мере по заказу какого-нибудь кликуши или кликуш. Если и произойдёт что-то ужасное, то своим чередом. Перелом будет в другом – континенты станут ближе, ездить станем быстрее. Освоим воздух и будем больше и злее убивать себе подобных.

– Вы мрачный тип.

– Не мрачный, а реалистичный.

И разговор снова вернулся к спортивной теме, которую оба очень любили обсуждать.

На следующее утро гримаса боли исказила лицо Артура после первого же упражнения, но он смолчал, прикусил губу и продолжил занятия. «Не имеет практического применения?» – злорадствовал Леонид. Англичанин в этот раз был немногословен, а после обеда надолго исчез в своей каюте. И появился незадолго до ужина. Фирсанов хотел съязвить, но прикусил язык.

Утром третьего дня Артур стал пунцовым, а крылья носа побелели. На осторожное предложение Лёни прекратить занятие, коротко отрицательно мотнул головой. За обедом ложку держал с трудом, а потом в шезлонге на палубе с видимым усилием чиркал спичкой. «Это тебе за бесконечные расспросы», – в последний раз позлорадствовал Фирсанов. Сноб получил по носу – и доволен.

Через неделю пунцовость исчезла, а на десятый день, сцепивши пальцы своих рук за спиной, Уинстон удивлено воскликнул.

– Я так никогда не умел! Браво, Лео!

– Если не бросите, то скоро будете делать то, о чём даже не мечтали.

– Я хочу так же подтягиваться и ходить на руках.

– Вы убедились в первых сдвигах, теперь всё в ваших руках.

Смит принялся внимательно изучать свои кисти и трогать намечающиеся мозоли.

– А почему не Индию вы с вашим отцом выбрали в качестве рынка? – неожиданно Артур вернулся к старой теме.

– Далеко и малопонятно. Да и нам ли тягаться с английскими купцами?

– Ну, сейчас вы тоже не на соседнюю улицу идёте, – употребив морской термин, заметил Уинстон.

– Все-таки манера мышления европейцев нам ближе, чем индусов. И пока не известно, чем кончится мой вояж. Может, мы это всё в убыток занесём?

– Отец может быть, а вот вы с вашим литературно-поэтическим взглядом вряд ли. Хотите один добрый совет?

– Безусловно.

– Ищите клиентуру по нашу сторону.

– Почему?

– Рано или поздно мы добьёмся своего, переломим хребет сопротивлению, а тогда ваши покупатели, и не только, обратят внимание, кому вы сбывали свои кирки и топоры. Если это на самом деле будут топоры и кирки.

– Совет выглядит как угроза, Артур, – усмехнулся Фирсанов.

– Не становитесь параноиком, Лео! Главное, чтобы вы не попали в какую-нибудь историю. Вы стали мне слишком симпатичны. Буры не слишком далеко ушли от своих черномазых рабов. Они пользуются благами нашей цивилизации, которой нужна золотая и алмазная кровь. Им она априори не нужна, ввиду их закоренелой узколобости, а нам – принадлежит по праву.

– Остров так далёк от Африки!

– Мы избавим их от дикости и принесём плоды настоящего прогресса. Всё совершенство и ценности западной цивилизации!

– Как в Индии? – поинтересовался Лёня.

– А почему бы и нет? Мы империя и должны иметь прочную основу. Ну, как гражданин другой империи вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Ваш император тоже объединяет множество народов, несёт им свет мира в буквальном смысле слова.

– Артур, мы вбираем народы, оставляя неприкосновенной их самобытность, а потом шаг за шагом подтягиваем, не ломая хребтов.

– Так и мы тоже!

– Индейцы обеих Америк уже почти исчезли с лица земли. Афганцев, персов и многочисленные народы Индии, как, например, сикхов, ждёт та же участь. Если не произойдёт чего-нибудь экстраординарного.

– Постойте! Индейцы благополучно живут в резервациях.

– Клочок земли вместо целого континента? – опечалился Фирсанов. – Манхеттен, купленный за ящик виски? Обман или честная торговля?

– Это разумная плата за прогресс.

– А не кажется ли вам, Артур, что цена непомерно раздута? Некоторые колонизируемые народы добились гораздо больших успехов в тонкостях познания окружающего мира, нежели европейская цивилизация. Имеют более интересное и многоуровневое культурное пространство.

– Кто именно?

– У индейцев – легенды о Гайавате и циклопические города, у персов – легенда о Гильгамеше и Вавилон, у индусов – Махабхарата и их система летоисчисления. Познания в архитектуре, астрономии, математике и географии и других областях знаний поражают. Они знали и делали многие вещи, когда Европа только-только осваивала дубинку и наряды из шкур.

– У всего свой расцвет. Сейчас наше время. А для сына купца скобяных товаров вы слишком широко образованы. Даже на европейской цирковой арене таких знаний не хватается.

– Подозреваете, что я незаконнорождённый потомок царской династии? Наследник тайных знаний какого-нибудь масонского ордена или ложи? – с улыбкой спросил Леонид.

– Подозрения, конечно, оскорбляют, но тут... Поражает изобилие направлений и объём знаний... – засмутился Артур.

– Все проще. Всё много проще. Люблю всегда узнавать что-то новое. Не любопытствовать, а узнавать. Учиться не зазорно, а вот быть неучем – даже очень.

– Опять же новый парадокс! – воскликнул Смит.

– Иногда мне кажется, что самым важным для западной цивилизации является стяжательство. Редко – честным трудом, чаще обманом или разбоем. Вашей иконой является бальзаковский Гобсек.

– Понял! – даже вскочил Артур. – А вы, часом, не марксист?

– Марксист? Я?! – опешил Лёня.

– Очень похожи.

– Если честно, я вообще с трудом выношу политику и стараюсь держаться от неё подальше. Последовательная цепь компромиссов редко выводит на светлый путь.

– Сами или прочли?

– Простые умозаключения приводят к таким несложным самостоятельным выводам. Человечеству ещё предстоит найти приемлемую всеми форму управления и консолидации общества, лишённую угнетения и презрения любого своего члена. Я такого строя, к сожалению, пока не знаю.

– Восхищаюсь вами и согласен, – неожиданно сказал Смит. – Демократия – это ужасная форма правления обществом, но пока лучшее из всего того, что придумало человечество.

– Обязательно будут искать!

– В вас, Лео, ещё говорит и бродит юношеский максимализм. Уже через пять, максимум десять лет вы поймёте, что истина в оттенках, полутонах и полужуках. И их иногда бывает почти невозможно различить, а какую богатую палитру они дают!

– Вы рисуете страшную картину мира.

– Но честную! Самообман чреват крупными потерями.

Долгий философский разговор плавно перекинулся в гастрономическую область, приближалось время завтрака. Туда приятели и отправились.

Каким бы долгим не было путешествие, прелесть его в том, что оно рано или поздно заканчивается. Накануне прибытия в конечный пункт друзья засиделись за разговором допоздна и дали слабину: вышли на последнюю утреннюю разминку на час позже. Для них стало привычным полностью отдаваться этому делу. Произошло самое неожиданное, но ожидаемое – Артур втянулся и ему стало нравиться. И когда в азарте тренировки он вслед за своим тренером встал на руки и прошёлся несколько шагов по палубе, то изумлённый женский возглас вернул друзей к реальности.

– Если бы в Лондоне мне кто-то сказал, что я когда-нибудь пойду на руках, то я поднял бы его на смех. Но тут... Лео, вы гений!

– Спокойно, Артур! Вы же сами всё сделали. Поэтому если и есть здесь моя заслуга, то только лишь в том, что указал вам этот путь.

– Дайте мне слово, что, когда я вернусь в Лондон, вы приедете ко мне погостить.

– Артур, если судьба захочет, то мы обязательно увидимся. Может быть, и не раз. Вы прекрасно скрасили уединение этого путешествия, и я никогда не забуду этих дней.

– Взаимно! – ответил явно растроганный Уинстон.

Расстались они у трапа, молча пожав друг другу руки. Уинстон, по-прежнему одетый во все чёрное, растворился в толпе вместе со своими чемоданами и сундуками. Леонид пошёл вместе со своим саквояжем до гостиницы, где дотошный Сила Яковлевич забронировал номер. Нужно было скорей узнать, как двигаться дальше. До конечного пункта было ещё минимум двести миль пути.

Ноябрь 1899 года. Лоренцу-Маркиши

«Дорогой отец! Пользуюсь представившейся возможностью послать тебе весточку о себе и сразу сообщаю, что со мной, слава богу, всё хорошо. Здоров, бодр и даже сыт. Про нос в табаке опустим. Не курил и курить не собираюсь. Морской этап позади. Перенёс его на удивление просто. Вода в океанических масштабах не вызвала морской болезни. Утром разрабатывал мышцы, днём бродил по кораблю и читал, вечером любовался закатами, а ночью восхищался звёздным небом над головой. (О моральном законе Канта опустим.)

До Александрии была скука смертная. После моё одиночество скрасил один англичанин. Как и я, корреспондент. Правда, я ему не открылся. Придумал зажигательную историю про любовь к венгерской циркачке и купца-отца, торгующего скобяным товаром, отправившего меня на разведку. Простишь? Сам не знаю, зачем выдумал? Мы с ним на пару убивали время на пароходе за беседами и физическими занятиями.

Однажды утром, после одной из тренировок, проводившихся до подъёма основной публики, застали необычную суету на судне. Команда с загадочными лицами перебежала с носа на корму и обратно. Бежали не то чтобы быстро, но часто и сосредоточенно. Чем обратили на себя моё внимание. Обслуга была предельно вежлива и корректна. Делала удивлённые и невинные глаза, когда слышала вопрос о причинах такого поведения. Или несли такую ахинею, которую и враньём-то назвать нельзя.

Через полчаса после ланча пробили склянки, и душераздирающий вопль прилетел с кормы. Потом кто-то ударил во что-то металлическое. Ответили медным дребезгом и хором дикарей на баке. И следом по всем палубам что-то дробно зазвучало и мелко загремело. Казалось, что где-то за бортом огромная и пышногрудая цыганка трясёт своим монисто. Обернувшись в сторону крика, увидел как с юта²³ расплзается разряженная толпа. Перемазанная чем-то чёрным, с нелепо подведёнными глазами и размалёванными губами. Украшенная чем угодно: рваными тельняшками, рыболовными сетями и растительными юбочками. Последним появился „старец“ с накладной бородой из мочала, трезубцем и сползающей на глаза жестяной короной. Оказалось, прибыл не кто иной, как Царь Морских Глубин и Владыка Вод Посейдон, он же Нептун. „Каницлер“ пересекал экватор. Всех новичков мужского полу „воинство“ Нептуна кидало в старый парус, натянутый наподобие гамака. Его усердно наполнили забортной водой. Женщин, несмотря на истошный визг, окатывали ею из кружек. Потом Нептун всех поздравил и выдал бумагу о пересечении экватора. Вечером был торжественный ужин, песни и танцы до упаду.

Сразу вспомнились мне наши праздники в Павловске. Не хватало твоего таланта, твоей выдумки и твоего размаха! Представляю, какой бы ты грандиозный праздник закатил! А каким бы был Нептун в твоём исполнении! Искромётный и хулиганистый. Даже настоящий Царь Морской – и тот бы позавидовал.

Почему-то всё время путешествия преследуют строки из „Паруса“: „Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?...“ В голове, порой до навязчивости, звучат песни, исполняемые твоим голосом, а значит, мы вместе.

Как ты и как здоровье? Чем теперь твоё сердце успокаивается? Посещает ли тебя мой однокашник Краснов? Устраиваешь ли ты ему концерты?

Как бы я хотел быть среди публики...

Следующую весточку пришлю по прибытии на место. Передавай приветы знакомым. С любовью и уважением, твой сын, Леонид Фирсанов. Лоренцу-Маркиш. 27 ноября 1899 года».

²³ Бак и ют – носовая и кормовая надстройки на палубе судна.

«Как жаль, как жаль, как жаль! Кричало и отстукивало моё бедное сердце, когда я не застал не единой строчки от вас, милая Лизавета! Не нашлось десяти минут или подвела почта? В обоих случаях жаль. Обидно будет, коли письмо придёт после моего отъезда. Но что уж тут поделаешь... Не надо голубиной, следующее илите обычной почтой.

Путешествие морем окончено, теперь предстоит поездом добираться до Трансвааля. Но как и когда, буду знать только завтра.

Настроение, как Санкт-Петербургская погода в это время года. Обложные облака – цвета моей тоски, пронизывающий ветер и снежная крупа по мостовым. А тут... После экватора, который я благополучно пересёк, о чем имею именное свидетельство лично от Его Величества Нептуна. Правда, макнули в воду, как в купель, но теперь я был в двух полушариях.

С приходом темноты специально вышел на крошечный балкон моего гостиничного номера и пытался отыскать повсеместно известное созвездие Южный Крест. Небо здесь на самом деле абсолютно другое, чем над нами. Оно бархатно-тёмное, ласкающее, а не гладко-холодное, как над Невой. Крутил, крутил головой, но так и не нашёл. Ярких звёзд много, а в крест не складываются. Всё большие треугольники. Без знающего взгляда отыскать не смог. Прав был великий Ломоносов: „Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна“. Теперь есть краткая, но цель: сыскать и рассмотреть, чтобы потом, когда-нибудь, ненавязчиво и мельком заметить: „Был под ним, красота неопиcуемая“. Мальчишество, скажете вы. Не отрицайте, скажете!

Кстати, здесь, в отличии от нас, начинается лето. Жара, утврждают, будет расти день ото дня. Но куда ещё! Был уверен, что сварюсь во влажном воздухе, как только сойду с трапа парохода. Но пока – держусь. Всю дорогу по морям дискутировал и оттачивал ораторское мастерство с одним англичанином. Но он оказался слишком толстокожим и не осознал ошибок Британской Империи. Но... я скоро всё исправлю. Моё острое перо, зоркий глаз, тонкий ум и нетривиальная ирония расставят всё на свои места. (Безусловная шутка. И может быть, даже не смешная.)

Лоренцу-Маркиш, можно сказать, небольшой провинциальный город, застроенный домами в колониальном стиле. Прочными, вечными, мрачными. К пальмам я уже успел привыкнуть в Стамбуле и Александрии. Здесь же удивили акации и невообразимой красоты закаты. Цвета яркие, а не пастельные, как на севере. Оранжево-красное солнце окрашивает всё в кирпичные и медные цвета. По нашим меркам проходит стремительно. За какие-то полчаса яркий день превращается в беспросветную угольную ночь.

Чем живо Отечество и вы? С наступлением холодов, умоляю вас, держите ноги в тепле и не позволяйте себе мёрзнуть, иначе инфлюэнция отравит вашу драгоценную жизнь. Улыбка исчезнет с вашего милого лица, а это недопустимо.

Теперь мне предстоит последний рывок под стук колёс и с саванной за окном. Может, увижу местную фауну, поскольку флорой уже частично налюбовался.

Надеюсь, что по прибытии на постоянное место дислокации (пора привыкать к военной терминологии!), смогу получить от вас хотя бы пару строк (но вы сами прекрасно понимаете, что это всего лишь общепринятая словесная формула, совсем не отражающая моего истинного желания). С

уважением и другими чувствами, Леонид Фирсанов. Лоренцу-Маркиш. 27 ноября 1899 года».

Декабрь 1899 года. Лоренцу-Маркиш – Претория

Утром первого дня из неудовлетворённого любопытства Леонид предпринял небольшую вылазку по столице португальской колонии. За сравнительно небольшой промежуток времени ему удалось посмотреть все, что представляло какую-то архитектурную ценность в этом городе. Несколько монументальных зданий викторианской эпохи в центре, собор, здания магистрата. Сотня-другая шагов и он оказался на окраине.

Местный базар, зажатый круглыми домиками, крытыми соломенными крышами, удивительно похожими на парижские шляпки от солнца. А вся постройка больше напоминала улей. Фирсанов, как ему казалось, пытался незаметно и ненавязчиво следить за местным населением. Наивный! Так прячутся маленькие дети, закрывая ладошками глаза и считая, что их нет. Белый, со светло-русой шевелюрой, пытался быть незаметным! И где – в Африке! Его стали беспардонно рассматривать, как бородатую женщину в цирке. На другой стороне базарной площади ситуация повторилась. Только теперь его не только рассматривали, но стали и трогать. Без соблюдения европейских мер приличия тут же стали обсуждать и, не стесняясь, гортанно хохотать над своими выводами. Причём явно нелицеприятными. Меланхолического наблюдения за аборигенами не получилось. А получилось позорное бегство под улюлюканье толпы, когда мальчонка лет десяти полез пальцем в глаз.

В «надругательстве» не приняли участия лишь несколько мужчин, которые ритмично и очень сосредоточенно двигались по кругу. Ритм танцорам выдавал огромный барабан, по которому самозабвенно лупила женщина, не уступавшая размерами своему инструменту.

Промучившись несколько дней в душном номере гостиницы, проведя несколько ночей на влажных простынях, Фирсанов наконец-то дожид до дня отправления поезда.

Непривычно узкая и петляющая колея быстро превращалась в еле заметную ниточку, пьяно бегущую к горизонту. К составу из крошечных вагончиков бордового цвета был прицеплен игрушечный паровозик с огромной красной трубой. Из неё валил непомерно густой дым, явно украденный у какого-то взрослого локомотива. Машинист с обвислыми рыжими усами и зелёными глазами объевшегося кота меланхолично курил трубку. Из тендера в кабину, сверкая зубами и белками глаз, сновал полуголый кочегар-негр. Шар мелким бесом вьющихся волос украшала засаленная форменная фуражка. Как она при этом не слетала с такой шевелюры, для Леонида было загадкой.

Раздался истошный крик кондуктора, звон колокола, установленного за трубой паровоза. Машинист, не вынимая трубки изо рта и не расплескав меланхоличности, едва тронул рычаг. Дым из трубы поглотил дым из трубки, и над вокзалом раздался пронзительный свист. Паровоза или его машиниста? А может, и обоих?

Дёрнувшись, состав отправился по выжженной равнине к тонкой полоске гор. Была надежда, что, взбираясь всё выше и выше, поезд достигнет прохлады. Несмотря на то что в вагоне не было ни одного закрытого окна, стояла жуткая жара и духота. Липко-душно и потнознойно. Один вид пушистых плюшевых диванчиков вызывал предчувствие скорого теплового удара. Лишь когда поезд немного разогнался, появлялось некое подобие сквознячка.

Пейзаж менялся стремительно. Сначала поезд, притаившись, как огромный кот, полз среди высокой и выгоревшей травы. Потом рывком выскочил на зелёные сочные поля с хаотично разбросанными невысокими остроливыми кустарниками и редкими деревьями с высокими кронами. И вот над кустарниками показались головы жирафов. Их вид и плавный ход потрясли Фирсанова. Он, как восторженный мальчишка, высунувшись по пояс из окна, следил за этими пятнистыми гигантами. Поезд, возглавляемый игрушечным паровозиком, неожиданно резво мчался по саванне. Стада антилоп и других животных совсем не обращали на состав внимания. Пугается тут какая-то мелочь под ногами!

На первой же станции Лёня купил местных фруктов. Ярких, сочных, лопающихся от переполнявших их соков. За мелкую монету ему чуть не завалили всё купе.

Среди пассажиров было несколько человек явно славянской внешности. Но вели они себя отчужденно-молчаливо. Нарочито тщательно изучали прессу и в разговоры ни с кем не вступали, чем, собственно, и выделялись среди других пассажиров. Конспирация с треском проваливалась.

Из всей дороги врезался неприятный эпизод. Красавец леопард гордо и лениво наблюдал, как мимо него катились вагончики. Вдруг из окна соседнего купе высунулся гранёный ствол старинной винтовки и раздался выстрел. Пятнистая кошка подпрыгнула и закрутилась на месте, поднимая красноватую пыль. Дёрнули тормоз. Поезд остановился, выскочил охранник с ружьём и побежал к своей добыче. Шотландская юбка смотрелась живописно и была весьма к месту. Осмотрев замершее животное, молодой человек махнул рукой. К нему кинулся машинист, и они за двадцать минут сняли шкуру. Поезд снова невозмутимо потащился к Драконьим горам.

Зачем и кому это было нужно? Не из самозащиты, а из прихоти, из пустого самолюбования, убили красивое, гордое, дикое животное, которое никому не мешало. Что изменилось бы в мире, если бы леопард продолжил лениво наблюдать за дорогой, деревьями, за многочисленными стадами? Ровным счётом НИ-ЧЕ-ГО! Всё равно, что проходя, проходя мимо, пнуть нежащуюся на солнце псину. Зачем?! За что?! Из пошлого и глупого желания самоутвердиться, прекрасно зная, что никогда не получит ничего в ответ. Смелость труса над слабым. Но никто из пассажиров не выразил своих чувств ни звуком, ни жестом, ни взглядом. Было слишком жарко. Фирсанов с презрением посмотрел на стрелка, но тот или не понял, или сделал вид, что не понимает причины такого холодного взгляда взбалмошного русского. Такая мишень! Грех пропустить...

На месте их встречал сам Александр Гучков – мужчина борцовского вида, с покатыми плечами. В явном противоречии с крупным телом была интеллигентная, ухоженная тёмная бородка, в которой уже поблёскивали серебряные нити и изящное пенсне, поблёскивающее на носу. О Гучкове в Санкт-Петербурге вскользь упоминал ещё Сила Яковлевич. Мужчина оказался волевой и деятельный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.